

*Тайна, покрытая
ираком*

21+ ADULTS ONLY

Анатолий БОРЗОВ

ANENERBE

Виталий Борисович Шумный — в прошлом участковый, а ныне сотрудник более серьезного органа, брошен на расследование преступлений, которые случаются и в глубинке. Обыкновенное, ничем не примечательное происшествие — пожилая женщина падает в лестничный пролет и погибает. Все достаточно очевидно — подобные дела закрываются быстро, пополняя статистические данные, написанные сухим и казенным языком. Вероятно, именно так все бы и произошло, однако к удивлению Виталия Борисовича к нему является покойная...и начинает вести странные и непонятные беседы. Ни родственников, ни близких у погибшей не имеется, единственный знакомый — проживающий рядом сосед. Замкнутый и не менее одинокий Алексей Митрофанович — последняя ниточка, возможно, в какой-то степени позволит пролить свет на трагедию, за которой стоит некая тайна. Вот только как приблизиться к этой тайне, в какую дверь войти, и где эта дверь находится? Сложно, невероятно сложно — чем больше узнает сотрудник, тем больше возникает вопросов, и потому что следы ведут в прошлое, и потому что он сам становится участником событий — но только каких? Мрачные и темные, покрытые пылью истории времена, когда в очередной раз застонала русская земля, привычно умывшись кровью и слезами, когда в одночасье дети стали взрослыми, женщины — старухами, а мужчины — стариками. Когда на смену одному испытанию приходит другое — еще более страшное, так как нет ничего ужасней войны — долгой и кровопролитной, когда люди теряют облик человеческий, и происходит пир во время чумы.

Анатолий Анатольевич Борзов

ANENERBE

Высоко, чертовски, высоко

Сначала появилась голова — средних размеров, обросшая непокорными, слегка вьющимися волосами. Затем сверкнула лысина — крохотное блюдечко, и только потом глаза, которые посмотрели направо, моргнули пару раз, о чем-то подумали и вновь моргнули. Дверь отползла в сторону и уже собралась вернуться в исходное положение, когда на ее пути возникла нога, вернее, стоптанный башмак. Дверь уткнулась в башмак, тот сморщился, а через секунду-другую сморщилось и лицо.

Тихо.

На лестничной площадке было и впрямь тихо. Ни души.

Однако человек не спешил. Словно пес, поводит ушами, вслушиваясь в тишину, посмотрел на противоположную дверь и только потом осторожно вышел. Также осторожно прикрыл дверь и еще раз поводит ушами.

Одет он был более чем странно: кроме стоптанных башмаков серый или скорее зеленый плащ, потерявший цвет, и синяя рубашка в красную клеточку — она выглядывала как на груди, так и на животе, где явно не хватало пуговиц. В руках мужчина держал сумку, какую — не разобрать. То ли хозяйственную, то ли спортивную, однако это была сумка. Одна ручка перевязана грязным бинтом, другая — шнурком или бечевкой. Разобрать более точно не представлялось возможным.

Щелкнул замок, и мужчина вздрогнул. Посмотрел на дверь, будто желал убедиться, что именно она является источником звука. Осторожно приблизился к перилам и глянул вниз.

Высоко. Так высоко, что закружилась голова.

— Черт, — сказал мужчина и плюнул.

Проследил взглядом, однако звука, что рождается при приземлении, не услышал. Еще раз плюнул и вновь ничего не услышал.

— Высоко, — сказал мужчина. Кому сказал — непонятно. То ли себе, то ли еще кому-то, ... хотя, все же, наверно, сказал себе — на лестничной площадке ни души.

— Так уж и ни души, — тихо пробормотал человек и стал медленно спускаться по лестнице. Когда он достиг очередного пролета, противоположная дверь — ту, в которую смотрел мужчина, отворилась, и появилась другая голова — женская. В бигудях и платке... или нет, не так... в платке и бигудях. Осторожно ступая, женщина приблизилась к перилам и тоже глянула вниз. Кроме платка на женщине был не первой свежести халат, а под халатом, по всей вероятности, ничего не было. Об этом смелом предположении говорил тот факт, что появившаяся на свет неприлично белая нога уходила к своему основанию. Женщина хотя и смотрела вниз, однако увидеть интересующий ее объект не могла.

Мужчина тем временем продолжал осторожно спускаться вниз, погруженный в свои, только одному ему понятные мысли. Он уже приближался ко второму этажу, когда мимо него кто-то пролетел — какое-то размытое и непонятное пятно. А уж затем, вслед за пятном последовал крик.

— Женский, — произнес мужчина и спустился еще ниже.

Женщина была голой, а халат, что пару секунд назад прикрывал тело, оказался у бедняжки на голове. Предусмотрительно. В противном случае взору непременно предстала бы картина мрачная и неприглядная.

— Тьфу, — сказал мужчина и плюнул, кажется, в третий раз.

Виталий Борисович Шумный, в прошлом участковый, а нынче сотрудник одного из подразделений, занимающихся расследованием преступлений, к месту трагедии подъехал со своим напарником — подающим неплохие надежды Сережей Кулебяка. Согласно, несколько странная фамилия была у напарника, однако куда денешься, слова из песни не выбросишь. Да и Виталий Борисович уже устал от колких шуточек коллег в свой адрес, спасал возраст, над которым шутить не полагается. Разница в годах между Сережей и Виталием Борисовичем — существенная. Не отец и сын, но и не ровесники. Однако служба не выбирает, и кто тебе достанется в напарники — воля вышестоящих командиров.

— Труп, — сказал Сережа и шуганул парочку мальчуганов, с интересом разглядывающих мертвую женщину.

— Ничего не трогали? — уточнил в свою очередь Виталий Борисович и присел на корточки.

— Ничего, — ответил ему какой-то мужчина и тоже присел на корточки.

Смотреть на мертвого всегда неприятно, пусть даже покойник и голая женщина.

— Свидетелей, конечно, нет, — бросил дежурную фразу Сережа и вытащил сигареты.

— Почему нет, — подсказал мужчина, — я свидетель. Убийства, конечно, я не видел, но труп первым нашел. В магазин собрался, а тут она лежит.

— Вы ее знаете?

— А кто ее не знает? Клавдия Степановна из шестьдесят шестой.

— Это хорошо, — сказал Сережа, — в том смысле, что личность устанавливать не нужно. Бывает же как...

— А почему вы решили, что это убийство? — перебил его Виталий Борисович.

— Это вам решать, убийство или трагический случай.

— Понятно, — произнес милиционер, хотя, к слову сказать, многое как раз и было непонятно. Еще через пятнадцать минут подъехали другие сотрудники, вместе с которыми и принялись за дело — составлять протокол места происшествия. Занятие долгое, утомительное, можно сказать, рутинное, мало чем отличающееся от других. Ничего существенного, кроме тапка, принадлежащего, вероятно, пострадавшей, не нашли. Хотя Виталий Борисович обратил внимание на три плевка — свежих и удивительно похожих друг на друга.

— Ты чего, Борисыч, — сказал ему еще один коллега, — да если мы будем проверять все плевки в подъезде, нас с тобой уже завтра со службы выгонят. Стояли парни, курили и плевали.

— А окурки где? — пробовал возражать Борисыч.

— Не смейся. Упала тетка в пролет, вот тебе и все убийство.

— Может, конечно, и упала, в жизни всякое случается, — согласился младший оперуполномоченный товарищ Шумный и глянул в лицо женщины.

Где-то он читал: зрачок словно камера фиксирует на своей роговице последний увиденный образ. Специалисты утверждают: глупость несусветная, нет там ничего и ничего быть не может. Буйная фантазия не менее буйного воображения. Внимательно смотрит, тем не менее, пытаюсь проникнуть в уже зеркальное отражение и ничего, кроме плевка не видит.

— Ну что, пойдём, — торопит его Сережа, который всегда заполнял протокол — почерк

больно хорош, да и пишет складно. Приятно читать и начальству, и проверяющему. Читать написанный от руки документ всегда утомительно, а Сережа красиво пишет и главное — понятно.

— Пойдем, — согласился Виталий Борисович.

И оба отправились по квартирам подъезда, где произошла трагедия.

Подъезд, как и сам дом — древний, построенный во времена, когда действительно умели строить. Кирпич настоящий, плиты каменные, дерево, где ему и положено быть. В комнатах паркет, во многих уже поистрепался, как впрочем, и сами жильцы, хотя...

Дверь первой квартиры открыла девочка. Лет семь, если не шесть. Виталий Борисович в возрасте плохо разбирался, утвердительно мог только сказать: молодой перед ним человек или старый, а вот насколько молодой или насколько старый — проблема.

— Дома кто есть? — уточнил он, глядя сверху вниз.

— Никого нет, — ответил ребенок.

— А дверь тогда зачем открываешь?

— Как зачем? Думала, мама пришла.

Виталий Борисович кашлянул, подсказывая коллеге, мол, тут им делать нечего.

Дверь следующей квартиры напротив долго не открывали, и хотя молчание можно было истолковать не иначе как знак, что жильцы отсутствуют, Виталий Борисович был твердо уверен, что там действительно кто-то есть. Только этот кто-то по неизвестной причине не желает с ними встречаться. Ничего удивительного, — нынче представителей правопорядка не слишком жалуют, одни боятся, другие не хотят лишних неприятностей, а третьи...

Дверь все же отворилась.

— Милиция, — представился Сережа и правильно сделал. Вид у него более представительный, нежели у коллеги. И улыбается красиво, и сам он красивый — внушает доверие, чего не скажешь о товарище Шумном. Кто угодно, но только не милиционер. Выправки или взгляда — никакого, форма — что она есть, что ее нет. В форме Виталий Борисович, вероятно, смотрелся еще хуже. Парадоксально, но факт. Возможно, тот самый один процент из тысячи, когда форма человеку не идет.

— Я ничего не знаю, спал я, — сказал мужчина в пижаме.

— И крика не слышали? — подсказал Сережа.

— Какой крик? Никакого крика — говорю же вам, спал. Я всегда крепко сплю.

— В одиннадцать часов утра? — явно с иронией в голосе уточнил Сережа.

— Простите, ничем помочь не могу.

Спасибо, иди спать дальше, — вероятно, хотел сказать Кулебяка, однако воздержался и только мотнул головой.

Дверь затворилась, лязгнув засов.

— Не понимает, дурак, если его завтра из окна выбросят, никто на помощь не придет.

Виталий Борисович уже поднимался на следующий этаж. Похоже, ничего они здесь не найдут. На каждой лестничной площадке по две квартиры, сколько еще осталось? Вскоре добрались и до шестого этажа, а показаний свидетелей — кот наплакал. Дверь уже покойной Клавдии Степановны коллеги опечатали — прилепили кусок бумаги. Остались соседи — те, кто жил напротив. И вновь неудача. На звонок — потерявший голос скрежет — никто не ответил. Сережа вновь достал сигарету, Виталий Борисович глянул вниз.

Высоко, чертовски высоко, подумал он и едва не плюнул вниз.

Мужчина шел по улице, по возможности обходя лужи. Сумка в одной руке, другая в кармане плаща. Накрапывал мелкий дождик, однако мужчине он не мешал, или мужчина его не замечал или еще бог знает что, но только со стороны выглядел он вполне удовлетворенным собой. Как правило, именно такие люди не обращают внимания на непогоду. Дождь их не раздражает, ветер тоже, хотя ветра не было — длинные лохматые кудри покоились там, где они и лежали — на плечах. А еще со стороны мужчина производил какое-то непонятное впечатление, вроде, как был погружен в себя, поэтому и лужи он обходил не все. Лужи в отличие от человека, которые он иногда не замечал, напротив привлекали к себе внимание радужной пленкой какой-то грязи, скорее всего, бензина. В некоторых плавали желтые листья, в некоторых окурки сигарет. Иногда на пути мужчины попадались прохожие, большей частью встречные. Они обходили как лужи, так и мужчину, прикрываясь от дождя зонтами.

Спустившись в переход, мужчина ненадолго задержался — послушал какого-то дядьку. Тот сидел на красном пластмассовом ящике и играл на баяне. Недурно, кстати говоря, попадал в ноты, но не пел. Возможно, дядька пел до того, как мужчина спустился в переход, а может, и вовсе не пел — не знаем. Итак, пару минут мужчина постоял, переложил сумку из одной руки в другую и пошел дальше.

— А деньги? — спросил дядька и высморкался — приложил большой палец правой руки к носу и сильно дунул. Однако мужчина уже был далеко — поднимался по лестнице, чтобы вновь нырнуть в пелену дождя.

В магазине, куда он зашел через пять минут, сдал сумку и получил металлический жетон с номером. Внимательно посмотрел и что-то произнес. Что именно — непонятно. Женщина, выдавшая номерок, поморщилась, вероятно, покупатель ей не понравился. Может, своим непривлекательным внешним видом, может, запахом, что от него исходил — но не понравился точно, хотя мужчина об этом не знал. В отделе, куда он проследовал, продавали выпечку, пироженное, конфеты и чай.

— Вкусное? — спросил он у молоденькой девушки в нарядном фартучке и такой же голубой шапочке.

— У нас все вкусное, — ответила девушка и улыбнулась. Вероятно, мужчина ей понравился. Понравился не как мужчина, а как странный мужчина, задавший странный вопрос.

— Смотрите, если не вкусное, обратно принесу.

Девушка еще раз улыбнулась — скорей всего, не знала, что ответить.

— Я пошутил, — сказал мужчина, — очень вкусное печенье. Я его покупаю вот уже третий год. Вы не пробовали? Как так можно! Хотя три года назад вы не работали здесь. Я прав? Не работали?

— Не работала, — ответила девушка и отвернулась — предстояло разложить товар. Много товара — полная тележка. Весь товар — печенье.

Когда мужчина получал обратно свою сумку, женщина вновь поморщилась — определенно, покупатель ей не нравился, хотя и видела она его не один раз и не два. Он приходил в магазин каждую неделю и всегда покупал печенье. Однажды она решила, что печенье мужчина покупает для детей — для дочери, например, или для сына. Спросила, мол,

для ребяташек? А мужчина ничего не ответил, взял сумку и ушел.

В переходе он вновь остановился — дядька играл уже другую песню и вновь без ошибок.

— Дождь идет? — спросил дядька.

— Какой дождь? — уточнил мужчина и переложил сумку из одной руки в другую.

— Осенний, — подсказал дядька и ловко высморкался, не прикладывая пальца к носу.

Как это у него получилось — загадка, разгадать которую на практике не рекомендуется — нужен опыт и, вероятно, умение играть на баяне.

— Здравствуйте, — пару минут спустя сказал мужчина.

— Здравствуйте, — ответили ему, — вам как всегда?

— Да, мне как всегда, — и взял газету. Однако читать не стал, сунул в карман плаща и отправился дальше по знакомому маршруту с той лишь разницей, что брел уже по другой, противоположной стороне улицы. В тот момент, когда нужно было свернуть и пройти в арку, на мгновение сбросил шаг, возможно, задумался, после чего решительно прошел прямо.

Математик или вынужденное знакомство

Тот же самый звонок хрипло проскрипел, жалуясь то ли на свой возраст, то ли на причиненное беспокойство, но все же звякнул. Виталий Борисович еще раз покрутил, и звонок еще раз пожаловался. Он уже занес кулак, чтобы треснуть по двери, когда она вдруг отворилась. Так, с поднятым кулаком он и предстал перед хозяином квартиры, а хозяин перед ним.

— Извините, — сказал Виталий Борисович и опустил кулак, — милиция.

— Проходите, — ответил мужчина и куда-то пропал.

Планировка такая же, что и этажом ниже — большая прихожая и длинный коридор. Налево, вероятно, туалет, а здесь — ванная. Виталий Борисович прикрыл входную дверь и услышал, как щелкнул замок. Стало и вовсе темно. Где же выключатель? Кажется, нашел. Не горит, зараза, или он не тот выключатель нашел? Ну и ситуация!

— Эй, — крикнул он в темноту, — вы где?

— Проходите, я сейчас, — последовал ответ. Откуда — не понять. Пошел на голос и тут же едва не стукнулся. То есть стукнуться — стукнулся, но не больно и не головой, а рукой, которую, как слепой, выставил впереди себя.

В следующий раз обязательно захвачу с собой фонарь, подумал Виталий Борисович и зажмурил глаза. Свет вспыхнул ярко, возможно, излишне ярко, причинив явное неудобство.

— Заблудились? — хихикнул мужчина, — простите, штаны забыл надеть.

Штаны — какие-то мятые портки — сидели на мужчине отвратительно, и если и выполняли какую-то функцию, так только прикрывали срам.

— Где мы можем поговорить? — произнес Виталий Борисович и глянул на ушибленную руку.

— На кухне удобно?

— Вполне.

— Тогда прошу за мной, — и мужчина вновь погрузился в темноту.

— Тьфу, — выругался Виталий Борисович и отправился за ним и тоже в темноту.

Бережливый, вероятно. Штаны не носит, свет не включает...

— Сюда.

Сюда — это направо, догадался товарищ Шумный и, наконец, оказался на кухне.

Кухня, как и мужчина — оба мало привлекательные и оба нуждались в хорошей уборке. Более внимательно разглядывать помещение опер не стал, опустил на стул, а папку положил на стол.

— Шумный Виталий Борисович, — представился он и поправил волосы — привычка. Два щелчка и распахнулась папка. Однако прежде, чем достать чистый бланк, вопросительно глянул на хозяина квартиры. Тот оказался на удивление сообразительным — поднялся и убрал со стола чайник, затем ладошкой сгреб какую-то грязь со стола и бросил ответный взгляд, словно спрашивая, так годится? Виталий Борисович также молча ответил.

— Вы по поводу Клавдии Степановны? — первым спросил мужчина, наблюдая за тем, как на бумаге что-то выводит милиционер.

— Да, по поводу смерти гражданки Мухиной.

— Все-таки умерла, — как-то неопределенно заметил мужчина.

— То есть как это все-таки? — не понял Виталий Борисович и оторвался от листа —

поднял глаза и более внимательно посмотрел на мужчину.

— Не совсем удачно выразился, со мной подобное случается.

— Вы ее хорошо знали?

— Последние десять лет, я бы сказал, недостаточно хорошо, — ответил мужчина, характер стал вредным, а сама Клавдия Степановна излишне подозрительной и ворчливой. Мы же соседи. Она и я, как вы могли заметить, проживаем, ... то есть, прежде проживали ... то есть, покойная проживала на одной со мной лестничной клетке. Квартиры у нас напротив. У меня номер шестьдесят пять, а у Клавдии Степановны шестьдесят шесть.

— Я знаю, — продолжая изучать мужчину, ответил Виталий Борисович.

— Первый раз она мне предложила поменяться лет десять назад...

— Это как?

— Квартирами поменяться. Говорит мне, Алеша... Алексей Митрофанович, — представился мужчина, а фамилия Горелик. Через «о». Го-ре-лик, — произнес он по слогам.

— Горелик, — повторил Виталий Борисович и записал в протокол.

— Давайте, говорит, меняться, я с вас ничего не возьму, вы только вещи мои перенесите и все.

Алексей Митрофанович хихикнул.

— Ничего себе все! Да у нее один шкаф весит триста килограмм! Вы не видели у нее шкаф? Монстр! Чудовище! А потом к чему мне меняться? У нее трехкомнатная, и у меня трехкомнатная. У меня балкон, и у нее балкон — смысл в чем? То, что у нее окна на восток? Так на восток, а не на юг! Вот кабы на юг... говорю, вы с кем-то другим переговорите. Да и кто захочет лезть на шестой этаж? Про этаж, я, конечно, говорить не стал. Само собой подразумевается. Если вы желаете совершить обмен, что первым делом спрашивают? Верно! Этаж спрашивают.

— Место работы, — спросил Виталий Борисович.

— На пенсии. Вы о Клавдии Степановне спрашиваете?

— Я вас спрашиваю.

Алексей Митрофанович вновь хихикнул.

— Простите, в фарватер не попал.

— Какой еще фарватер?

— В фарватер вашей мысли... спрашиваете, кто я?

— Да, место вашей работы.

— Этот... как его, ... — Алексей Митрофанович пустил морщинку, — забыл, черт побери... математик! Так и запишите — математик.

— Ученый что ли? — уточнил Виталий Борисович.

— А уж это не мне решать. Если решат, что ученый, тогда получается, ученый. А если решат, что математик, тогда — математик. Пишите на всякий случай математик, а уж потом разберутся.

— В институте или еще где?

— А как же! И в институте работал, и на кафедре преподавал, что было, то было.

— А сейчас?

— И сейчас математик. Математик, Виталий Борисович, он всегда математик, а иначе нельзя.

— Институт-то какой, тут у меня графа — следует заполнить.

— Вам новое название или старым обойдемся? Потому как прежде название было одно,

а сейчас, вроде как и другое — ветры перемен.

Виталий Борисович задумался лишь на мгновение.

— Оба давайте.

Записали оба и прежнее и настоящее.

— И что, предлагала обмен? — вернулся к исходной позиции товарищ Шумный.

— Именно! Раз пять предлагала, и все пять раз я отказывался. Ну, ни к чему мне обмен! Говорю, дайте объявление в газету или в контору обратитесь. Квартирки-то у нас ничего, пользуются повышенным спросом. Шестой этаж, правда, и без лифта. Вот если бы лифт плохонький, а так, короче, поссорились. То есть я не ссорился, всегда здравствуйте, как самочувствие, услуги предлагал, кефира там или иных продуктов. Я же раз в неделю в магазин хожу, а какая разница купил один пакет молока или два? Тем более что я давно молоко не пью. И кефира не пью, только чай, а когда и чая нет, ничего не пью. Некогда. Порой подумает, а когда ты, Алексей, в последний раз ужинал? На календарь посмотришь, а там уже четырнадцатое число! А в тот день, — Алексей Митрофанович стал серьезным, — как раз отправился в магазин, печенья захотелось. Сижу, работаю и вдруг мысль, а как давно ты печенье ел? Я, естественно, данную мысль прогоняю, а она вновь вперед... это как в очереди. Никогда не видели, как некоторые женщины лезут вперед? Видели? Замечательно, потому как вы в полной мере можете себе представить! Представили? Сдался, говорю себе: работы не будет, пока я в себя печенье не затолкаю. Только обязательно с орехами, подсказывает мне мысль. Вы понимаете! Ужас какой-то! Одеваюсь на скорую руку, плащ накинул, сумочку прихватил, думаю: попробую себя обмануть — поработать попробую на ходу. Получилось! Как вышел, как спустился — не помню, помню только мимо кто-то пронесся. Словно ураган! Гляжу — а это Клавдия Степановна пронеслась. В тот момент я, конечно, не понял, что это она — не до того было, не до Клавдии Степановны. А как понял — вижу, лежит, но не Клавдия Степановна, а какая-то совершенно незнакомая и к тому же голая женщина! Я же, Виталий Борисович, мужчина взрослый и в браке когда-то состоял. С самой настоящей женщиной, и любили мы друг друга по-разному, и в театры ходили. Одним словом, все у нас было как у людей. Поэтому и гляжу я на Клавдию Степановну, как мужчина, хотя я и не знал, что это Клавдия Степановна. Она же передо мной никогда голой не представала, а тут совершенно, можно сказать, без ничего. Я ее только по халату и узнал. Что же, думаю, происходит? Чего она тут лежит? И пошел дальше по своим делам, в магазин пошел. И все напрочь забыл, как газету-то купил, и на лавочку присел, так все и забыл.

Виталий Борисович крикнул, что могло означать все что угодно, но означало лишь то, что был он поставлен некоторым образом в своеобразное замешательство.

— Получается, вы видели, как произошла трагедия?

— Я? Не видел! И не слышал, — заверил Алексей Митрофанович, — не мог я видеть и тем более слышать! Занят я был, понимаете, занят! А когда я занят, я физически не вижу и не слышу ничего.

— Ничего? — с сомнением в голосе произнес Виталий Борисович.

— Не только ничего, но и никого! Я сам себя не замечаю! Прошлой осенью забыл надеть штаны,... представляете, так в трусах за газетой и отправился. Если бы не Клавдия Степановна... говорит мне: Леша! Леша! Леша! Стой! — Стою. Что с тобой, родной? Ничего, отвечаю, а в чем дело? А на ней лица нет — бледная, как покойник. Глаза беспокойные и абсолютно круглые! Не бывает в природе абсолютно круглых глаз, а тут, пожалуйста, круглые, словно по циркулю нарисовали. И я испугался, не волнуйтесь, говорю, все

образумится, нельзя так близко к сердцу принимать. Сердце, оно и в самом деле страшно уязвимое. Думаете, когда говорят, сердце болит, это лишь слова? Пошли к ней, я ее успокаиваю, она — меня, а как домой собрался — вижу без штанов! И вновь ничего не понимаю, то ли я их где-то обронил, то ли забыл надеть, а затем новая, еще более дерзкая мысль — а вдруг я штаны уже здесь снял? Я же мужчина, а Клавдия Степановна — женщина. Логично? Вполне! Как очередная версия имеет достаточно серьезное право на существование. Версии, Виталий Борисович, исключать нельзя. Никогда! Даже самая плохонькая на первый взгляд версия имеет право. Поверьте мне. Уж кому-кому, а не мне этого не знать.

— Минуточку!

Виталий Борисович перевел дыхание.

— Вы видели женщину, когда спускались вниз по лестнице?

— Клавдию Степановну?

— Не перебивайте. Отвечайте на поставленный мной вопрос. Вы видели женщину, когда отправились в магазин?

— За печеньем?

— Я же сказал: не перебивайте!

— Я не перебиваю, а уточняю, потому что за печеньем означает одно, а не за печеньем совсем другое! Это же две совершенно разные вещи!

— Вы видели женщину?

— Когда спускался, не видел, — последовал ответ.

— А когда видели?

— Когда домой вернулся. Сел чай пить, вот тут и увидел, но не Клавдию Степановну, а ее халат и какую-то голую женщину. Думаю: пойду у нее самой спрошу, а там ваша печать.

Проверить по учетам, — мысленно дал себе установку Виталий Борисович, вдруг он псих законченный этот математик, а он тут с ним как с человеком беседу ведет. Хотя с другой стороны, он чего-то там говорил про ученых. Живых ученых товарищу Шумному видеть близко не приходилось, да и на расстоянии тоже, если только на экране телевизора. Медали президент вручает, или какой конгресс. А вот с идиотами повезло больше, пришлось, что говорится, столкнуться и не раз. Сергей Митрофанович на идиота похож был мало, скорей, на опустившегося антисоциального элемента. Однако спиртным от него не пахло, глаза в норме, зрачки обыкновенные — не наркоман.

— Газету пошли почитать, вместо того, чтобы сообщить куда следует, — с укором в голосе произнес товарищ Шумный.

— Вы меня не поняли, — возразил Горелик, — я же не знал, что это Клавдия Степановна, а как узнал — огорчился. Человек она сложный, можно сказать замкнутый, и дела, стало быть, до нее нет никому. Как никому нет до меня. Думаете, самоубийство?

— Разберемся, — уверенно произнес милиционер. Он всегда говорил подобным образом, то есть уверенно. Даже в тех случаях, когда и вовсе был неуверен. Установка, а иначе никак нельзя. Если ты сомневаешься и не веришь в свои силы, кто же в тебя поверит?

— А сами как считаете?

— Самоубийство или убийство?

— Да вы все же сосед, самый близкий для нее человек. У нее родня есть, ну там дети какие, брат или сестра?

Алексей Митрофанович сменил позу — откинулся на спинку стула и вроде как

задумался — впрочем, ненадолго, на минутку или на две.

— В какой последовательности? — спросил он. — Сначала о моих соображениях относительно трагедии или о родственниках?

— Как вам будет угодно.

— О родственниках получится недолго, поэтому я начну со второго вопроса, хотя, знаете, случаются ошибки. Недолго превращается в долго и наоборот.

Он кашлянул.

— По всей вероятности, Клавдия Степановна, была когда-то замужем. Почему по всей вероятности? Снимок я видел — он и она. Она — это Клавдия Степановна, а кто мужчина — сказать не могу, не думал. Просто предположил, что мужчина является... или был близким ей человеком. Сейчас попробую привести свои аргументы. Снимок или фотографию, как вам будет угодно, я видел у Клавдии Степановны на комодке — случайно бросил взгляд. Расспрашивать, как вы понимаете, неудобно, фотография — это такая же составная интимной жизни, как и сама интимная жизнь. Однако поразил меня совсем другой факт. Снимок получился, как художественное фото. Понимаете, о чем я говорю? На выставках случалось присутствовать? Так вот, чудесный получился снимок, а Клавдия Степановна на себя не похожа. Узнать очень сложно, если возможно вообще. Я узнал. Клавдия Степановна в жизни никогда не улыбалась, по крайней мере, я не видел, а тут... как бы вам сказать, — Алексей Митрофанович задумался.

— Как бы вам сказать, — повторил он, — вся ее душевная красота на устах, а сама Клавдия Степановна от счастья светится, полыхает как огонек в ночи. Насколько я человек невнимательный и все равно обратил внимания. Поразил меня и другой факт. Мужчина как бы присутствует, а как бы его и нет. Какой ни есть образ, конечно, имеется, но составляет он фон, хотя прижались голубки друг к другу, особенно Клавдия Степановна. Брата так любить невозможно и родственника тоже. Кто остается? Либо потенциальный супруг, либо, простите, любовник. Почему потенциальный? Да потому что и супруга так не любят! Супруг для женщины, как имущество, которое заверили у нотариуса — можно не волноваться. Повторяю, задавать интимные вопросы я не могу — не в моих правилах, да если и расскажут, все равно не могу. Интимная сторона взаимоотношений двух существ — тайна великая! И третьему в эту тайну путь заказан. Люди с интеллектом, с чувством понимают и никогда никому слова не скажут. Хранят свою тайну бережно, от посторонних скрывают — слишком дороги для них пережитые чувства. Других родственников — не знаю. Батюшка их умерли давно. Вовремя умерли.

— Это еще как? — удивился Виталий Борисович. Оказывается, нужно не только вовремя родиться, но и умереть нужно вовремя.

— Степана Николаевича я близко не знал, молод еще был. Да и не до того, молодость слишком эгоистична по сути своей. Занят только собой — своими чувствами, учебой, прекрасной половиной, всем, чем угодно, но только не посторонним человеком. А кто для меня Степан Николаевич? Самый что ни есть посторонний человек. Одним словом сосед. Здравствуйтесь и до свидания. Это в лучшем случае, в худшем мимо проскользнешь, с лестницы сбежишь и все знакомство. А умер Степан Николаевич и в самом деле вовремя. Вместе с эпохой. Неделя не прошла — начались перемены в обществе. Перестройка, демократия и прочая ерунда. Клавдия Степановна за ним, как за каменной стеной, а папенька их дочь соблюдал — нынче так не соблюдают. Заботился и принимал непосредственное участие в становлении личности. У нас же как думают? Паспорт получил,

расписался, и ты уже личность. Откуда знаю, если знаком не был? Говорю еще раз: молодость. Слепа она и легкомысленна. А для проницательного наблюдателя достаточно взгляда, чтобы сделать правильные выводы. Воспитание Клавдии Степановне досталось в высшей степени похвальное. Сейчас так и воспитывать не умеют, поверьте мне — я же на кафедре работал и с молодежью общался. Ничего плохого сказать не могу — работал-то я не воспитателем, а преподавателем. Мне знания донести, а кто ты в душе — мерзавец законченный, либо порядочный человек — разницы никакой. Да и высшее образование не гарантирует становление черт характера. Кто у нее еще был?

Алексей Митрофанович задумался.

— В деревню они ездили, если не ошибаюсь, во Владимирскую область — как-то словом обмолвились, а я запомнил. К кому ездили — разговора не было. Говорили, как хорошо отдохнули, какая прекрасная погода. Клавдия Степановна тогда была в сарафане с коротким рукавом и вовсе не загорелая. Шейка только слегка и плечики, а на лицо бледная. Вы знаете, прежде дамам загорать не рекомендовали — дурной тон, а Клавдия Степановна, как я уже отметил, воспитание получила превосходное. Думаю, и языками владела, и стихами увлекалась. Книжки видел, может, в библиотеку ходила, а может, к подруге — не сказывала, а мне спросить неудобно. Вижу, что книга, а какая — неизвестно.

— Понятно, — подвел промежуточный итог Виталий Борисович, — а в последнее время вы с ней общались?

— Крайне редко. Мне показалось, подозрительной она стала какой-то и недоверчивой. Хотя, чему тут удивляться? Я, например, тоже крайне подозрительный. Дверь лишний раз не открою. Подойду, послушаю и не открою. А зачем, спрашивается, открывать? Мне же нет никакого дела, а зачем тогда меня беспокоить по пустякам? Нынче, я вам скажу, психология человечества изменилась до неузнаваемости. Кампания предвыборная — звонят в дверь! Вы за кого собираетесь голосовать и почему? Разве так можно! Мы что, читать не умеем? Газеты не покупаем?

— Мы отвлеклись, — подсказал Виталий Борисович, — подозрительной стала.

— Верно, — согласился Горелик. — Может, чая? Правда, не помню, есть у меня чай или нет. Печенье точно есть. Вчера покупал. Сказали — вкусное, с орехами.

Виталий Борисович обвел помещение взглядом, мысленно поморщился и... согласился. Только в интересах дела он готов хлебать темную жижу из подозрительной посуды. Однако каким было его изумление, когда на столе появились две изумительные по своей красоте чашечки — в позолоченных юбочках и таких же нарядных фартучках!

— Вы с сахаром? Я обычно кладу один кусочек. Глюкоза мне необходима только для работы головного мозга. Прежде, — Алексей Митрофанович улыбнулся, — я съедал за раз целую банку сгущенного молока. Как вам? А съедал, знаете, когда? — Он вновь улыбнулся, — ночью! Умора! Утром встаю, а на столе пустая банка! И не помню ничего! А кто еще может ночью съесть целую банку сгущенного молока, если я живу один? Как лунатик — ничего не помню. Так,... а вот и чай, я в пакетах не люблю, в качестве эксперимента купил — не понравилось. До чего умны восточные люди! Слыхали, вероятно, о чайной церемонии?

Виталий Борисович мотнул головой.

— Вот и вы слыхали, приятно. А прежде, я вам скажу, кого не спросишь, вопрос в глазах и неуверенность. Какая еще церемония? Чайная?

Алексей Митрофанович рассмеялся и поставил чайник.

— Мне сегодня был сон. Обычно я сны игнорирую — некогда. Я, Виталий Борисович, как уже сказал, математик. Да, да и продолжаю работать всегда. Сон — не помеха, напротив, никто не мешает. Хотя телефон я отключаю и дверь не открываю. Звонок-то у меня видели какой? Этому звонку без малого лет пятьдесят — как дом построили. Стучать нужно, кто не знает. Звонок, бедняга, и сам себя не слышит — глухой! Так вот, был сон. А как вы думаете, кто мне приснился?

Виталий Борисович глянул на Горелика, а тот в свою очередь на опера.

— Клавдия Степановна?

— А вот и нет! Не угадали, вы приснились.

— Я?

— Представьте, — вы! Только образ другой. Я и думать забыл — некогда, а как пришли, у меня мысль — а где я прежде мог вас видеть? Конечно, нигде! Да и как я вас мог видеть, если никогда не видел! Логично? А сейчас прямо тут и вспомнил — во сне! Забавно, правда? Между нами говоря, многие открытия свершаются во сне, только умные люди предпочитают о данном факте молчать. И знаете почему?

— Почему? — эхом повторил товарищ Шумный.

— Сами-то подумайте, а в качестве подсказки скажу — природа человечества, тщеславие.

— То есть?

Алексей Митрофанович достал бумажный пакетик с печеньем и бережно надрезал край.

— Если открытие приснилось во сне, получается, что это и вовсе не ваше открытие, а случайное совпадение. Вы полагаете сны — индивидуальные?

— А как же еще?

— Вопрос спорный, противоречивый, желаете эксперимент?

Эксперимента мне еще не хватало, — подумал Виталий Борисович, хотя мысль показалась интересной.

— Желаете, чтобы вам приснился я?

— Вы?

— Только в качестве эксперимента, — успокоил Алексей Митрофанович, — ненадолго, только появлюсь и тут же исчезну, никаких разговоров, просьб, только появление. Два или один?

— Один, — не раздумывая, произнес Виталий Борисович и проследил, как в чашку опустился кусочек сахара.

— Настаивать не буду, ваше право, и ответ немедленный мне не нужен. Мы сейчас продолжим беседу на интересующую вас тему, а вы тем временем поразмышляйте над моим предложением. Задайте себе вопрос и забудьте, а потом вспомните. Будем считать, что родственников Клавдии Степановны мы обсудили. Теперь относительно самой трагедии.

Чай оказался вкусным. Виталий Борисович пил небольшими глотками, чувствуя тепло и еще что-то, некое умиротворение, приятную расслабленность.

— Смерть, — понизив голос, сказал Алексей Митрофанович, — всегда тайна. Но тайна только для тех, кто остался здесь, а для других и вовсе не тайна, а возможное перевоплощение, продолжение пути, только в ином измерении и с учетом допущенных ошибок. Вы можете относиться к данному заявлению по-разному, однако вас интересует совсем другая сторона вопроса, а именно: что же на самом деле произошло? Что случилось и почему погибла Клавдия Степановна? Если откровенно — не знаю, мне ближе третья

версия, не самоубийство или убийство, а нелепая случайность — человек упал в пролет и разбился. В качестве аргументов могу привести следующие соображения.

Алексей Митрофанович еще разок глотнул и поставил на стол чашку.

— Во-первых, я ее не почувствовал, когда проходил мимо. Не было во мне чувства, что обнаженная женщина — Клавдия Степановна. При всем своем равнодушии к ней, я равнодушным не был. Парадокс? Ничего удивительного — вся жизнь сплошной парадокс. Конечно, я испытывал некое чувство симпатии, просто я постоянно занят собой, каждый час, минутку — всегда. Да и выражать симпатию я не умею, в школе не научили, а потом мне неинтересно выражать свою симпатию. Чувствовать — да, интересно, но выражать? Скажете, поделиться душевной теплотой? А как я могу ей поделиться, когда сам постоянно зябну? Во-вторых, чтобы убить человека, нужен мотив. Какой мотив в нашем случае? Кроме попытки завладеть квартирой — никакого. Однако проверка данной версии — процесс длинный и утомительный. Только шесть месяцев нужно ждать, пока объявятся родственники. А докладывать начальству нужно уже через неделю. Самоубийство? Неплохая версия. Одинокая женщина решила свести счеты с жизнью, особенно в наши времена, когда старики предоставлены сами себе, когда о них забыло не только государство, но и ближайшие родственники. И в-третьих, что бы я вам не говорил и что бы вы не думали, решение будут принимать за вас. Вы — статист, необходимый, чтобы оформить нужные бумаги, чтобы соблюсти видимость закона. Обычно о таких вещах вслух не говорят, но ими руководствуются. Еще?

— Спасибо, чай вкусный.

— А печенье? Вы даже не попробовали.

— Простите, — неожиданно для себя произнес Виталий Борисович, — задумался над тем, что вы сказали.

На улице вновь шел противный мелкий дождь, кажется, третий день подряд, от чего устали не только люди, но и мостовая, грязные тротуары, понурые деревья с еще не отлетевшей листвой. Устали машины, заляпанные серой коркой грязи. Устал и Виталий Борисович — он шел, понурив голову, изредка уклоняясь от зонтов, попадавших ему на встречу. В переходе, сидя на красном пластмассовом ящике, какой-то дядька играл на баяне. Недурно, кстати говоря, попадал в ноты, но не пел. Возможно, дядька пел до того, как Виталий Борисович спустился в переход, а может, и вовсе не пел. Минуту-другую товарищ Шумный постоял, затем достал денежку и бросил ее в коробку, вероятно, из-под торта. Дядька одобрительно кивнул головой и неожиданно затянул красивым голосом.

Богатство, честь и слава —

Превкусная отравка,

А тот довольно слеп,

Кто верит, что в них хлеб.

Копейка, копейка!

Ты многим злодейка,

Вошла ты в великую честь...

Что еще собирался сообщить миру дядька, о чем поведать или рассказать, Виталий

Борисович не услышал — поднялся по лестнице и нырнул в дождь.

Жертва эксперимента или еще одно знакомство

Люстра была древней. Три светильника, два из которых не горят, а как долго — сказать затруднительно. Насколько помнил себя Виталий Борисович, всегда горела только одна лампочка. Щелкнул выключателем — горит. И тут же выключил. Лег на диван и протянул в темноте руку. Промаяхнулся. Выбрал иное направление, немного левей и почувствовал выключатель, уже другой от торшера. Включил — совсем иное дело. Благодаря зеленому колпаку комната стала уютней, хотя и немного меньше. Посмотрел налево, затем направо, а уж потом на себя. Но не в зеркало, крохотное по размеру оно висело в ванной, а лежал Виталий Борисович в гостиной, а заодно в спальне и своем рабочем кабинете. Никакой ошибки в том, что глянул товарищ Шумный на себя. Кресло, что стояло рядом, выглядывало из темноты и гордо демонстрировало китель. Как и полагается, с погонами, пуговицами, не хватало только головы, которую, впрочем, вполне успешно замещал глобус, стоящий в некотором отдалении на тумбочке. На глобусе — фуражка. Размер один к одному. А сидит даже лучше, чем на голове Виталия Борисовича. Уверено сидит и непонятно, кто испытывает больше гордости — глобус или кресло. Вероятно, оба — и кресло и глобус. Зевнул, потянулся и обратил свой взгляд на книжную полку — все читано-перечитано по десять раз, если не больше. Открой любую страницу, по памяти расскажет.

На стене тикают часики, подсказывая, что в комнате Виталий Борисович все же не так одинок, как ему кажется. Тик-так, тик-так, — негромко говорят часики, — как ты там? Устал? Не устал? Тик-так, тик-так. Опять хандра?

Хандра, — мысленно отвечает Виталий Борисович, и дождь уже третий день подряд. Что новенького?

Как обычно, — говорит Виталий Борисович, — умирают люди. Вчера еще одна женщина умерла — Клавдия Степановна Мухина. В пролет бросилась с шестого этажа, наверно, устала.

Жить устала? — спрашивают часики.

А как у нее сейчас спросишь? Устала она или не устала?

Тик-так, — молчат часики, — молодая?

Внешне не молодая, в возрасте, а в душе... я с ней знаком не был, не пришлось, поэтому сказать ничего не могу.

Умерла, — сказали часики.

Да, умерла, — повторил Виталий Борисович и подумал — спать ему или не спать. Хандра располагает только к двум занятиям, хотя второе обязательно влечет за собой первое. Поэтому, в общем-то, разницы никакой. Спать не хотелось, а хандра была. Она проникла в каждую клеточку, заполнила тело свинцом и какой-то апатией. Еще минута, и глаза закроются.

Поднялся, скрипнув диваном, а прежде не скрипел. Странно. А вдруг скрипнул не диван, а он скрипнул — произвольно застонал. И так бывает, когда произвольно, когда против воли или ей вопреки. На глобус посмотрел. Дурак — дураком этот глобус! Чего, спрашивается, лыбится в темноте?

Пойдешь? — спрашивают часики.

Еще не решил, — признался Виталий Борисович и слукавил. Хотя как знать, может, один Виталий Борисович, тот, который ответил, и не решил, а другой, что поднялся, уже

давно принял решение.

Сейчас я вас в одну кучу соберу, — говорит уже третий Виталий Борисович.

Бутылка водки, купленная черт знает когда — два месяца назад, не сопротивлялась — поддалась, как поддается женщина, которая заждалась мужского внимания.

— Не думал, — говорит первый Виталий Борисович.

— А тебя не спрашивают, — отвечает второй и подсказывает третьему, — я в холодильнике колбасу видел, еще не испортилась?

— Тебе же завтра на работу!

— Мне всегда на работу, завтра, послезавтра, не хочешь — не пей!

Молчит. Вероятно, обиду почувствовал.

— Давненько... не держали мы в руках шашек, — предчувствуя неожиданно свалившийся на него праздник, заявляет второй. А что за грех? Никакого греха, а заодно бабку помянем. Эй, ты, бабку следует помянуть!

Молчит — в оппозицию ушел.

И в правду давно не пил, поморщился Виталий Борисович, прислушиваясь к урчанию в животе.

— А фуражку зачем надел? Тебе же форма не идет...

Виталий Борисович сидел на кухне. Огромные, синие, еще советского образца трусы, на голове фуражка, которую он позаимствовал у глобуса.

— Отрава, — сказал он.

— Первая всегда плохо идет, — утешил его кто-то, — первая она на то и первая, чтобы остальным путь проложить и дорожку вымостить. Как тебе математик? На идиота не похож — слишком здраво рассуждает, а речь? Что ни слово — вопрос. И ждал он тебя, как знал, что ты придешь. А если так — опять вопрос. Откуда он знал? Говорит, во сне явился. Ты его прежде видел? Нет, не видел. А он тебя — видел? Тоже не видел. И как тогда ты к нему во сне явился? Врет!

Виталий Борисович налил еще и откусил колбасы, хотя есть не хотелось. Откусил просто так, чтобы чем-то себя занять.

Врет? А почему он должен врать? Чтобы лгать, нужна причина. Без причины и солнце не всходит. И везет ему на всяких придурков, а кто сказал, что Алексей Митрофанович придурок? Математик — он почти ученый, а у них, как известно, мозги набекрень. Уравнения решают, в степень возводят и вычисляют форму нашей вселенной. Кому, спрашивается, есть дело, какая форма у вселенной! Тысячу лет жили и не знали, что земля круглая. И что? Плохо жили? Замечательно жили — ели, пили и не тужили.

Хотя к чему ему врать? Эксперимент, говорит, не желаете? Можно и эксперимент, что ему еще остается делать? У него вся жизнь один большой эксперимент, он, поди, и опыты над собой ставит. С кафедры, бедолагу, уволили, с трудом вспомнили. Кто? Горелик? Алексей Митрофанович? Не помню, зайдите в отдел кадров. Зашел. Алексей Митрофанович? На кафедре, говорите, преподавал? Простите, не помню, нужно будет архивы поднять... Подняли. Ах, Горелик! Был такой — очень странная личность, кандидат наук? У нас много кандидатов, план мы выполняем успешно. А как же! Вы не знали? У нас план имеется, чтобы каждый год новые кандидаты...

Виталий Борисович махнул третью рюмку и понял: хмелеет — перед глазами поплыл голубой туман.

— На, носи дальше, — произнес он и водрузил на глобус фуражку.

Во сне ему явилась Клавдия Степановна и опять обнаженная! Стало даже неловко, потому что гражданка Мухина не только была голой, так она самым бесстыжим образом приставала к Виталию Борисовичу! А он в фуражке и синих трусах. Как, вероятно, сидел на кухне, так и отправился в космическое путешествие, одеться не успел. Виталий Борисович, хотя и пребывал во сне, но лишнего себе позволить не мог — на помощь пришли воспитание и честь мундира. А Клавдия Степановна что-то на французском говорит, какие-то стихи французских поэтов читает и нисколько не стесняется. А потом и говорит, уже по-русски: а чего, говорит, мне стесняться, если я уже три дня как мертвая? Вы-то мертвая, соглашается Виталий Борисович, а я-то живой! Это вам все равно, голые вы или обнаженные, а мне напротив и вовсе не все равно, да и что товарищи подумают? Да ваши товарищи, возражает Клавдия Степановна, только об этом и думают! Вот, сопротивляется Виталий Борисович, прикройте свою наготу, мне право, действительно, неудобно смотреть на голую женщину, и тем более, мертвую. Отдал свой мундир с погонами, а сам, стало быть, в трусах и остался. В синих, советского образца, потому как других трусов в Советском Союзе купить было невозможно. Насчет женщин — неизвестно, а мужчины поголовно ходили все в синих сатиновых трусах. А чтобы еще раз подтвердить данный факт, является Алексей Митрофанович и тоже в синих трусах! Я, говорит он, явно не стесняюсь своего, скажем, не самого удачного наряда, на минуточку заглянул. Товарищ Шумный, вроде как сомневался, мы намедни встречались, вас вспоминали, — и кивает своей старой знакомой — Клавдии Степановне. А Виталий Борисович не знает, что делать, как поступить, и пребывает в полной конфузии. Единственное утешение, что это сон, и как всякий сон, он должен когда-нибудь закончиться. И он закончился — Виталий Борисович ударился головой и проснулся.

* * *

С трех рюмок, а выпил Виталий Борисович Шумный именно столько, подобных фортелей от себя он явно не ожидал. Да и не снилось ему прежде ничего. Утром встанет как огурец и никаких видений, а тут целый спектакль, и он на главных ролях. А спектакль? Если не порнография, так уж точно детям до шестнадцати лет вход категорически воспрещен. А приснился кто? Свидетель и потерпевшая, которая и вовсе на потерпевшую не похожа, по крайней мере, каких-либо следов, говорящих о данном предположении, оперуполномоченный вспомнить не мог. А вдруг это Алексей Митрофанович наколдовал? Кто обещал провести эксперимент и явиться к нему во сне? Явился! Относительно гражданки Мухиной никакой договоренности не было, и быть не могло.

Оказавшись в кабинете в одиночестве — Сережа Кулебяка вышел покурить — Виталий Борисович набрал номер квартиры Горелика и естественно не дождался ответа. Трубка молчала, подсказывая, что возникшие вопросы придется решать при личной встрече. Вновь шел дождь, уже четвертый день подряд. Что такое зонт товарищ Шумный не знал, считая данное изобретение человечества обыкновенной забавой. Но и мокнуть он не собирался. Дождевик — длинный балахон — придавал сходство, если не с приведением, так с мрачными персонажами гангстерских фильмов. Хотя Виталию Борисовичу было плевать, как он выглядит и на кого он похож. В переходе, куда спустился товарищ Шумный, по-прежнему на баяне играл дядька. Денег ему Виталий Борисович не дал, словно почувствовал, что придется здесь ходить не день и не два. Дядька же ему кивнул, как старому приятелю, а

затем высморкался — приложил большой палец к носу и сильно дунул.

В подъезд заходит — тот самый. Следов трагедии никаких — не чисто и не грязно — каменная плитка. Глядит внимательно — вот тут и лежала Клавдия Степановна. Посмотрел вверх — высоко, шансов, чтобы выжить, если упадешь, тоже никаких.

Стал подниматься. Дом хоть и большой, и потолки в комнатах высокие, а лестницы, следует отдать должное архитектору, удобные. Поднялся на этаж и почти не устал, еще поднялся и вновь усталости не заметил. А вот и шестой этаж, отдохнул немного, перевел дыхание и позвонил Алексею Митрофановичу — крутанул древний звонок в двери. Прислушался — вроде, тихо. Открывать, видно, не хочет, и стукнул кулаком, затем еще и еще.

— Кто?

— Шумный, я к вам вчера приходил, — произнес Виталий Борисович и услышал приглушенный смешок.

— Вы чего?

Алексей Митрофанович улыбался.

— Фамилия у вас говорящая, шума и, правда, многовато.

Виталий Борисович смутился, однако вида не показал, мотнул головой, мол, поговорить надо.

— И то верно, — отвечает Алексей Митрофанович, — проходите, не на лестничной клетке нам говорить. Все же тайна следствия, а стены умеют слушать.

Заходит и, не спрашивая дальнейшего приглашения, знакомым маршрутом на кухню. Садится уже, вроде как на свой стул, и задает вопрос.

— Не работается сегодня?

Алексей Митрофанович выгнул дугой брови, словно желал спросить, а с чего, вы, любезный, так думаете?

— Вы сегодня в штанах и в рубашке.

— Похвально! Верное замечание. Это вас в милиции учат?

— Вопрос второй, вы ко мне приходили?

— То есть?

Смущенным гражданин Горелик не выглядел, скорей, любопытным.

— Подождите, подождите,... вы о чем? Неужели... не может быть! А почему не может! Так я к вам все же приходил?

Виталий Борисович моргнул пару раз, явно чего-то не понимая, и тут же утвердительно кивнул головой.

— То есть вы хотите сказать, что сегодня ночью я приходил к вам во сне?

— Приходили и не один.

— Да вы что!!!

Алексей Митрофанович опустил на стул и принялся внимательно разглядывать милиционера.

— Неужели она?

— Она, — подтвердил товарищ Шумный.

— Клавдия Степановна Мухина?

— Мухина.

Возникла пауза. Виталий Борисович смотрел на Алексея Митрофановича, а тот в свою очередь смотрел на милиционера. Оба молчали.

— У меня нет свидетелей, — вдруг произнес Горелик.

— Каких свидетелей?

— Сегодня ночью я точно был дома, — продолжил математик, — но свидетели, которые подтвердили бы данный факт, отсутствуют. Живу-то я один! А когда живешь один, какие могут быть свидетели? Однако интересным мне представляется совсем другая сторона данного вопроса.

— Какая еще сторона? — несколько сбитый с толку, спросил Шумный.

— Насколько себя помню, я к вам не собирался.

— Как не собирались, а кто предлагал эксперимент? Вы что, забыли?

— Забыл! Именно забыл! — честно признался математик, — а потом я не обещал, что зайду непременно вчера.

— Ничего не понимаю, — Виталий Борисович выглядел не лучшим образом — какой-то взлохмаченный и растерянный.

— И я ничего не понимаю, а можно подробнее? Если вас, конечно, не затруднит.

Подробнее, так подробнее, и Виталий Борисович начал свой рассказ.

— Явилась мне гражданка Мухина, признаюсь, не ожидал. Думать я о ней думал — все же работа, как вы понимаете. Все обдумать на службе не успеваешь, а дома в тиши мысли посторонние не мешают. Заснул, а тут Клавдия Степановна и, что занятно, обнаженная. Я же ее впервые увидел обнаженной. Книжку в руках держит и стихи читает.

— На французском?

— А вы откуда знаете? — удивился опер.

— Предположение, основанное на реальных фактах. Я же вам рассказывал. Видел я прежде Клавдию Степановну с книжкой в руке, по молодости видел, в руке книжка французская.

— Стихи читает и, что интересно — не стесняется. Она же голая, а я мужчина. Любая воспитанная женщина своей ногаты стесняется, прикроется или вообще убежит. Вот я и спрашиваю: как вам не стыдно? А она мне заявляет: вы чего? Я уже как третий день мертвая. Какая тут может быть стыдливость? Где вы видели покойника, чтобы он стеснялся своей ногаты? Хорошо, думаю, она мертвая, но я живой! И прикрыл ее, отдал свой мундир.

— Достойно поступили, — бросил Алексей Митрофанович, — как и полагается офицеру. Вы же офицер?

— Младший, — скромно признался Виталий Борисович.

— Все равно офицер.

Товарищ Шумным вдруг смутился. Офицер-то офицер, но был он в чем? — В трусах, хотя и в фуражке.

— Вновь читает стихи, а тут и вы появились. С Клавдией Степановной поздоровались, мол, как дела, и сразу ко мне. Я на минуточку, как и обещал.

— Похож?

— Кто? — не понял Виталий Борисович.

— Я, говорю, похож на себя?

— Да как не похож, если это были вы! Я же в своем уме! Вы что! Сходство сто процентное. Синие трусы и рубашка в клеточку.

— Синие трусы? — поразился Алексей Митрофанович.

— Синие.

— Действительно, похож, а что дальше?

— Дальше не помню, проснулся я.

Говорить о том, как именно он проснулся, — товарищ уполномоченный не стал, воздержался, полагая, что данные подробности к теме беседы отношения не имеют.

— Любопытно, — после некоторой паузы, произнес математик. — Я готов присягнуть и дать вам честное слово, что никуда вечером не уходил и ночью тоже. Что же это получается? Раздвоение личности? Маловероятно. Все это время я был в твердом рассудке и здоровой памяти. Виталий Борисович, а не могли бы припомнить, когда именно заснули, хотя бы приблизительно.

— Где-то в районе часа ночи, потому как потом я проснулся — слишком уж впечатляющим был сон.

— И не говорите, — согласился математик, — час ночи. В час ночи я работал. А спать отправился в три. Очень любопытно! Кто же это мог быть? В синих трусах и в рубашке. В этой?

Виталий Борисович кивнул.

— В этой.

— Крайне любопытно. А что Клавдия Степановна?

— В смысле? — не понял милиционер.

— Ну, рассказывала вам о чем-либо или наоборот что-то просила.

— Стихи читала.

— Читала стихи, — повторил математик и поднялся. — Я вам не мешаю? У меня противная привычка ходить по комнате, помогает сосредоточиться. Читала стихи и была абсолютно голой. Голой, предположительно, потому, что умерла голой. Это как версия, а почему стихи? Когда читают стихи? Мне кажется, она хотела этим что-то сказать.

— Зачем? Если бы она желала мне что-то сообщить, почему не сообщила? Кто ей мешал?

— Виталий Борисович, — математик на секунду остановился, — вы забыли. Это был сон. Понимаете, сон! А там совершенно другие законы и правила, там все совершенно иначе. Что у нас хорошо, там плохо, белое — черное, а черное — красное, там все шиворот на выворот! Все наши знания — там незнания.

— Дурак! Простите, это я не вам, — извинился Виталий Борисович, — я же мог у нее спросить, что произошло! Мог, но не спросил! Дурак! Загляделся, наверно, а может, и заслушался.

— Хорошо читала?

— Замечательно!

— Настоящая поэзия силой обладает космической, — согласился Алексей Митрофанович, — потому как создана космосом. А уж если автор написал и дух в слова вложил, будьте уверены, такая поэзия бессмертна! Пока будет жить человечество и потом уже без человечества будет жить, витать в облаках и дожидаться своего часа, чтобы предстать в ином образе иному поколению. Закон сохранения энергии. Математические расчеты, никакой фантастики — голые, простите, факты и ничего более. А вас что смущает? Сон? Ну и что? Не волнуйтесь, забудется, как говорят, травой порастет. Кстати, вам сегодня повезло, не напрасно ходили и на шестой этаж не напрасно поднимались. Вот, держите.

— Что это? — Виталий Борисович взял протянутый листок бумаги, вероятно, в прошлом кусок газеты.

— Адресок, я его случайно нашел.

— Какой адресок?

— А уж это, простите, ваши хлопоты, что это за адресок. Почерк-то Клавдии Степановны.

— А как он у вас оказался?

Алексей Митрофанович прекратил ходить и остановился.

— Не знаю. Вы не поверите, но я действительно не знаю, каким образом у меня появился этот адресок. Утром сегодня глянул — смотрю почерк-то Клавдии Степановны! Тысячу лет не смотрел — лежит себе бумажка и лежит, хлеба не просит, под ногами не мешается. А вот и ее час пробил — бумажки-то! Правда, забавно! Кто меня заставил обратить внимание на сей адресок именно сегодня? Не вчера или три дня назад, а сегодня? Да и не знал я, что вы уже в пути — по лужам шлепаете, через переход прошли и уже по лестнице поднимаетесь. Читаю и думаю: записала Клавдия Степановна неизвестный ей адресок. Что он для нее неизвестный — не сомневайтесь. Кто же будет адресок записывать, если он там уже бывал? Значит, не бывала там покойная, когда пометки делала. Выбросить? А если это ниточка? Но и отдать вам — подозрительно. Вы же тут и спросили: откуда бумажка? Как у вас оказалась? Вдруг вы стащили у Клавдии Степановны. Однако, Виталий Борисович, везде должна присутствовать логика. А тут какая логика? Мне сходить, проверить, а зачем? Пусть и относился я к ней снисходительно, к чему мне проблемы-хлопоты, а тут вы в дверь шумите. Хотел было сразу документ вручить, не успел. Вижу: взволнованы, тень под глазами, а глаза и вовсе не глаза, а глазища беспокойные. Вот так.

Дядьки с баяном в переходе не было. Был мальчик, который подошел к Виталию Борисовичу, хотя на тот момент мимо проходили и другие люди.

— Чего тебе? — спросил Виталий Борисович.

— Денег дай.

— Нету, — ответил товарищ Шумный.

— Врешь.

— Вру, — признался Виталий Борисович, не сбавляя шага и надеясь, что попрошайка отстанет.

— Дай денег, — повторил парень и требовательно дернул за рукав.

— Сколько?

— Чем больше, тем лучше.

— Я в милиции работаю, — грозно произнес Виталий Борисович.

— Десять рублей.

— Нету десяти рублей.

— Жопа, — сказал мальчик.

Виталий Борисович сунул руку в карман и вытащил денежку.

— На, — произнес он.

Мальчик ничего не ответил.

Священное понятие «обеденный перерыв», и что происходит с тем, кто, ставит его под сомнение

Каким был для вас самый знаменательный, самый прекрасный и удивительный день в вашей жизни? Если задумались на секунду — ничего страшного, если на две — тоже ничего страшного, потому что думать вообще не нужно! День вашего рождения! Именно этот и никакой другой, все остальные ни что иное, как приложение. Светлый праздник — начало пути в неизвестную, полную загадок жизнь.

Сережка Кулебяка так и сообщил.

— Виталий Борисович, — произнес он, хитро сузив глаза, — с вас сотня.

— Какая еще сотня?

— Любая, можно, одной бумажкой, можно, двумя, у Лени Филатова родился сын!

Леня Филатов — коллега, хотя и происходил из другого ведомства, в ДПС нес службу. Пришлось как-то совместно проводить мероприятие, там и познакомились. Неплохой парень, как и многие, пришел из армии и сразу в органы.

— Говоришь, мальчик? — переспросил Виталий Борисович, — хорошее дело, нужное, — и полез в карман.

Семьи у Виталия Борисовича не было, а уж детей — тем более. Так сложились обстоятельства, и с женщинами у него отношения также не складывались. Общий язык с ними он находил неплохо, а вот дальше — дальше не получалось. Лет до тридцати была мысль семью завести, познакомиться с женщиной серьезной, обстоятельной, однако то ли достойной кандидатуры не встретил, то ли еще другие причины, назовем их производственного характера, но с женщиной — спутником жизни — не повезло. Внешностью Виталий Борисович обладал обыкновенной: не красавец, но и не урод, не высокий и не низкий, глаза серые, волосы русые — еще раз скажем, самый заурядный мужичок. А кому такие нужны, да еще в молодости? Девчатам подавай что-то особенное, натуры они утонченные, порой романтические, а какая романтика у Виталия Борисовича? Книжек не читает, в театры не ходит и говорить складно не умеет. В компании, если случалось посидеть, что он есть, что его нет. В угол забьется и молчит, а когда, не приведи господь, кто внимание обратит, робеет и ничего вразумительного сказать не может. Хотя характером обладал спокойным, всегда выдержан, да и руки росли из нужного места. Смастерить или по слесарному делу, ремонт какой или пол перебрать — только намекни. А работает как? Приятно глянуть — спориться у него работа, а гвоздь, тот сам в доску лезет.

— Парень — это замечательно, — говорит Виталий Борисович, — для мужика нет большего подарка, чем еще один мужичок. Девочка, конечно, тоже неплохо, особенно в старости, потому как никто тебе столько внимания и заботы не даст.

— Мужик родился, Виталий Борисович, — еще раз напомнил коллега, — Леня уже и руки опустил — не получается. Ни парень, ни девка, никто не получается, а время-то идет. Его и в очередь на квартиру не ставят, и вообще у всех дети, а него — никого. Какая же это семья — муж да жена? Так всю жизнь друг на друга и смотреть?

Соловьем запел, — подумал товарищ Шумный, а сам, обормот, который год в холостяках бегает. Не понимает, еще немного и не жениться ему никогда. Это же привычка, а что есть привычка — вторая натура! Это по молодости думаешь, что один обойдешься, а как глянул, и нет, этой молодости, и вообще никого нет.

— Надумали чего? — уточнил Виталий Борисович, — в смысле подарка.

— Лучший подарок в наши времена — деньги. Были бы деньги, а подарок всегда найдется, — просвещал Кулебяка. — Скинемся, а там пусть сами решают.

— Верно, пусть решают сами.

— Пойдешь? Ленька приглашает завтра в гараже после работы. Чисто символически.

— Да я как бы и не близкий товарищ, — пытался возражать Виталий Борисович.

— Близкий — не близкий, а велено передать.

— А ну тогда пойду. С Мухиной-то что делать будем?

Сережа вытаращил глаза.

— Как что? Ничего. Упала бабка и разбилась. У нас что, других дел нет? Борисыч, что-то я тебе не понимаю, на планерке же был.

— Был.

— Слышал, что сказали? Бумаги подшивайте и вперед.

— Так оно так, подшить большого ума не требуется.

— Борисыч, у меня кроме этой бабки...

— Знаю, — перебил товарищ Шумный.

— В чем проблема? Открылись новые обстоятельства или новые свидетели появились?

— Да мы и старых, как полагается, не опросили. Какие же они свидетели, если ничего не слышали и не видели.

— Вот сам сказал: нет свидетелей. Да и откуда им взяться?

Виталий Борисович промолчал, однако вскоре задал вопрос, вероятно, прежде всего, самому себе.

— А почему в халате? Ты мне объясни. Сидит она дома, затем открывает дверь, выходит на лестничную площадку и вдруг падает.

— Ну?

— Чего ну? Что она там увидела?

— Сердечко прихватило, вот и вышла, решила валидола у соседа попросить.

— И упала?

— Голова закружилась и упала, но совсем неудачно в пролет улетела.

— Может быть, и закружилась, только глаза у нее какие были?

— Глаза? — переспросил Сережа.

— Да, глаза у нее какие были? Полные удивления, не страха или отчаяния, а удивления.

— Как-то не обратил внимания.

— А я обратил. Сердце у нее хорошее было, в поликлинике карточку смотрел. Не болела она сердцем, ни одной жалобы, и кардиограмма хорошая. Врач участковый сказал.

— Ты и с врачом беседовал? — удивился Сережа.

— А как же? Кто если не врач скажет, чем болел пациент? На то он и врач. Для своего возраста была она в очень даже неплохой форме. Книжечка-то тоненькая и записей почти никаких. Смекаешь? И сердце не болело.

— Вчера не болело, сегодня заболело.

— Может, конечно, и так, не исключается, однако и тут вопрос напрашивается. Если заболело, то почему? По какой такой причине? Огорчили или расстроили?

— Какая теперь разница? — не сдавался Сережа, — у тебя что, основания есть?

— Предчувствие.

— Предчувствие к делу не подошьешь. А какое предчувствие?

Виталий Борисович смутился. Прав коллега: что значит предчувствие? Вздорная мысль, которая не дает тебе покоя?

— Не могу сказать, выразить словами не могу.

Рассказывать коллеге о том, что ему во сне явилась пострадавшая, глупо. Да если и явилась, что из этого? Виталий Борисович уже пожалел, что поведал о своей странной встрече с гражданкой Мухиной совершенно чужому человеку. А как его еще назвать? Алексея Митрофановича? Второй раз в жизни видел и все рассказал. Адресок. Он забыл проверить адресок!

Рука опустилась на трубку телефона, и вскоре раздался далекий и незнакомый женский голос. Виталий Борисович назвал условное слово и продиктовал адрес.

— Вы не ошиблись? — уточнил голосок.

— Нет, не ошибся, — не совсем уверенно произнес он.

— Указанного адреса в нашей базе данных нет.

— Как это нет?

— Указанный вами номер дома не существует. Если у вас есть фамилия, можно проверить по фамилии, у вас есть фамилия?

— Нет у меня фамилии.

— Простите, ничем помочь не могу.

Интересно, что за адрес ему предложил математик? Адрес, который не существует в природе. Какая-либо ошибка исключается, хотя почему исключается? А если это Клавдия Степановна ошиблась? Вместо одной цифры написала другую. Ладно, для начала уточним самостоятельно, что за дом-призрак указала покойная. Представленная на экране монитора карта города дополнительной ясности не внесла, и составлена она была паршиво. Даже возникло желание выругаться потому, как они составляют подобным образом карту — делают это бестолковые и безответственные люди. Да как тут разберешься! Разобраться и в самом деле было невозможно.

За окном нудный и противный дождь, который уже начинал действовать на нервы. Вероятно, проблемы с ЖКХ существуют не только на земле, — мрачно пошутил товарищ Шумный, поджидая маршрутку. Подошла машина — забрызганная грязью улиц каракатица. Внутри так же грязно, хотя вполне удобно, по крайней мере, не льется за шиворот. Водитель молчит — думает о чем-то и крутит баранку. Скорей всего на автопилоте. Сколько раз он уже здесь проехал? А сколько еще предстоит? Виталий Борисович глянул в окно. Вот она жизнь, и для каждого своя. На соседа посмотрел — наверно, студент. В ухе проводок, возможно, телефон, а может быть, музыку слушает. Едет по своим делам в институт или домой с лекции и слушает радио. И нет ему никакого дела до окружающих, все они случайные встречные, ничто иное как фон, декорации, такие же как серые, вымокшие от дождя стены домов. Проехали мост. Когда-то в детстве Виталий Борисович здесь катался на санках. Летел с горы и был вполне счастлив. Затем карабкался вверх, переводил дух и вновь летел вниз, и вновь безумно счастливый. Как же мало ему было нужно для счастья! Залезть на горку и съехать вниз. Удивительно...

Протянул водителю деньги и вылез. Пару минут не мог справиться с дверью, чем, вероятно, вызвал неудовольствие сидящих в маршрутке пассажиров, и хлопнул излишне громко — так уж получилось. Огляделся. Район если и изменился, то не настолько, чтобы заблудиться. Город все же менялся, неохотно, медленно, но менялся. Кое-где возникли магазинчики или, лучше сказать, лавочки — крохотные, рассчитанные от силы на десяток

покупателей. Давно он здесь не ходил — не было повода. Прошел под арку и тут же вышел обратно. Вместо прохода кирпичная стена, пришлось идти в обход. А вот и улица — такая же грязная и унылая, хоть плачь. Остановился — на ботинке развязался шнурок. И чего, спрашивается, он развязался? Нагнулся, и тут же из кармана что-то выпало и прямо в лужу! Пришлось выругаться — негромко, чтобы душу отвести. Удостоверение! Ну что за невезение! Открыл, посмотрел на себя и пальцем вытер грязь. Настроение и без того паршивое, стало и вовсе отвратительным. И зачем он сунул удостоверение в нагрудный карман? Он же его всегда держал в другом месте. А тут первый раз сунул не в тот карман, и на тебе... Мимо проехала машина и естественно окатила Виталия Борисовича. Вновь вытер лицо, уже не на фото, и зашагал прочь, мысленно проклиная и водителя и себя.

Лестница — деревянный настил, отшлифованный сотнями тысяч ног, вела куда-то вниз. Пахло сыростью и чем-то кислым. Чем именно не разобрать, то ли гнилью, то ли бог знает чем. Толкнул дверь — заперто. Другую толкнул и шагнул внутрь.

Два стола напротив друг друга, какие-то бумаги, мятая пачка сигарет...

— Есть кто?

Похоже никого.

Сел на стул и еще раз вытер лицо, затем руку — платок Виталий Борисович никогда с собой не носил. Осмотрелся — бросил равнодушный взгляд и тут же заскучал.

— У нас перерыв.

Голос раздался неожиданно, поэтому товарищ Шумный и вздрогнул не от страха, а от неожиданности.

— Какой перерыв? — уточнил он, все еще не представляя, кому принадлежит голос.

— Обеденный, — повторил голос.

Чертовщина какая-то! В помещении явно никого не было, если не считать Виталия Борисовича. Не мог же он сам с собой разговаривать! Забавно, — подумал товарищ Шумный, а может, сегодня день особый? Он где-то читал: случаются дурные дни, когда не только все валится из рук, так и голоса странные мерещатся. Однако Виталий Борисович — атеист, человек, трезво смотрящий на события окружающего мира. Поэтому, чтобы лишний раз данный факт подтвердить, чихнул и достаточно уверенно задал вполне логичный вопрос.

— До которого часа?

Ответа не последовало.

Виталий Борисович еще раз чихнул, влажность, похоже, была почти стопроцентная. Хотя как она может быть сто процентной? Это уже, простите, иная среда, водная, и обитают в ней существа пускай разумные и млекопитающие, но никак не homo sapiens.

Следующая мысль, что родилась в голове у товарища Шумного, в конечный пункт назначения попасть не успела — не до того. Потому как внимание на себя обратил уже стул, стоящий у стола. Этот стул непонятным образом скрипнул и отодвинулся в сторону. Отодвинулся самостоятельно и без какого-либо вмешательства извне!

Если положить руку на сердце и честно признаться, Виталий Борисович не поверил своим глазам. Пусть тебе мерещатся голоса, но когда самостоятельно начинает двигаться стул!

Табельного оружия, что выдают сотрудникам правопорядка, у милиционера при себе не было. Осталось в сейфе — согласно последнего приказа оружие разрешалось держать в кабинете, а не у дежурного. Да если и был бы пистолет! В кого прикажете стрелять? В стул?

— До трех часов, — раздался голос, — перерыв у нас до трех часов.

Виталий Борисович облизал неожиданно пересохшие губы и приготовился к дальнейшему развитию событий — расстегнул верхнюю пуговицу рубашки.

Стул еще раз двинулся, уже значительно дальше и замер, как впрочем, и Виталий Борисович. Он сидел словно находился под воздействием гипноза или иного магического воздействия и ждал.

Глаза были обычными — то ли серые, то ли зеленые, но не голубые и не красные. У чертей, если верить хроникам тех, кто вступал с ними в контакт, глаза либо красные, либо голубые. У этого, еще раз скажем, самые обыкновенные. И смотрели они на Виталия Борисовича без какой-либо агрессии или вызова.

— Ты кто? — спросили глаза.

— Шумный я. Виталий Борисович Шумный.

— Шумный, тебе русским языком объяснили: перерыв у нас, понимаешь? Обеденный перерыв, с двух до трех.

В следующее мгновение раздался грохот, что происходит, когда со стола падает какой-нибудь предмет — книга, например. А книга и упала — огромная, как прежде говорили, амбарная шлепнулась на пол. Виталий Борисович непроизвольно перевел взгляд, и тут же увидел, как из-под стола кто-то вылез — мужик какой-то.

— Тьфу! — сказал товарищ Шумный и вытер вспотевший лоб.

— Чего — тьфу? Я же твоей бабе объяснил.

— Какой бабе? Что объяснил?

— Что за народ! — возмутился мужичок. — Вам же сказали: только в пятницу. Не могу я сегодня! Заявку оформили? Нет! Садись и оформляй.

Мужчина тяжело вздохнул, потянулся... и вновь полез под стол.

— Эй! — Виталий Борисович хотя и соображал, однако явно недостаточно. И только глянув под стол, он, наконец, понял.

Два огромных слесарных ключа, небольшая лужа и кусок тряпки подсказали, с кем он имеет дело.

— Авария, — произнес товарищ Шумный. Произнес скорее для себя, нежели для нового знакомого.

— Гнилые трубы, — раздался голос, — и у тебя, наверно, тоже гнилые. Ты с Колхозной?

— Нет, я не с Колхозной, я с Пролетарской.

— Разницы никакой, — не вселяя надежды, заверил слесарь. — Этим трубам место в истории, в книжкам им место. Гайку тронул — работы на день. Ее, заразу, уже ничем не сдвинуть. Ни ключом, ни матом... пошла, сволочь!

Раздался скрежет металла, от которого засосало под ложечкой.

— Так что, только в пятницу и только во второй половине дня, ближе к вечеру.

— Мне сегодня.

— Ты чего! Слепой? Возьми глаза в руки... сегодня ему! Да у меня нарядов... мужичок выругался, — сами, видишь, бедствуем.

— Я по другому поводу, из милиции я.

Скрежет прекратился.

— У вас тоже потекло?

Виталий Борисович вздохнул.

— Не потекло, у меня другой вопрос. Вы в ЖЭКе давно работаете?

— Без малого лет пятнадцать.

— Участок свой хорошо знаете?

Мужичок все же вылез, при этом со стола упала еще одна книга, на которую он также не обратил внимания. Более того, задвинул ее носком сапога куда прочь.

— Это меня весь участок знает, — не без гордости заявил он и сунул в рот сигаретку, — из милиции?

Виталий Борисович кивнул и для наглядности вытащил мокрую корочку.

— А я думаю, что за Шумный? У меня на фамилии и числа отвратительная память. Никого не помню, даже день рождения жены не помню. А чего его помнить? Сама подскажет. День рождения у кого? Вот пускай и помнит. Участок? Знаю, а как же, ты у людей спроси.

— Меня интересует..., — и Виталий Борисович назвал улицу и номер дома.

— Тринадцать бэ? — повторил мужичок и выпустил едкое облако. Дым оказался не только едким, но и густым. Синяя пелена зависла в воздухе, как по осени туман на болоте. Именно данное сравнение неожиданно пришло в голову младшему оперуполномоченному районного отделения внутренних дел, и Виталию Борисовичу захотелось в лес. Попрыгать по кочкам, уходящим из-под ног, глотнуть прокисший запах сгнивших и поваленных деревьев и, конечно, наклониться и сорвать сочную красную ягодку, затем еще, чтобы наполнить ладонку и отправить ее в рот.

— Тринадцать бэ? — повторил мужичок и выплыл из тумана, — как же знаю, только этого дома нет.

Странное происшествие с еще более странными последствиями

Александр Николаевич со скромной и не режущей слух фамилией Кузнецов представлял собой самого обыкновенного гражданина. Ростом он был среднего, черты лица имел правильные, ни толстый и ни тонкий, правда, с возрастом появилась некоторая упитанность, что бросалась в глаза только в бане, когда скрыть от общественности свой живот уже невозможно. Характером Александр Николаевич обладал удивительным — к нему тянулись люди. Все, кто так или иначе имел счастье встретить его на жизненном пути, тянулись. Досадным исключением являлись супруга и сын Павлик. Зоя Константиновна перестала тянуться лет так десять назад, возможно, устала, а возможно, по другой, скрытой для непосвященного причине стала холодна и даже высокомерна. Вероятно, близкие люди часто обладают одним малоутешительным качеством: они прекрасно осведомлены обо всех тайнах и даже знают, что видимые достоинства и вовсе не достоинства, а тонкая, в высшей степени талантливая игра. Любимого увлечения у Александра Николаевича не было, ну чтобы в театр или на рыбалку, хотя когда-то любил почитать, интересовали его книжки. Но какие! Не детективы или на плохой конец исторические романы. Любил Кузнецов побродить вместе с автором по лесу, заглянуть в богатый растительный мир, природой полюбоваться, послушать пение лесных птиц. Однако данное увлечение также внезапно исчезло, как и появилось, оставив в памяти несколько живописных картинок и, как оказалось впоследствии, не напрасно. Сын Павлик — нескладный юноша со свойственным молодости набором проблем — представлял постоянную головную боль для родителей. Учиться отказывался и слушать взрослых тоже. Жил в своем непонятном мире и никого туда не допускал. Александр Николаевич по данному поводу не волновался и советовал супруге следовать его примеру, мол, придет время, и все образумится.

Жизнь каждого из нас — сложный и не всегда понятный маршрут, с извилистыми поворотами, спусками и подъемами. Однако для Александра Николаевича это была скорее все же дорога, местами грунтовка, но большей частью ровная и асфальтированная. Какой асфальт в России — знают все, привыкли, поэтому и Кузнецов считал, что прошагал он по жизни вполне достойно и без каких-либо усилий. Тут же напрашивается вопрос — а как ему это удалось? Родителей, кто часто является опорой для своих отпрысков на многие годы, у Саши не было. Мать-то и отец были — кто-то же должен был принять непосредственное участие, чтобы состоялся его выход в свет. Но какие это родители, если бедняге пришлось не только самостоятельно шагать, но и учиться вставать на ноги в буквальном смысле слова. Когда именно Александр Николаевич постиг альфу и омегу бытия, когда проник в тайну успешной борьбы с человечеством, не столь важно. Важно, что он самостоятельно открыл для себя закон, вывел его без уравнений и математических формул. В высшей степени похвально для того, чей забег по жизни начинался далеко не в равных условиях. Однако к чему столь пристальное внимание к персонажу, который и проявить себя должным образом не успел? Вероятно, на то имеются веские причины, а торопить события не в наших правилах.

Очередной будний день, каких у каждого найдется предостаточно, начался вполне буднично — с обыкновенного завтрака. Хотя и здесь скрыт глубокий смысл, некая интрига. Что может быть необычного в чашке кофе, бутерброде или овсяной каше? Может. Потому

что на завтрак Александр Николаевич предпочитал хорошую тарелку наваристого и сытого борща, приготовленного по всем правилам кулинарного искусства накануне вечером. А кашу — перловую или овсяную — Кузнецов ел как раз перед сном, но не менее чем за четыре часа — железное правило, которое он старался не нарушать. Завтракал Александр Николаевич следующим образом: доставал из шкафчика свою любимую тарелку, отрезал два кусочка ржаного хлеба, баночку сметаны и... медитировал. Отсылал в космос отрицательные заряды и принимал положительные. Затем подводил краткий итог прожитым дням, намечал ближайшие перспективы и пути их реализации. Борщ на плите к этому времени уже подавал признаки и сигнализировал, что уже готов. Однако Кузнецов не спешил — он никогда не спешил, ни в детстве, ни в юности. И тем более сейчас, когда спешить в общем-то уже некуда, если не на тот свет.

Борщ горячий, но не в такой степени, чтобы дуть на ложку. Александр Николаевич поглощал его также не спеша, с определенным уважением. Да, да, с уважением к борщу! Никакой оговорки. Иногда он позволял себе представить, как выросла картошка, которую он медленно пережевывал, прежде, чем отправить дальше по значению. Кусочек мяса рисовался таким задорным и смешным теленком, несмысленным увальнем, который не представляет своей дальнейшей судьбы, от чего и смотрится забавным вдвойне. Зеленый укропчик — Александр Николаевич вспоминал, как он его поливал из шланга. А мимо шагает сосед по даче и его приветствует — машет рукой и улыбается от всей души. И Александр Николаевич улыбается — чего-чего, а улыбаться Кузнецов умел великолепно. Улыбался не только рот, глаза уши, брови — улыбалось все! А если посмотреть на него в данный момент со спины, то и спина улыбалась! Чрезвычайно приятный человек, возможно, поэтому к нему и тянулись люди. Наливал Александр Николаевич борща не много и не мало, ровно столько, как требовало настроение. Так и говорит настроение: сегодня вполне достаточно, и он не спорит, хотя аппетит прекрасный и может позволить себе куда больше.

Завтракал Александр Николаевич, как правило, в одиночестве, вставал слишком рано и вновь по уже указанной причине — чтобы не спешить. По выходным накрывал на стол и звал членов семьи — будил супругу Зою и сына Павлика. Наливал всем по миске борща и улыбался.

Трудно сказать, какой образ рисуется в вашем воображении, хотя художественные средства порой бессильны передать истинную картину, которую представлял собой Кузнецов во время завтрака, потому что после утренней процедуры принятия пищи, он преображался. Возможно, причиной тому был костюм, а может быть, галстук, а возможно, и галстук и костюм. Костюмов у Александра Николаевича было два, хотя на самом деле — четыре. Третий, как и четвертый костюм, производные уже указанных двух костюмов. Небольшая игра фантазии, когда можно облачиться в разные брюки и разные пиджаки. Удивительное по своей простоте решение, приносящее не только удовлетворение, но и изрядную экономию денежных средств.

Деньги Кузнецов любил страшно. Что бы не произошло в его жизни, дважды в месяц Александр Николаевич пребывал в прекрасном расположении духа, светился изнутри и бескорыстно дарил окружающим свою лучезарную улыбку.

Получить деньги — замечательно! У Александра Николаевича в тот момент, когда женские пальчики стремительно перебирали банкноты, за спиной вырастали крылья. Он их чувствовал, как и неумолимое желание отправиться в полет. Вероятно, по этой причине он и взбегал по лестнице легко и даже воздушно, не забывая, впрочем, улыбаться коллегам.

Жадным не был, но деньги тратил рачительно и с чувством ответственности, прекрасно представляя цену каждому рублику. И в своих желаниях Александр Николаевич проявлял завидную сдержанность. Что может быть приятней, чем отдать себя во власть фантазии — пошалить немного и представить, что ты богат. Настолько, что можешь позволить себе любую прихоть! Кто не мечтал о подобном — покажите мне этого человека?

Александр Николаевич мечтал более чем скромно, приземлено и вполне реалистично. Первой его мечтой, сейчас смешно в этом признаться, был велосипед. Не нынешний, как говорят, навороченный, а самый что ни есть простенький, на двух колесах, только чтобы катил. Не купил — перерос с возрастом свою мечту. Затем он мечтал жениться на Зое Константиновне — гордой и, как ему казалось, неприступной девушке. Мечтал ровно два года, пока ему самому не сделали предложение. Женился, поэтому мечта тут же умерла, скорей всего, скоропостижно. О сыне он не мечтал — кто получится, тот и получится. Получился Павлик, хотя назвать его Кузнецов хотел не иначе как Николай. Легкий диспут с супругой закончился явно не в его пользу, да и прав Зоя Константиновна имела по идее больше, поэтому пришлось согласиться. А кто знает, кем бы вырос парень, если бы имя Павлику дали иное? Согласны, гены, наследственность, в какой-то степени воспитание и окружающая среда являются определяющими факторами в становлении, однако имя далеко не последняя составляющая в этом списке. А что взять с Павлика?

Когда Кузнецову исполнилось сорок, он прекратил мечтать — выбросил из головы вздорные мысли. Пожалуй, с одним единственным исключением — Александр Николаевич желал прибавки к жалованию. Небольшие деньги у него водились всегда, и бедствовать ему никогда не приходилось, как не приходилось занимать в долг — черта характера, позволяющая оставаться независимым.

Деньги свалились неожиданно — с шестого этажа. Александр Николаевич направлялся в тот день привычным маршрутом на службу, когда у него перед носом шлепнулась сумка.

— Ничего себе! — сказал Кузнецов, — так и убить могут.

Действительно, опасности подстерегают нас на каждом шагу. Как справа, так и слева — свидетельство тому многочисленные наезды на пешеходов. Однако этим опасности не ограничиваются: можно угодить в открытый канализационный люк, либо на вас свалится сгнивший балкон.

Сумка была тяжелой — и как она пролетела перед носом, и как упала — все говорило о данном факте. Первое желание — учинить скандал, вызвать милицию и наказать хулигана. Однако, второе, более разумное — плюнуть и пройти мимо. Так, кстати, многие и поступают. Александр Васильевич поступил иначе — взял и открыл сумку.

Знакомая Зои Константиновны — преподаватель средних классов, как-то обмолвилась, что мечтает найти кошелек, что вполне понятно и даже обосновано — учителя, как известно, в нашей стране никогда не получали достойной зарплаты. Поэтому в чем-то обвинять бедную (в прямом смысле) женщину язык не поворачивается.

У Александра Николаевича язык тоже отказывался подчиняться — даже чтобы произнести пусть какое-нибудь слово или междометие. Он присох к небу, а сам Кузнецов потерял дар речи. Сумка была буквально набита деньгами!!! Их, проклятых, было столько, что застегнуть обратно молнию стоило невероятных сил и умения.

Вероятно, прошла минута и не одна, прежде чем Александру Николаевичу открылся истинный смысл произошедшего. Однако этого не может быть! Где вы видели, чтобы на вас падали деньги? Много денег! Чудовищно много! Денег, о которых вы никогда не мечтали! И,

тем не менее, они упали!

Все дальнейшее — чередой размытых и не вполне контролируемых событий, очередность которых Кузнецу не вспомнить и сегодня. Для начала он задрал голову и посмотрел вверх, словно рассчитывал, что вслед за первой упадет и вторая сумка. — Не упала. Затем он бросился в какую-то подворотню и спрятался в подъезде. После чего выбежал и сел в автобус, который, однако, покинул уже на следующей остановке. Такси остановилось внезапно, и также внезапно Александр Николаевич залез в машину. Всю дорогу молчал и подозрительно косился на водителя. Вылез за два квартала и вошел в свой подъезд с противоположной стороны двора. По закону подлости на втором этаже встретил соседку, с которой прежде всегда беседовал пару минут. Бросил: извините, спешу и, заметно волнуясь, наконец открыл дверь.

Что последовало дальше, вероятно, можно вспомнить только под гипнозом у мастера оккультных наук.

Александр Николаевич закрылся в туалете и принялся считать деньги, однако вскоре сообразил, что помещение явно не предназначено для этой цели. Поэтому перебрался в ванную, что, впрочем, не решило проблемы. Задвижка на двери отсутствовала! Затем он вдруг вспомнил, что сидит дома, а должен на работе. Позвонил и впервые за многие годы сказал, что заболел, правда, не уточнив, какой именно болезнью. А болезнь и не заставила себя ждать. Лицо покрылось липким потом, подозрительно тряслись руки, и он постоянно сбивался со счета, отчего не мог сосредоточиться и на сто сороковой тысяче потерял сознание. Когда пришел в себя, стало еще хуже — денег не убавилось. Александр Николаевич застонал и понял, что богат настолько, что даже не знает насколько! Это сон, — решил он, — дурной сон, который когда-нибудь закончится. Тут он и в правду уснул — рухнул головой в денежные купюры и отправился, бог знает, куда...

Зоя Константиновна в тот день интуитивно понимала: в атмосфере явно что-то происходит. Разговор не о дожде, тот поливал уже который день подряд. Женщины в отличие от мужчин существа более тонкие и чувствуют они мир, что их окружает по-своему, а как именно — знают только женщины. Появилось беспричинное волнение — непонятно из каких глубин возникло беспокойство. Чайник, вроде, выключила, стиральную машину с вечера отключила. Что еще может быть? Отправила мужа на службу, сына в школу — все как обычно, как всегда, а чувство тревожное подсказывает: нет, не как всегда. Работа из рук валится, фантазии буйные, одна нелепей другой, как в хороводе. Дождаться бы обеда — не дождалась. Трубку сняла и мужу звонит, а ей отвечают: заболел Александр Николаевич, может, с вечера, может, с утра, но не появился, домой звоните.

Как заболел? Когда? Отправила совершенно здоровым, щечку подставила и на мгновение окунулась в родной и знакомый запах. Как спускался по лестнице, не слышала, как из подъезда выходил, не видела, а кто, простите, будет и слушать и смотреть? Вечером увидимся, наговоримся и наслушаемся. А друг что-нибудь произошло? Нечто трагическое... Прогнала мысль, а за ней другая. Вновь трубку сняла, а в ответ гудки. Длинные и тревожные. На что техника совершенная — по каким-то проводам, да и без проводов доберется за тысячи километров, сигнал подаст, а дальше остается сидеть и ждать — поднимут трубку или не поднимут, ответят или нет. Не ответили, и через пять минут не ответили, и через полчаса.

Зоя Константиновна не бежала, она летела, не замечая прохожих, машин, серых, явно усталых от дождя зданий, она и для себя пропала, превратилась в одно тревожное чувство. В

подъезд вбежала и только тут поняла: нужно успокоиться, дыхание перевести, а страх уже сковал липкой паутиной и, если прежде ею владело тревожное ожидание, то сейчас она целиком оказалась во власти страха.

Александр Николаевич лежал ничком и не двигался!

Дикий вопль потряс тишину, а сердечко уже было готово выскочить наружу, когда супруг перевернулся и открыл глаза. Но какие! Безумные, шальные глаза, которых она никогда прежде не видела и видеть не могла. Мужчина на полу хотя и был ужасно похож на Александра Николаевича, но смотрел он и вовсе не как Александр Николаевич. И вдруг Зоя Константиновна увидела их — разбросанные по квартире зеленые банкноты. Они были везде — на столе и под столом, на полу, диване и даже в вазе.

— Что это? — спросила она, прижав руки к груди.

— Деньги, — прошептал Александр Николаевич, — много денег, сколько — я не знаю.

— Деньги, — повторила Зоя Константиновна. — Саша! Откуда у тебя деньги?

— Нашел, — сказал Саша, после чего улыбнулся дикой улыбкой, — шел, шел и нашел!

— Нашел?

— Да! Шел, шел и нашел! Шел, шел и нашел!

Зоя Константиновна блаженно вздохнула и тут же сползла на пол.

Увы! Ничего большего, иных художественных средств, чтобы показать весь драматизм ситуации, в нашем скупом арсенале не нашлось, да и при всем многообразии чувств, охватывающих прекрасную половину, женщины ведут себя порой достаточно банально и без выдумки — падают в обморок.

Кто после данных событий посмеет отрицать существование загадочных и неподвластных разуму небесных сил? Перевернуть в долю секунды и сменить гнев на милость? Страх и отчаяние на безграничное счастье! Да и разделить боль, что охватила бедную женщину, задача крайне затруднительная и невыполнимая. Эта боль, осталась в сердце, хотя и приняла иное выражение. С ее любимым Сашей не только ничего не произошло — он жив и здоров, так еще валяется в деньгах. Топчет их ногами и разбрасывает по комнате! Каков подлец!

— Сколько? — прошептала Зоя Константиновна, достаточно быстро приходя в себя.

— Не знаю! — честно признался супруг, не предприняв даже видимой попытки привести женщину в чувство.

— Сто тысяч? — наугад произнесла бедняжка.

— Больше!

— Двести?

— Думаю, миллион, — похолодев от названной им суммы, не своим голосом ответил Кузнецов.

Найти миллион долларов! Где вы слышали подобную историю? В кино? А тут вам не кино, а суровая российская действительность, где в нынешние времена, если что и находят, так неприятности на свою...

— Я поставлю чайник, — еще через минуту сообщила Зоя Константиновна и внимательно огляделась. Деньги, конечно, хорошо и вовремя, но и платье, что она шила у подруги стоит не рубль и не два...

Ночное фуэте

Слесаря звали Женей, хотя в ведомости на получение зарплаты он проходил как Богомазов Е.Е. В жизни Женя кроме слесарного ремесла еще много чего любил и умел. И неспроста мы поставили указанные достоинства именно в таком порядке, а не иначе. Пусть вам покажется странным, но Богомазов и в самом деле являлся фанатом своей профессии. Обычно образ сантехника вызывает в нашем сознании не вполне справедливые ассоциации, а порой и вовсе юмористические, чем любят забавлять публику артисты. Евгений же своей профессии не стеснялся, так как всегда знал, чтобы не случилось в мире, какие бы формы развития не приняло общество и каким бы путем не пошло в своем становлении, без работы он никогда не останется. И если прежде — каких-то лет десять назад, выглядел он, как и полагалось выглядеть слесарю, то с некоторых пор жизнь Богомазова круто изменилась. Прогресс добрался и до глубинки, и на место ржавых, дурно пахнущих труб и фитингов, пришли удивительно красивые, легкие и изящные конструкции, выполняющие не только свое прямое назначение, но и дарующие, не побоимся этого слова, эстетическое наслаждение — приятные во всех отношениях изделия. Изменился и Женя: вместо убогого портфеля — саквояж, вместо грязной спецовки — строгий комбинезон и главное, конечно, — бейсболка, достоинства которой он оценил с первой минуты.

— Тринадцать «бэ»? — повторил Богомазов, разглядывая мужчину. — как же знаю, но этого дома нет.

Как может существовать дом, которого нет?

Виталий Борисович почесал за ухом и задал вполне уместный вопрос.

— То есть, как это нет?

— Дом есть, но как бы его и нет.

— Не понимаю.

— А что тут непонятного? Стоит дом, и номер указан, а в доме никто не живет, отключен от света, а канализации и водопровода в нем никогда не было — бесполезно отключать.

— Никто не живет?

— Согласно прописки, а по факту живут, еще как живут, потому как негде им больше жить! А жить-то надо.

Виталий Борисович хотел было спросить, мол, как там люди живут, без света, без воды, а потом вдруг понял — вспомнил детство...

Дом был ужасно длинный — по крайней мере, именно так ему казалось. Два подъезда, которые соединялись таким же длинным, как и сам дом, коридором. Налево и направо двери в крохотные клетушки, где, вероятно, жили люди. Он там не был — в этих клетушках, хотя нет, все же был. В одной из таких комнаток жила его бабушка — древняя старуха, похожая на жердь. Как она там жила — загадка. Света нет — качающаяся под темным потолком тусклая лампочка освещала лишь себя. Рукомойник — ведро с гвоздем, чтобы ополоснуть руки. Под ним другое ведро с помоями, куда сливали и выбрасывали все подряд, включая ночную мочу. Рядом плита, большую часть времени служащая столом. Входная дверь открывается наполовину — мешает куча одежды в углу. Одежда чем-то пахнет — чем непонятно, как, впрочем, и остальное помещение. Занавеска — грязная тряпка, разделяет комнатку на две половины. Во второй кровать — ложе, сколоченное из досок и другого

подручного материала. Напротив еще одна кровать — металлическая с резной спинкой и смешными набалдашниками в форме загадочных зверушек, может, ангелов, а может быть, и чертей. Окно, забитое какими-то тряпками — чтобы не дуло. Грязное, вероятно, его никогда не открывали, потому что открыть его невозможно. Окно не открывается, есть форточка, куда едва влезает рука. Форточка открывается плохо, и ею крайне редко пользуются. Если нужно проветрить помещение, открывают входную дверь. В углу полочка, на полочке Бог в нарядной рамке — грустит...

— Покажешь? — спросил Виталий Борисович.

— А его и показывать нечего, сам увидишь, мимо не пройдешь. Надпись там неприличная.

Хороший знак.

Товарищ Шумный нагнулся — вновь развязался шнурок, и что удивительно, развязался он на том самом левом ботинке.

— А кто живет?

— Люди, — ответил Богомазов, — туркмены-беженцы.

— А еще?

— Бомжи иногда заходят. Только бомжей гоняют, а этих пока не трогают — жалко.

Странная логика. Бомжей, получается, не жалко?

— Дети у них, — словно прочитав мысли Виталия Борисовича, добавил Женя, — много детей, целый табор. Они по утрам на работу уходят — у церкви просят подаяния. Иногда дают. А тебя кто интересуют — бомжи или туркмены?

— Меня дом интересуется, — ответил Шумный.

— Понятно, мимо не пройдешь, сам увидишь, — и Женя затушил сигарету — плюнул в ладошку и ткнул туда окурок.

На улице дождь, и уже через пару минут башмаки превратились в бесформенные калоши с налипшей грязью. Ерунда какая-то, что за дом и почему покойная записала адрес на клочке бумаги?

Виталий Борисович пытался выбирать маршрут, обходя по возможности лужи и раскисшую от влаги землю, однако вскоре махнул рукой и зашлепал, не разбирая дороги. Нужно было сапоги надеть, отметил он, обратив внимания на женщину, что прошла мимо. Женщина была в резиновых сапогах и двигалась, явно не замечая тех неудобств, что испытывал он. Затем прошел мимо кучи мусора, вероятно, древней, образовавшейся еще с прошлого года. В глаза бросилась кукла с оторванной головой — она сидела на самой вершине и никуда не смотрела. Кукла была голой и какой-то розовой, от чего Виталий Борисович испытал непонятное чувство — то ли жалости, то ли обреченности.

Дом он увидел издали — Женя оказался прав. И надпись, действительно, неприличная, хотя кому какое дело... Постоял, прочитав грязные слова, выведенные ядовито-оранжевой краской и не понял. Зачем он тащился сюда? Что хотел узнать или увидеть? Дом-призрак, а стало быть, и живут в нем такие же призраки, которым уже давно место в ином мире. А они не ведают, продолжают по инерции куда-то скользить, что-то делать.

Еще через минуту он понял, что за ним наблюдают. Цепко окинул взглядом дом — пробежался по окнам и ничего подозрительно не заметил.

Вечером, развалившись на диване, Виталий Борисович пытался осознать, почему он решил, что за ним наблюдали. И продолжали наблюдать, когда он отправился в обратный

путь — он, чувствовал, как по хребту карабкались металлические коготки, позвонок за позвонком.

Поднялся. Протянул руку и взял бумажку, написанную рукой Клавдии Степановны. Никакой ошибки — дом 13 «б». А может, «в»? Вновь опустил на диван, вслушиваясь в тишину и в самого себя. Сережка прав: нужно выбросить из головы эту тетку и все что с нею связано. И без того дел хватает. Завтра выброшу, и заснул — погрузился в теплую истому...

Клавдия Степановна на сей раз явилась в нарядном платье, которое удивительно ей подходило. Сказать более точно и объяснить, почему платье ей подходило, трудно. Случается, когда та или иная вещь выступает в полной гармонии и даже добавляет некоторые качества, либо их раскрывает. Например, человек в душе добрый, а окружающие никогда об этом не знали. Для них он мрачный и замкнутый, сторонящийся компании домосед. А как рубашку надел и улыбнулся — и никакой он не замкнутый. Также и Клавдия Степановна в платье, тем более что Виталий Борисович никогда покойную в нарядном платье не видел. Голый видел, а в платье — нет! Забавно, думает товарищ Шумный. Вот ведь как получается! Все нормальные люди, и мужчины в том числе, голыми своих знакомых не видят — не принято голыми ходить. Смотрит Виталий Борисович и вдруг вспоминает, что в прошлый раз и он тоже голый был, в смысле в трусах. И пытается на себя глянуть — все же неудобно второй раз приходиться к женщине без штанов. И как он ни глядит, как ни старается, не может себя увидеть — не получается! Спросить, думает, что ли? У Клавдии Степановны спросить, мол, простите за беспокойство, в штанах я, сударыня, или вновь в трусах явился? А Клавдия Степановна как бы его не замечает, кружится как девушка — платье парашютом и ножки стройные. А лицо серьезное, если не строгое. И вращается до того быстро, что, того и гляди, фуэте выполнять начнет. И слышит тут он голос женский, который ему говорит: что же вы стоите истуканом? У меня сейчас голова закружится. А зачем вы тогда кружитесь? — отвечает Виталий Борисович. — Хочется! Может, я об этом всю свою несознательную жизнь мечтала, — шепчет Клавдия Степановна. И смеется — звонко, взволнованно, как колокольчик. Однако тут же другая мысль в голову: а почему он решил, что это Клавдия Степановна говорит? Он же ее голоса никогда прежде не слышал или все же слышал? В следующий раз, — говорит ему гражданка Мухина. Что в следующий раз? Спою я вам в следующий раз? Вы в следующий раз когда придете меня навещать? Не знаю, да и собирался я к вам не вчера, не сегодня, так уж получилось, отвечает Виталий Борисович, — Заснул, а тут вы танцуете. Нравится? — спрашивает Клавдия Степановна, — танец вам мой нравится? Еще не понял, — честно признался Шумный, — я балерин никогда прежде не видел, ни на сцене, ни наяву, а во сне — тем более не приходилось. Хорошо, — отвечает ему покойная, — я тогда еще немного покружусь, а вы — подумайте.

Проснулся, глаза открыл — темнота, в чем, впрочем, ничего удивительного — спать принято без света. А света как раз и не было — выключил его товарищ Шумный. Решил двинуться — не получается. Не пошевелить ни ногой, ни рукой. Ничего не понимает, и страшно сделалось. Связал, что ли, его кто? А тут новая мысль — так это же простыня! Словно запеленали его, как младенца в простыню! Нет, не запеленали, это он самостоятельно завернулся,... когда кружился с Клавдией Степановной в стремительном фуэте!

Минут десять кряхтел и выбирался — даже вспотел. Включил свет и ужаснулся. Простыня и вовсе не простыня, а поле битвы.

Сидит — свесил ноги и вспоминает увиденный им кошмар. Чего она к нему пристала?

Ей что, больше заняться нечем, как кружиться в танце по ночам с незнакомыми мужчины? Да если и кружиться — кружись с такими же, с покойниками кружись.

Чем принято заниматься ночью обыкновенным нормальным людям? Спать. Лежать в своей кровати и набираться сил перед очередным рабочим днем. Большая часть человечества именно этим и занимается — восстанавливает накануне потраченную энергию, чтобы не выглядеть с утра разбитым, чтобы встретить грядущий день во все оружие.

Подошел к окну.

Огромный белый шар завис где-то вдали, поглядывая на покрытую под ним мраком землю. Посмотрел в окно и непроизвольно для себя насчитал еще пять огоньков в ночи. Пять светящихся в ночи точек. Вместе с ним шесть. Он проснулся, хотя прежде на бессонницу пожаловаться не мог. Почему люди ночью не спят? Одни работают — не успевают завершить свои дела днем, другие не могут заснуть — долго ворочаются в кровати и, наконец сдаются — встают и включают свет. А те, кто не включает? Они тоже могут не спать — продолжают воевать с бессонницей в темноте. И все же, почему люди не спят? Они же сами себе хозяева, в их силах и власти выполнить любую команду, однако не могут, или здесь еще одна причина? Но вот какая?

Вновь мысль вернулась к покойной Клавдии Степановны. Определенно, старая тетка не дает ему покоя. Вторая ночь и второй визит — Виталий Борисович похолодел. А похолодел он потому, что новая мысль была еще более страшной. Если старуха пришла к нему сегодня, почему бы ей не придти завтра... и после завтра! Где бабка лежит? В морге. А где должна лежать? То-то и оно. Не порядок,... а где у нас порядок? Россия — матушка — царство бардака! И не избавиться от него никому и никогда! Не нам, не вам и тем более — не им!

Виталий Борисович понятия не имел: а что происходит после смерти и происходит ли вообще? Все люди, думал он, делятся на две большие групп. Или нет, на три. Третья — сомневающиеся, те, кто не уверен, что существование не заканчивается с последним вздохом. Мысль человеческая, как фантазия, кажется безграничной, — кто только и что только не предлагал — количество теорий бесконечно. Сколько пытливых умов — столько и теорий. Однако все они ни что иное, как вариации на одну и ту же тему. Интересные, порой абсурдные, но вариации, когда обсуждается один и тот же вопрос.

Неожиданно для себя снял трубку и набрал номер.

— Кто? — ответил Алексей Митрофанович.

— Шумный.

— Виталий Борисович? Вам повезло.

— То есть, как повезло?

— Чищу картошку.

— В два часа ночи?

— У меня пауза, — объяснил Горелик, — сейчас закончу чистить, а потом залью водой. Чтобы чищенная картошка сохранилась, нужно обязательно ее залить водой, можно некипяченой. Некипяченой даже лучше и непременно холодной.

Идиот.

— А почему повезло? — уточнил Виталий Борисович.

— Я же вам сказал — чищу картошку. В противном случае я бы просто не услышал вашего звонка, а тут не работается — вспомнил, что нужно поужинать... или позавтракать? Минуточку, сейчас скажу вам более точно...

Вероятно, Алексей Митрофанович куда-то побежал — в трубке были слышны

непонятные звуки, о происхождении которых приходилось лишь догадываться.

— Завтракал, — вскоре сообщил он, — творога в холодильнике нет, значит, завтракал, а вы что-то хотели?

— Поговорить.

— По телефону?

— Если можно.

— Сейчас попробую, еще минуточку, — и вновь в трубке раздались какие-то подозрительные звуки.

— Вроде получается... я прежде никогда не пробовал... неудобно несколько, однако неудобно всегда только в начале...

— Что неудобно? — вновь уточнил товарищ Шумный.

— Чистить картошку и говорить по телефону, — разъяснил Алексей Митрофанович, — руки-то всего две! Чистить картошку одной рукой теоретически можно, только нужна практика. А у меня две руки, но и практики никакой, поэтому приходится трубку держать на плече, прижав ее к голове. Вы меня достаточно хорошо слышите?

— Вполне.

— И я вас вполне. И о чем вы хотели со мной поговорить?

— Клавдия Степановна была.

— Опять?

— Не знаю, что ей от меня нужно, но это уже второй визит...

— Вы ее спросили? — перебил Алексей Митрофанович.

— Не успел, а потом у меня сложилось впечатление, что ей и вовсе не интересно меня слушать!

— Это еще почему?

— Почему? В танце кружилась и постоянно меня спрашивала: нравится или не нравится!

— В танце?

— Обещала в следующий раз песню спеть, пропустив мимо ушей вопрос, продолжил Виталий Борисович.

— Какую?

— Какая разница!

— А я был?

— Вас не было, — ответил товарищ Шумный.

— Точно? Может, вы не разглядели? Это крайне важно.

— Не помню, но, кажется, вас не было.

— А почему кажется? Можно, подробней.

— Танцевали мы, а когда танцуешь, все внимание на партнерше, да и голова кругом, вы бы видели...

Однако рассказывать о том, как его запеленали, Виталий Борисович не стал — не к чему подробности, не имеющие к делу никакого отношения.

— Ваше мнение.

— Скользкая дрянь...

— Что?

— Это я не вам, это я картошке, упала...

Возникла пауза.

— Вас интересует мое мнение или выводы? — через минуту спросил математик.

— А что, есть разница?

— А как же! Выводы — заключение на основе предоставленных для анализа фактов, а мнение — сугубо личный взгляд на проблему. Совершенно разные понятия, поэтому и ответ может быть крайне противоречивым.

— Я хочу услышать ваше мнение. Почему? Да потому что кроме вас у меня нет свидетелей, знакомых с Клавдией Степановной.

— То есть вы желаете провести некое сравнение? Я правильно вас понял? Виталий Борисович, это тоже крайне важно. Чтобы мой ответ вас удовлетворил, необходимо понять вопрос, что в нем заложено. Иначе мой разум пойдет по ложному пути. Вы спросили: ваше мнение, что подразумевает мой личный взгляд на обозначенную вами тему. Так?

— Так, — согласился Шумный.

— Вообще-то оккультными науками я не занимаюсь, не мой профиль. Все что можно — рассказал и адрес передал. Вы, кстати, туда ходили?

— Ходил. Ничего интересного. Старый, развалившийся дом, которого и в плане города нет.

— Ошибка исключается?

— Исключается.

— Виталий Борисович, вы не правы. Поверьте моему опыту, ошибка возможно всегда, даже там, где, вы считаете, ее не может быть! Более того, ошибка как раз там и скрывается!

— Где?

— Там, где ее не может быть!

Когда нормальный человек говорит о чем-либо с человеком умным, могут возникнуть опасения, что кто-то из двоих окажется ненормальным. Поэтому Виталий Борисович пожалел о своем звонке.

— Чтобы закончить свою мысль относительно возможной ошибки, — продолжил математик, — почему вы решили, что Клавдия Степановна написала номер дома тринадцать, а не девятнадцать или шестнадцать? А вдруг цифра три и вовсе не три, а шесть или девять? Это для нас она три, а для Клавдии Степановны — девять! Вы понимаете? Это конечно, мое субъективное мнение. Все что требуется — взять и проверить, либо почерк, либо дом под номером девятнадцать. Теперь ваш первый вопрос — мое мнение. Безусловно, должна быть какая-то причина уже второго визита покойной к вам. Какая именно — не знаю. Явилась-то Клавдия Степановна к вам, а не ко мне. Что касается моего появления у вас во сне, здесь, честно говоря, я несколько удивлен. В тот вечер я точно не собирался.

— Не собирались?

Алексей Митрофанович замолчал, однако ненадолго.

— Еще один эксперимент, — явно с неохотой сообщил он.

— Какой еще эксперимент?

— Ненаучный. Что-то вроде хобби — являться по ночам к бывшим приятелям без их согласия.

— Во сне?!

— У меня и без того мало времени, чтобы бегать по городу, а потом нынче все удивительно занятые люди! Только заняты они собой! Желаете возразить, поймать меня на противоречии? Нет, уважаемый Виталий Борисович, я занят проблемой, а это не одно и тоже! Вторгаться в частную жизнь я не собираюсь — скучно, да и брезгливый я, чтобы

совать свой нос в чужую постель. Минуточку... руки сполосну.

Почему товарищ Шумный решился на звонок, он не знал, как и не рассчитывал услышать странное признание еще более странного знакомого.

— А вы почему не спите? Разволновались?

— Хотел с вами посоветоваться, — признался Виталий Борисович.

— Я вам верю. И не только потому, что позвонили вы ночью.

— Когда человек говорит «посоветоваться», он может вкладывать какой угодно смысл. А какой — зависит от вашего интеллекта. Он может сказать «помогите», но говорит «хочу посоветоваться», а знаете почему? Мы таким образом живем — думаем одно, а делаем другое. И совершенно непонятным образом понимаем друг друга. Я же математик, и подобный подход для меня равнозначен гибели. Я не могу пять минут мыслить согласно одной установки, а другие пять иначе. Непонятно? Чтобы решить задачу, над которой я бьюсь последние годы, мне предстоит настроить свое мышление, отказаться от прошлого опыта и научиться думать по-новому. Научиться думать честно. Сначала я полагал, что у меня не хватает знаний, потом что постоянно кто-то мешает, а потом оказалось, что мешает мне никто иной как я сам! И тут мне открылась удивительная по своей простоте и красоте формула. Универсальная формула, что лежит в основе всех других уравнений, позволяющая делать феноменальные открытия независимо от области применения. Эта формула мне приснилась, но чтобы ее записать, нужен был карандаш! Обыкновенный карандаш за десять, или сколько он сегодня стоит, копеек! Его не оказалось! Этого проклятого карандаша за десять копеек! Вы понимаете? Я был в шаге — все, что требовалось, записать! Не записал! Прошел год, два — я не мог вспомнить! Однако почему формула явилась ко мне во сне? Может быть, потому, что я часто работаю по ночам? Не знаю, не могу понять. А потом помните, я вам как-то говорил. Забыли? Ничего удивительного — мозг стирает до семидесяти процентов ненужной информации, складывает их в папочки и отправляет в темные архивы нашего подсознательного. А говорил я вам, Виталий Борисович, о том, что открытия, сделанные во сне, вам не принадлежат. Не ваши это открытия. Вы, как дудочка, через которую дунул музыкант, исполнив произведение не менее талантливого композитора. Ду-доч-ка! А я быть дудочкой не желаю! Я сам, лично, хочу написать песенку, а потом ее исполнить. От тщеславия, думаю, я далек, мне важен результат, хотя с недавних пор и сам процесс поиска стал приносить некоторое удовольствие. Они как-то связаны — результат и процесс.

— Вы хотите сказать, что за всеми значимыми открытиями стоит кто-то еще?

— Об этом не будем. Ответа на данный вопрос у меня сейчас нет, вот когда он появится, тогда можно будет и поспорить. Теперь о Клавдии Степановне. Я так понимаю, что интересуется она вас скорее не как объект вашей профессиональной деятельности, а как некий феномен — ненаучный, конечно. А стало быть, и подход должен быть тоже ненаучным. Простите, мне, кажется, нужно идти.

— Еще один вопрос.

— Давайте завтра... или нет уже послезавтра. Звоните, если дозвонитесь, и Алексей Митрофанович повесил трубку.

Именно это и хотел слышать Виталий Борисович, вернее спросить, а можно ли ему позвонить в будущем.

Горелик в этот момент сидел и смотрел на телефон.

Когда человек долго молчит или когда ему нечего сказать окружающим, он медленно

погружается в себя — окружающий мир пропадает, растворяется, как растворяется сахар в стакане. Однако говорить все равно придется — так уже когда-то был задуман человек. Поэтому некоторые говорят сами с собой — Алексей Митрофанович молчал. И его разговор с товарищем Шумным — тот же монолог или фуэте, где партнер не нужен.

Когда счастье приносит несчастье

Чай пили с ватрушками. Не спеша наливали и пили. Александр Николаевич из стакана, Зоя Константиновна из чашки. Сидели за столом, не на кухне, а в гостиной — событие неслыханное. Так как в гостиной собирались только в исключительных случаях, к которым можно было отнести Новый год, дни рождения членов семьи и приезд близкого товарища из дальней заграницы. Ни в один из перечисленных праздников сегодняшний день не входил. Кроме пузатого чайника, сервиза на шесть персон, краковской колбасы и банки красной икры — початая бутылка дорогого коньяка. Настоящего, французского и не из супермаркета, а из Парижа.

— Ммммммм-да, — произнес Александр Николаевич и налил настоящего французского коньяка из города Парижа в рюмку.

— Что будем делать? — поинтересовалась Зоя Константиновна.

— С деньгами? Ничего не будем, для начала проверим, вдруг они фальшивые?

— Саша! Ты меня не пугай! Перенесенных переживаний мне вполне достаточно. Ты бы видел себя со стороны — глаза бешеные, волосы взъерошенные. А как проверить?

— Нужно подумать. Лучше в каком-нибудь отдаленном пункте обмена, чтобы не привлекать излишнего внимания. Достаточно одной банкноты.

— Проверили, деньги настоящие.

— Ты увольняешься с работы, — Александр Николаевич продолжал согревать своим теплом голубой хрусталь бокала, предвкушая, как он отправит внутрь себя дары Франции.

— Почему я, а не ты?

— Мужчин — домохозяек не бывает, скажешь, что заболела.

— Чем?

— Неважно. Если деньги настоящие, для нас многое теряет привычное значение.

— А если фальшивые?

— Вряд ли, думаю, доллары настоящие. Если бы они были фальшивыми, их выбросили бы на помойку, но никак не из окна! Кто будет выбрасывать из окна фальшивые доллары! Это же опасно!

— А выбрасывать настоящие — не опасно?

Достоинно ответить или возразить Александру Николаевичу было не суждено — зазвонил телефон.

— Ответь.

— И что сказать?

Александр Николаевич и тут не спешил, глотнул из бокала и блаженно поморщился.

— Что хочешь — то и скажи. Зося, мы теперь можем говорить, все что угодно. Хочешь — скажи, я заболел или ушел или меня нет дома, и никогда больше не будет — мы купим новый дом.

— Новый дом?

— Да, — и глянув на бутылку, продолжил свою мысль, — во Франции.

— Почему во Франции, а не в Англии?

— В Англии сыро и постоянные туманы и движение там левостороннее.

— Я английского не знаю.

— И я не знаю, — не моргнув глазом, признался Александр Николаевич. — Сейчас это

не важно. По-английски у нас будет говорить горничная.

— А как мы будем говорить с ней?

— По-русски. И о чем можно говорить с горничной? Завтра же схожу в библиотеку, если хочешь — пойдем вместе. Выберем себе для проживания подходящую страну.

Зоя Константиновна икнула.

— Ты хочешь дом?

— Ну не квартиру же! А эту, — Александр Николаевич обвел ленивым взглядом помещение, которое неожиданно стало тесным и явно неудобным, — сдадим в аренду или продадим. Хотя лучше продать — на карманные расходы.

Телефон продолжал звонить.

— Что за люди! Я уже давно заметил: нашим людям явно не хватает хорошего воспитания. Да и откуда ему взяться? Учат, черт знает, чему — математике, химии, физике, но не приличным манерам. Четыре звонка — не более! Более — это уже развязанность, близкая к хамству. Ты знаешь, дорогая, почему они плохо живут?

— Они?

— Да — они, наш народ, почему он так плохо живет и постоянно жалуется на свою судьбу? — Отсутствие воспитания. В семье одни требования, в школе другие, а в жизни — третьи. Вот и все! Вот вам и ответ на поставленный вопрос. Я, наверно, напишу книгу и назову ее, ...-Александр Николаевич сделал еще один глоток, — назову ее «Особенности русского характера — за и против».

— А почему «за и против»?

— Подсказывает дискуссионную направленность работы. Фактов у меня достаточно, я сам русский, а опубликую книгу обязательно на Западе, может, в Германии, может, во Франции. Хотя во Франции вряд ли, там нашего сброда еще с прошлого века хватает.

— Саша.

Телефон наконец умолк.

— К чему тебе книга?

— Деньги у нас теперь имеются в избытке, мы даже не знаем, сколько. Напомни, кстати, чтобы я завтра купил машинку считать эти проклятые доллары. Тебе тоже придется основательно подумать. Домохозяйка — не профессия и не увлечение, а жить-то дальше нужно.

— Мы будем путешествовать, — вспыхнув от счастья, произнесла Зоя Константиновна. Александр Николаевич улыбнулся.

— Опасно.

— Мы купим самолет.

— Боюсь, не хватит денег. Чтобы купить самолет потребуется значительно большая сумма. Нет, ни в коем случае! К чему рисковать? На яхту, боюсь, тоже не потянем. Эти яхты такие дорогие, ты даже представить себе не можешь. Что в ней особенного? Лодка как лодка, а стоит миллионы! А страховка? Экипаж? Налоги, наконец! Мечтать нужно тоже осторожно, я бы сказал, не торопясь. Начнем с дома.

— А может, никуда не поедем? Павлик школу не кончил, новый коллектив, новая обстановка — еще один стресс.

— Ты дверь закрыла? Он когда из школы приходит?

— Как обычно после трех.

— Уже без пяти! Деньги нужно срочно убрать — ни к чему его травмировать.

— А что мы ему скажем? — Зоя Константиновна выглядела взволнованной.

— Как что? Ничего! — Александр Николаевич бросился закрывать бутылку, — простудились.

— Оба?

— Сначала ты, а потом уже я или нет. Я простудился, а ты прибежала с работы.

* * *

Сына Александра Николаевича и Зои Константиновны звали Павлик. Не Павел или Павлуша, а именно Павлик. Павликом он стал задолго до своего появления на свет. Каким-то сверхъестественным чувством будущая мать понимала, что должен родиться мальчик и назвала его, отбросив в сторону разного рода предрассудки. Мальчик получился удачный и внешностью, и характером, хотя все же, наверно, больше характером — совсем безпроблемный. В младенчестве позволял родителям спать, не капризничал по ночам и был на удивление послушным. Достаточно было сказать раз, и Павлик все тут же понимал. Говорить не умел, а понимал! Моргнет глазками, словно подсказывая, мол, все понятно, можно не повторять. Скажете, не бывает, вздор и полная ерунда. А вот бывает! Нужно, предположим, Павлику сходить по малой нужде. А как сходить, если он и ходить не умеет? Другой малыш справит дело под себя и давай орать благим матом, а Павлик пискнет три раза — знак подаст и дожидается. По большой нужде — четыре раза. Зоя Константиновна вначале не поняла, почему три раза а не два? А уж потом догадалась, два раза можно и не услышать, а вот три — шансов значительно больше. А еще поняла Зоя Константиновна, что сын ее к себе приучает, не она Павлика, а именно Павлик! Чрезвычайно смысленный малыш даже как-то не по себе, чтобы в таком возрасте, когда действует только безусловные инстинкты, на лицо явные признаки интеллекта. А заговорил как? Не мама или папа — первые слова, от которых едва не сходят с ума родители. Первое предложение, которое выдал Павлик, оказалось сложноподчиненным! И так во всем, что касалось вхождения малыша в жизнь. Мать сказку прочитает, на следующий вечер Павлик требует новую: не интересно, говорит, финал уже знаю, интриги никакой. Как вам! Интриги! Зоя Константиновна с ног сбилась — переносила из библиотеки все детские книжки, на свои собственные уже денег не хватало. Разоришься окончательно, если каждый день будешь новые покупать. А как иначе? Как расширять кругозор ребенка? В четыре года Павлик уже постиг грамоту и самостоятельно читал все, где был хоть какой-либо текст. Газеты проглатывал за завтраком, так что для родителей не было никакой необходимости знакомиться с новостями — рассказывал Павлик. Отправили в школу, а он заявляет: скучно мне, делать нечего, все знакомо и уже давно пройдено. Пришлось поговорить отцу — провести профилактическую беседу. Александр Николаевич даже несколько расстроился: чрезвычайно умный ребенок такая же головная боль, как и тот, что отстают в своем развитии от сверстников. Ни у Зои Константиновны, ни у Александра Николаевича в роду гениев не было, поэтому папаша так и сказал Павлику.

— Павлик, — сказал Александр Николаевич, — у меня к тебе большая просьба — не расстраивай родителей.

— То есть? — уточнил Павлик.

— Расти и развивайся как самый обыкновенный ребенок, а как достигнешь

совершеннолетия, делай что хочешь. Слова тебе не скажем, не возразим, а сейчас... думаю, ты понял.

— Никаких проблем, — заверил Павлик, — краснеть за меня не придется. Я тогда пойду, на футбол ребята приглашали.

— Замечательно! — обрадовался Александр Николаевич, — сходи, погоняй мяч, побегай от души, а матери я скажу, что мы с тобой переговорили. Хорошо?

— Хорошо.

И Павлик пошел на футбол, но не гонять, как выразился отец, мяч, а делать ставки на тотализаторе. В прошлый свой поход он неплохо заработал, однако чтобы не расстраивать родителей, данный факт от них скрыл. Что в действительности творилось в голове у Павлика, знал только сам Павлик, хотя, вероятно, мыслил он куда более здраво, чем предполагали родители. На момент описываемых событий юное дарование, а мы в этом нисколько не сомневаемся, занимался тем, что пополнял свой «карманный бюджет» — проводил еще одну финансовую операцию — менял рубли на доллары. Менял, когда многие как раз от американской валюты избавлялись — российская экономика, как утверждали маститые специалисты, была на подъеме. Правда, через некоторое время этот подъем закончится в глубокой яме, однако не будем торопить события и тем более совать нос в государственные дела. Газеты Павлик не только почитывал, но и анализировал, поэтому пришел к одному простому и в то же время важному заключению. Если наверху обещали полный штиль и дальнейшее укрепление национальной валюты, следовало ждать как раз обратного, чем Павлик и занимался — скупал доллары, на которые неожиданно упал спрос.

Домой он добрался, явно не рассчитывая встретить семейство в полном составе. Отец чем-то довольный сидел за столом в гостиной, неплохо выглядела и мамаша. Общую картину завершало нечто, витающее в атмосфере — что именно Павлик не понял, хотя и почувствовал.

— Простудился, — сказал Александр Николаевич, — вероятно, надуло, пришлось взять больничный.

— Ты всегда относишься к своему здоровью с вызывающей небрежностью, — с укором в голосе произнесла Зоя Константиновна, — схожу в аптеку и куплю общеукрепляющих препаратов.

Павлик еще раз бросил внимательный взгляд на отца. Больной выглядел вполне здоровым, даже счастливым. Если бы не легкая отстраненность или рассеянность, исходящие от Александра Николаевича, впору сказать: отобедал человек и пребывает в состоянии близком к блаженству. Рассеянность и в самом деле имела место — Кузнецов уже давно оседлал фантазию и наблюдал за происходящим с высоты птичьего полета. Какие бы советы он не давал жене, каким бы взвешенным и продуманным не было его жизненное кредо, Александр Николаевич не мог удержаться, чтобы не помечтать, как говорится, по полной программе.

Купить новый дом — это здорово. Это великолепно, но куда большее возбуждение вызывала возможная реакция всех тех, кто был с ним знаком. Александр Николаевич перебирал в памяти имена близких ему людей и каждого мысленно ставил в известность о неожиданно свалившемся на него счастье. К большому удивлению, не многие восприняли с радостью данное событие. Нашлись знакомые, кто не только отказался его поздравить, но затаил на Александра Николаевичу обиду! А один очень хороший и проверенный временем товарищ сказал: дуракам везет! Кузнецов мог бы свалить сказанное на разыгравшуюся

фантазию, но слова, что прозвучали в его голове, принадлежали без всякой ошибки товарищу. В ином свете предстала перед Кузнецовым еще парочка друзей, планировавшая взять у Александра Николаевича в долг некую сумму и не вернуть. Они так и решили — взять и не вернуть! Поэтому уже через пять минут ни о каком блаженстве на лице Александра Николаевича не могло быть и речи. Напротив, он нахмурился и полез в шкафчик.

— Для профилактики, — подсказал Кузнецов сыну, наливая коньяк в рюмку. Павлик с любопытством наблюдал — видеть отца за употреблением даже легких алкогольных напитков ему не приходилось.

Зоя Константиновна произнесла из прихожей что-то похожее «я скоро вернусь» или «я скоро приду». Хлопнула дверь, Александр Николаевич налил еще грамм пятьдесят. Как ни странно, но определенная часть обиды пропала — он продолжал размышлять дальше. Если все они — мои, так называемые, товарищи и друзья, прониклись мерзким и отвратительным чувством зависти, узнав, что ему выпало счастье, что произойдет, если им станет известно, какое именно счастье обрушилось на Александра Николаевича! Половину из них отвезут с приступом стенокардии, другая половина, продолжая заискивать и улыбаться, его возненавидит. Сделанное открытие неприятно поразило Кузнецова, и он вновь нахмурился. Потерять близких тебе людей всегда неприятно, а товарищей — тем более. Однако не столь легкомысленным был Александр Николаевич, чтобы принимать близко к сердцу досадные огорчения. Не было у него друзей! Никогда. По одной и вполне разумной причине — Кузнецов умел дружить, при этом не нуждаясь в товарищах. Да, люди к нему тянулись — одни очарованные приятным характером Александра Николаевича, другие вниманием, которое он щедро дарил каждому, как и совет — часто толковый и полезный. Хотя, что есть совет и внимание? Категории, не требующие материальных вложений, пусть и приносящие неплохие дивиденды. Порой не меньше, чем проценты от банально ссуженной суммы в денежных знаках. На всех, кого Александр Иванович встречал на своем жизненном пути, он смотрел как на потенциально-выгодное приобретение, от которого в дальнейшем можно что-либо получить. Пусть не сегодня, не сейчас, но получить — завтра, через месяц или два. Он твердо знал, момент обязательно наступит, и поддерживал отношения, как заботливая хозяйка поливает в горшочке хрупкий стебелек, уверенная, что вскоре появятся и цветочки. Сорвав цветочек, Александр Николаевич горшочек не выбрасывал, вновь поливал — оказывал внимание и щедро делился мудрыми советами. И продолжал, не спеша, ждать. Спешку Кузнецов не любил.

Когда не хватает ума или в чем достоинство детективов. Нечистая сила и как ее вызвать

Что может быть приятней, чем открыть свежий номер газеты? Заглянуть и узнать, как поживает мир. Газета, пожалуй, одно из тех изобретений человечества, за которое не стыдно, хотя читать последнее время то, что и как пишут в газетах, стыдно. Хотя и тут можно поспорить. Прогресс — этот бесформенный монстр, то ли баба, то ли мужик, а может, оба в одном образе — ставит под сомнение, что прежде и ставить не думали — понятие стыда. Главное, чтобы было интересно, чтобы с первой страницы, как дубиной промеж глаз. А на последней непременно поместить юное дарование, желательно в неглиже, которое увлекается... а какая разница, чем она там увлекается. Когда, простите, на бабе ничего нет, кто будет задумываться, где она учится и кем мечтает стать?

Павлик, покупая газету, всегда приступал к знакомству с содержанием номера как раз с последней странички — разглядывал еще одну полуголую девицу, отмечая про себя, что их количество растет в геометрической прогрессии. Появиться в газете голой с некоторых пор уже считалось не только достоинством. Чтобы продемонстрировать «свои данные» — и насколько они выросли — требовался конкурс.

Итак, газета в руках, цена демократичная, как впрочем, и содержание. Глянуть и просмотреть для проницательного читателя хватит и трех минут — на большее жалко времени. Полный набор — региональные новости, вести с полей, скандалы недели, одобренные рекламой, и небольшая доска объявлений. Ничего особенного — кто-то продает, кто-то покупает — все как всегда. Еще зайти в магазин и выполнить поручение родителей — обязательная составляющая воспитательного процесса, как считала Зоя Константиновна, управляя сына за покупками. К взрослой жизни нужно готовиться в юности, а что может быть полезней, чем поход в магазин? Павлик не возражал, получая определенный бонус, а проще говоря, сдачу на карманные расходы, хотя уже давно в них не испытывал потребности. Однако народная поговорка, к которой частенько прибегал Александр Николаевич, подсказывала, что копейка и в самом деле бережет рублик.

— Купил? — Александр Николаевич продолжал уже который день хворать, хотя и выглядел замечательно. Вставал, когда все уходили. Надевал халат и слонялся по квартире. Однако скучно не было — Кузнецов продолжал строить планы, сначала в голове, а затем на бумаге, записывая наиболее ценные.

Павлик кивнул и разложил покупки. Молоко и сметану в холодильник, хлеб в шкафчик.

— Как учеба? Успеваешь?

— Троек не было, — доложил сын.

— Правильно. Высовываться ни к чему. Выскочек в обществе не любят. Что у нас происходит в мире?

— Ничего особенно. Новостей никаких.

— Прекрасно. Как говорят англичане: отсутствие новостей — уже хорошая новость, — и Кузнецов, развернув газету, сел за стол.

Действительно, за прошедшие дни мир совсем не изменился — не упал ни один самолет, никого не застрелили, не взорвали, а так просто не может быть. Александр Николаевич уже собирался зевнуть и закрыть газету, когда его взор обратился в колонку, которую он прежде своим вниманием не баловал. Прочитал и похолодел — стало как-то

зябко, хотя халат добротный, да и температура в квартире вполне комфортная. И все же Кузнецов поежился и перечитал вновь.

«Убедительная просьба — вернуть за вознаграждение сумку, оставленную... далее указывался адрес. Если нет возможности вернуть содержимое сумки, просьба вернуть хотя бы сумку. Звонить круглосуточно. Телефон, номер... спросить Сережу».

А ты, Сережа, круглый идиот, — подумал Кузнецов. Какое вознаграждение потребуется, чтобы вернуть миллион долларов? Два миллиона? Вернуть хотя бы сумку! Нет, Сережа, ты не идиот, ты кретин! Выкинуть из окна миллион долларов не под силу нормальному человеку. У него и руки не поднимутся. Да он скорее сам выпрыгнет.

— Что-нибудь смешное?

— Где? — не понял Александр Николаевич.

— В газете, — подсказал Павлик.

— Странное создание человек, — философски начал Кузнецов, — сначала он что-то теряет, выбрасывает, а затем просит вернуть за вознаграждение. Где, спрашивается, логика?

— Ты о сумке?

Александр Николаевич еще раз поежился.

— Да, о сумке. Потерять, конечно, можно все что угодно — кошелек, телефон, но сумку! Как можно потерять сумку? Она же большая и тяжелая!

— А почему тяжелая? Кстати, а что за сумка у нас появилась?

— Какая еще сумка? — Александру Николаевичу стало уже промозгло. — Нет у нас никаких сумок!

— Сейчас покажу, — Павлик шмыгнул из гостиной и не заметил, как побледнел отец.

Кажется, французы сказали: «ищите женщину». Все несчастья в мире происходят исключительно по одной причине. Именно только по этой банальной причине. Кто, спрашивается, ее просил поставить сумку на самое видное место в квартире?

— Вот, — Павлик вертел в руках котомку и смотрел на отца.

— Я что, сумки не видел? Это сумка бабушки, я про нее и вовсе забыл.

— Бабушки? — переспросил Павлик, кстати, каким-то нехорошим голосом.

— А мама сказала — дедушки.

— Какая разница! Бабушки или дедушки? Что ты ко мне пристал? Ты уроки сделал? Иди и немедленно делай уроки!

— А что ты так нервничаешь?

— Я нервничаю? И нисколько я не нервничаю! И почему я должен нервничать?

— Что было в сумке? — неожиданно спросил Павлик и тут же продолжил — деньги?

— Какие деньги? Откуда ты взял? Не было никаких денег!

Конечно, чтобы столь стремительно раскрыть тайну, требуется не только пронизательность Пуаро и талант бабушки Агаты, для этого требуется... сходить в магазин и получить от матери свеженькую банкноту в сто долларов. Беда почти всех родителей заключается в том, что они явно недооценивают своих чад, порой умышленно и преднамеренно занижая их интеллектуальные способности. Не нужно обладать глубоким умом, чтобы сопоставить бросающиеся в глаза признаки поведения обоих родителей. Заболел внешне здоровый отец, который день не выходящий из дома. Постоянные совещания при закрытой дверях — чего никогда не было прежде, появившаяся таинственным образом хрустящая банкнота, явно не последняя — Павлик видел, как протянула денежку мать. И, наконец, сумка — тоже чужая. Она и пахла всем чем угодно, но только не дедушкой или

бабушкой.

— Если сумка тяжелая, — сказал Павлик, — значит, в ней много денег.

— А кто говорил, что она тяжелая? — отбивался из последних сил Александр Николаевич, явно волнуясь.

— Не переживай, я умею держать язык за зубами, доллары настоящие, я их обменял в солидном заведении.

— Каком?

— Не в банке, естественно. У меня хватило ума, в противном случае, продавца можно отследить по номерам купюр.

— Каким номерам, кому отследить? — опешил Александр Николаевич.

— Тому, кто дал объявление в газете. Неужели вы с матерью полагаете, что они успокоятся? Объявление — это первая ласточка, сигнал, который означает — в покое они вас не оставят!

— И что нам теперь делать? — сдался Кузнецов.

— Ничего не делать! Жить, как жили, и срочно выходить на работу. Закрывать больничный и выходить.

Александр Николаевич вздохнул.

— Я его и не открывал, нет у меня больничного. Как мне его откроют, если я здоров, как конь?

Павлик присел напротив и покачал головой.

— Папаша, не мне вас учить, в самом деле? Ты что, никогда не был симулянтом? Не поверю.

Павлик! — Александр Николаевич явно был оскорблен, — как ты можешь подобное говорить? Твой отец в жизни никого не обманывал, твой отец порядочный и честный человек, все эти годы...

— Лирика, — перебил сын, — все, о чем ты сейчас говоришь — лирика. Не ставлю я под сомнение твои достоинства. И порядочный, и честный, однако все это в прошлом, понимаешь? В противном случае тебе необходимо вернуть и сумку, и деньги.

Вернуть деньги! Да где вы видели идиота, который бы распрощался со своим счастьем, не успев им насладиться в полной мере? А как же порядочный и честный — скользнула мысль. Конечно, порядочный! Он что, украл? Нет! Обманул? — еще раз нет! И зачем он попросил купить парня газету? Всегда покупал сам — насколько помнит себя, никогда не просил, а тут...

Зоя Константиновна, похоже, даже обрадовалась, когда узнала, что сын посвящен в тайну. И внешне она не проявила какого-либо беспокойства — предательский румянец, что поселился на лице, тотчас исчез. К большому удивлению Кузнецов не стал отчитывать женщину и предъявлять претензии, напротив, и он успокоился — во многом Павлик был прав. Глупо сидеть и предаваться фантазиям, когда в укромном месте лежит целая гора денег. Кстати об укромном месте. Спрятать в надежное место деньги оказалась задачей более чем проблематичной, так как надежного места в квартире не существовало. Именно к такой мысли пришел Александр Николаевич накануне. О тайниках и прочих скрытных для постороннего глаза схронах он не имел ни малейшего представления. Для начала он предложил стиральную машину и даже начал укладывать купюры, когда сообразил насколько это глупо — через круглое окошко вид был просто замечательным. Держать деньги в диване он категорически отказался по одной и веской причине — там хранилось

постельное белье. Кладовка и без того тесная, а освободить помещение, означало потратить минимум день, максимум два. Вспомнив какую-то книгу про шпионов, Кузнецов решил было оторвать подоконник, однако это у него не получилось. Поэтому он свалил все деньги в огромный полиэтиленовый мешок и вынес его на балкон, прикрыв сверху каким-то тазиком. Через пятнадцать минут тяжелого раздумья он затащил мешок обратно в квартиру, после чего принялся паковать деньги в коробку из-под магнитолы, которая оказалась недостаточно вместительной. Александр Николаевич не унывал — остатки денег он сложил в форме двух кирпичей, тщательно их перевязал и положил уже в коробки из-под обуви. Обувь, не долго думая, упрятал под шкаф и вновь погрузился в тяжелое раздумье — ума явно не хватало. Еще через пятнадцать минут Кузнецов освободил чемодан, переложив все вещи в комод, достал коробки с деньгами и заполнил ими вместительной пространство. После чего взял чемодан в руки и прошелся по квартире. Остановился у зеркала, внимательно на себя посмотрел и... не понравился. Чемодан, явно устарелый, вызывал если не подозрение, то обращал на себя внимание, а кому это нужно? Еще через пятнадцать минут раздумий Александр Николаевич нашел новое решение и упаковал деньги, которые прекрасно поместились, в... той самой темной сумке, которая когда-то на него упала. Усевшись в кресло, он немигающим взглядом уставился на нее, чувствуя определенное раздражение и усталость. На следующий день он поручил жене купить новую сумку, приблизительно такого же объема, но обязательно другого цвета. Зоя Константиновна задание выполнила, и в доме появился близнец — точно такая же сумка, правда, как и просил Александр Николаевич, несколько иного цвета. Спрятав деньги в шкафу, Кузнецов понял, что поставленной задачи он так и решил, возможно, потому, что прежде не читал детективов — именно в них можно было пополнить знания, порой так необходимые в обыденной жизни.

Следующий день Александр Николаевич начал с похода в библиотеку, откуда принес две толстые книги — Атлас народов мира и Большую медицинскую энциклопедию — издание исправленное и дополненное. Недолго думая, приступил к чтению второй. Читал едва ли не целый день с небольшими паузами. За этим занятием его и застала Зоя Константиновна — Кузнецов сидел за столом и делал какие-то выписки.

— Саша, — супруга с интересом глянула в открытую книгу, — это что?

Саша поднял голову и ответил: метеоризм — вздутие живота вследствие избыточного скопления газов в кишечнике. Может возникнуть у вполне здорового человека после чрезмерного употребления некоторых продуктов — натурального молока, картофеля, капусты, пива, черного хлеба. При появлении метеоризма следует обратиться к врачу. Особое внимание следует обращать лицам, страдающим стенокардией, так как растяжение кишечника газами может провоцировать спазм венечных сосудов сердца.

— У тебя болит живот?

— При чем здесь живот! — воскликнул Александр Николаевич — мне срочно нужен диагноз. Я болею уже третий день, а чем — не знаю! Мне нужен больничный, а стало быть, какое-нибудь заболевание.

Зоя Константиновна тут же все прекрасно поняла и присела рядом.

— Не вижу никакой проблемы. Нужно позвонить Мошниковой.

— Тамаре?

— Ну конечно! Все объяснить, и она выпишет тебе направление на процедуры.

— Подожди, Тамара — окулист.

— Какая разница! Тебе нужен больничный?

— Но у меня прекрасное зрение и никаких жалоб. Нет, я так не могу, обманывать порядочную женщину, а если нам и в самом деле когда-нибудь потребуется ее помощь? Ты об этом подумала? Давай поищем что-нибудь другое, мне и в самом деле, право, неудобно.

— Кроме Тамары, есть Эдуард Ильич, но он гинеколог.

— Гинеколог не пойдет.

— Не пойдет, — согласилась Зоя Константиновна и принялась интенсивно думать — перебирать в памяти знакомых врачей. — Может, обыкновенный грипп?

— Какой грипп в сентябре?

— Простуда?

Александр Николаевич махнул рукой.

— Газеты читай. Грипп обещают только в ноябре.

— Отравление грибами. На рынке видела — уже продают.

— Стационар! Положат в больницу на месяц! Самый доступный и подходящий на сегодня для меня вариант — радикулит. Наш отечественный — никаких вопросов и подозрений. Мается каждый третий, а после сорока — каждый второй, нужно только определиться, в каком месте болит.

— Спина.

— Понятно, что спина, но спина-то большая. Вот глянь, я тут выписал, — и после небольшой заминки Александр Николаевич прочитал.

— Наиболее распространенное заболевание периферической нервной системы. Самая частая причина — заболевание позвоночника, при котором межпозвоночные диски утрачивают эластичность и становятся непрочными... так это неинтересно, вот... обычно радикулит развивается остро,... и далее по тексту... лечение проводит врач.

Кузнецов вскинул голову.

— Что и требовалось доказать. Я выбрал наиболее распространенную форму — пояснично-крестцовый радикулит, при котором боли имеют разнообразный характер и локализуются в пояснично-крестцовой области и по ходу седалищного нерва. Запомнить легко — объяснил Александр Николаевич.

На этом и порешили, однако каким было удивление обоих, когда на следующий день Кузнецов не смог самостоятельно встать с постели! И знаете, где болело? В пояснично-крестцовой области!!!

«Елки-палки» и чем они вызваны. Каким бывает дежавю. День милиции и праздничный концерт

Могут ли волноваться покойники. Очередной миф человечества. Спать или не спать — вот в чем вопрос.

У Виталия Борисовича напротив никогда ничего не болело. Доходило до смешного — за всю свою жизнь товарищ Шумный не видел ни одного живого врача! В поликлинике, где раз в год он проходил диспансеризацию — обязательное обследование — персонал воспринимал, как людей в белых халатах, что-то вроде формы, положенной в силу своей профессиональной принадлежности. Обходил кабинет за кабинетом, повторяя одно и то же: жалоб нет, чувствую себя хорошо. А он и в правду чувствовал себя великолепно. Единственное, что иногда его беспокоило — обыкновенная хандра, которую он объяснял усталостью. Работал Виталий Борисович много, порой даже слишком — по двенадцать часов, и когда был простым водителем, и когда его зачислили в органы. Работа для Шумного означала жизнь — куда-то идти, с кем-то встречаться, сидеть на планерках, затем вновь куда-то бежать и вновь с кем-то встречаться. Иногда ловить нехороших людей, но чаще становиться вынужденным свидетелем малых и больших бед, что обрушиваются на человечество. Если учитывать количество этих несчастий, в пору задастся вопросом, а что же происходит с миром? И куда этот мир катится? Любая трагедия или горе оставляет свой след — видимый или невидимый не только в душе несчастного. Возможно, по этой причине Виталий Борисович мобилизовал свои силы, чтобы оградить уже себя от возможных последствий — уже нравственных, и вероятно, преуспел. Сказать, чтобы он стал более равнодушным или черствым — означает, поступить в отношении младшего оперуполномоченного заведомо несправедливо. Привыкнуть даже к чужому горю невозможно, однако только в том случае, если ты все еще чувствуешь. Виталий Борисович чувствовал, не так остро, как в первые месяцы своей службы, когда по вечерам вспоминал драматические события. Одно дело, прочитать в газете и тут же забыть, другое — распутывать паутину чужих судеб и нести за это ответственность. Да, да! Нести ответственность и отвечать за действия и поступки совершенно незнакомых людей, которые зачастую уже давно перестали быть людьми. Как бы не ругали милицию сегодняшних дней, и какие бы мерзавцы не нашли себе в ней приют, именно она оставалась последним рубежом, куда обращались и куда будут обращаться за помощью. Виталий Борисович был далек от философии, однако и он прекрасно понимал, происходящие в обществе перемены коснутся каждого. От них невозможно спрятаться, убежать или уехать. Они достанут тебя везде и если не сегодня, так завтра. Еще он понимал, что сегодняшний день — безжалостный суд над каждым, где, если и можно апеллировать, так только к своей совести, где судьбу и обвиняемого можно поменять скамьями, где решение принимается задолго до начала процесса, а сам процесс — не более чем спектакль уровня художественной самодеятельности. И, тем не менее, он продолжал трудиться, оставаясь там, где и полагается быть простому и маленькому шурупчику в большой и неуклюжей шестеренке. Иногда, что случалось крайне редко, он вдруг представлял свое ведомство как чистилище, где идет

предварительный сбор материалов на всех, кто вскоре обязан предстать перед членами Высшего суда. Только вместо чертей с вилами по этажам здесь бегали обыкновенные люди с папками, в которых содержались секретные сведения о темной стороне бытия. Как и черти, люди были разные как по росту, так и внешне, правда, с одной и той же особенностью — почти никто не улыбался. А если и улыбались, то крайне редко — два раза в месяц в день зарплаты. Лично себя Виталий Борисович никоим образом от коллектива никогда не отделял и тоже представлял в виде чумазового, но только без хвоста.

Почти любая работа — всегда подчинение: руководству, обязанностям, ведомственной этике, общественным интересам и насилье уже над своей личностью, с ее интересами, этикой и мировоззрением. Идеального баланса, который бы устраивал обе стороны, не существует. Часто именно здесь рождается движущая сила или источник перемен и вечного движения. Хотя, как утверждал Алексей Митрофанович — это полнейший вздор и выдумка далеких от науки дилетантов. Как жизнь в своем развитии происходит от простого к сложному, так же и общественные отношения в своей основе имеют некую базовую формулу. Вывести ее — не только дать ответ, но определить развитие общества в целом на долгие годы вперед. Вы только представьте масштаб поставленной задачи? Управлять обществом! Кто только об этом не мечтал! Сколько светлых умов посвятили свою жизнь решению данного вопроса! А сколько еще более светлых умов отдали свою жизнь? И все напрасно — как была людская река неуправляемым потоком, так она и осталась. Как из недр потухшего вулкана вырывается на поверхность сметающая все на своем пути огненная лава, так и человечество сметает режимы и правительства, опровергая в сотый раз многочисленные учения. Что это? Ошибка в прогнозах или досадное исключение?

Алексей Митрофанович — математик, настолько далекий от проблем общественных отношений, что он и в общество выходит только по крайней нужде — купить продуктов, обыкновенный и простенький набор, позволяющий поддерживать биологические процессы в организме, точнее в коре головных полушарий, где и происходит большая внутренняя работа. Все остальные органы Горелика не интересуют, а если интересуется, то опосредованно, как вспомогательные — отсюда и его полнейшее пренебрежение к своему внешнему виду. Когда о людях говорят: странный, более подходящее слово, наверно, было бы все же — другой, не такой как прочие. Вполне достаточно и справедливо.

Про картошку, которую Алексей Митрофанович чистил в середине ночи, он вспомнил в два часа дня, но спустя трое суток. Вспомнил и выругался, хотя ругаться не умел.

— Елки-палки! — именно так выругался Горелик и отправился на кухню, по дороге размышляя о том, что в себе несет данное ругательство, и каким образом оно могло появиться на свет. Вероятно, сначала была елка, — думал Алексей Митрофанович, — затем из елки сделали палку. Получилась елка-палка, а это, согласитесь, звучит иначе. Значит, все же палок было больше, на данный факт указывается множественное число...

Дальнейшее исследование прервалось неожиданно — взгляд уткнулся в картошку, и было произнесено еще одно ругательство. Картошка почернела и к употреблению явно не годилась. Однако визуальный осмотр — еще не повод для беспокойства, и как подсказывала практика, требовалось еще одно доказательство. С этой целью Алексей Митрофанович сунул нос в кастрюлю и тут окончательно понял, что никакой дискуссии быть не может, как, впрочем, и обеда. Картошка испортилась!

В животе заурчало — то ли от негодования, то ли как знак согласия от выдвинутой идеи.

Вероятно, каждый знает, что у него находится в холодильнике, Горелик не знал, поэтому открыл дверцу и ничего там не увидел. Холодильник был пуст, хотя и работал — подрагивал корпусом и недовольно гудел.

— Безобразие! — воскликнул Алексей Митрофанович и отправился в прихожую.

Сначала появилась голова — средних размеров, обросшая непокорными, слегка вьющимися волосами. Затем сверкнула лысина — крохотное блюдечко, и только потом глаза, которые посмотрели направо, моргнули пару раз, о чем-то подумали и вновь моргнули. Дверь отползла в сторону и уже собралась вернуться в исходное положение, когда на ее пути возникла нога, вернее, стоптанный башмак. Дверь уткнулась в башмак, он сморщился, а через секунду-другую сморщилось и лицо.

Тихо.

На лестничной площадке было и впрямь тихо. Ни души.

Для полного де жавю не хватало малого — трупа на лестничной площадке. Именно об этом подумал математик, спускаясь по лестнице. Какова вероятность, что он сейчас наткнется на бездыханное тело? Один процент или два? Согласно теории вероятности...

Труп лежал именно там, где и рассчитывал его увидеть Алексей Митрофанович — на площадке первого этажа.

— Этого не может быть! — тихо произнес Горелик и остановился.

Труп лежал лицом вниз, и, по всей видимости, принадлежал мужчине. Только у мужчины могут быть волосатые ноги и башмаки сорок четвертого размера. Кроме башмаков на трупе был серый плащ, а под трупом темное пятно неизвестного происхождения.

Кровь — решил Алексей Митрофанович и задумался. По идее следовало срочно сообщить в милицию, для чего нужно было подняться на шестой этаж, открыть дверь и позвонить по известному номеру. Вкратце доложить о мертвце и, конечно, представиться. А потом ждать, когда подъедет наряд. Затем начнется осмотр места происшествия, опрос свидетелей...

Горелик вздохнул. Часа три пройдет, а может, и больше, что означало, никакого ужина сегодня не будет. Алексей Митрофанович сердито глянул на покойника и решительно через него перешагнул. Покойнику теперь спешить некуда, — успокаивал он себя, направляясь привычным маршрутом в магазин. Пять минут, десять — ничего уже не произойдет, подождет. И почему труп обнаружил именно он! Кстати, не в первый раз — наваждение какое-то! Стоит только отправиться за покупками, как непременно наткнешься на труп! Безобразие!

В переходе на баяне играл мужчина, которого Алексей Митрофанович не заметил — прошагал мимо, словно его и вовсе не существовало. В магазине толкался народ, и все что-то покупали. Горелик взял макарон, четвертушку черного хлеба и банку селедки. Однако перед кассой вернулся и взял вторую банку селедки. Внимательно пересчитал деньги и взял пучок зеленого лука. Придирчиво его осмотрел, после чего подошел к контрольным весам и проверил. Не хватало десяти граммов. Вернулся обратно взял другой пучок и вновь проверил. Вместо привычной сумки вытащил из кармана пакет, ловко его встряхнул и переложил покупки внутрь. Вышел на улицу и спросил у прохожего, который сейчас час. Не доходя до дома, Алексей Митрофанович потоптался пару минут у подъезда, огляделся по сторонам и с явной неохотой шагнул внутрь.

Трупа не было, хотя пятно непонятого происхождения осталось. Только выглядело оно несколько иначе, бледней что ли?

— Ну, вот, — сказал Горелик, — все и образовалось. И в магазин сходил, и труп убрали. Сейчас мы будем готовить ужин.

Готовил ужин и Виталий Борисович, и тоже самостоятельно. Общепит он не терпел с молодости, а причиной столь критического отношения к разного рода столовым и кафе был довольно удивительный факт, который также проливал свет на его характер. Виталий Борисович чувствовал себя в подобных заведениях явно не в своей тарелке. Объяснить, почему испытывал неудобство, находясь в вынужденной компании незнакомых людей, толком не мог. Кусок — тот точно не лез в горло и единственное желание во время подобной трапезы — быстрее закончить и выскочить прочь. Другое дело дома, где все привычно, где появлялся аппетит всякий раз, как только он брал в руки нож и приступал к приготовлению нехитрого ужина. Возникало странное чувство — какое именно — загадка. То ли перспектива обыкновенного плотского удовольствия, то ли сам процесс приготовления, а может, и то и другое вместе. В такие моменты Виталий Борисович иногда философствовал — предавался совсем несвойственным ему размышлениям.

До чего немощен и ограничен человек, — мысленно произносил товарищ Шумный, глядя на закипающую в кастрюле воду. — Все его существо, помыслы и высокопарные слова разбиваются, как разбивается о камень волна. Стоит лишь пройти каким-то трем или четырьмя часам, и человек превращается в обыкновенное животное, где главная мысль — набить свою утробу. А что произойдет, если пройдет десять или двадцать четыре часа? Животное превратится в зверя. Удивительно!

В кипяток плюхалась сосиска, за ней вторая, и Виталий Борисович продолжал рассуждать дальше.

Каким бы совершенным не казался себе человек, конструкция его явно далека от совершенства. Что это? Ошибка создателя или намеренно заложенная составляющая уже иной эволюции? Крайне любопытно. Вопросов рождалось множество, и не все они выглядели наивными. Встречались такие, ответить на которые решился бы не всякий умудренный богослов или исследователь теологии.

Сосиски меняли цвет, раздувались и нехотя всплывали.

Почему никто не возражает, не протестует и не выходит на митинг с требованием запретить продажу сосисок? Ведь наши магазины буквально завалены трупами животных! А в чем тогда разница — съесть кусок мяса, сидя за праздничным столом и беседуя о поразительно возвышенной теме любви, либо разрывая перемазанную и дымящуюся теплой кровью тушу с выпученными и еще живыми глазами?

Сосиски начинали кувыряться и подпрыгивать, подсказывая, что разделяют позицию Виталия Борисовича. На столе появлялась горчица, свежий с румяной корочкой хлеб, иногда бутылка пива — спиртного товарищ Шумный не любил. Почему? Ответ был на удивление прост — Виталий Борисович не выносил компании, хотя и ужинал в полном одиночестве. Небольшой опыт прошлого подсказывал: стоит пропустить пару рюмочек, как к нему непременно пожалует собеседник, который засыплет его массой вопросов. Этот незваный посетитель был крайне навязчив, невоспитан и не отличался приятными манерами. Ему постоянно всего не хватало — сосисок, картошки и, конечно, спиртного. Спорить с ним и тем более воспитывать бесполезно — пустая трата времени и сил. Поэтому только бутылка пива, и только одна — которого нахал не любил или брезговал.

Удивительно, — произносил Виталий Борисович, чувствуя тепло и полное отсутствие негодяя. — В чем разница? Одна и та же энергия, что в твоём животе, что в баке

автомобиля! Никакой оговорки! Память сохранила неподдающиеся пересказу мгновения, когда еще простой водитель Шумный заправлял машину. Поворот ключа, и он чувствовал, как удовлетворенно и, главное, сыто урчит движок машины. Металлическая бестия испытывала удовольствие, когда в ее нутро заливали вонючее пойло. Виталий Борисович был готов присягнуть — звук двигателя менялся! И в этом звуке он слышал ни что иное, как великое удовлетворение! Возможно, он и поделился бы с кем-либо своими наблюдениями, однако опасение, что его неправильно поймут, сдерживало, хотя желание сказать терзало долго и постоянно.

Еще один день, — говорил Виталий Борисович и ложился на кушетку, — как ты его прожил? Вопрос адресовался, как вы понимаете, самому себе, однако лишь с той разницей, что обращался товарищ Шумный к своему мундиру, висящем на кресле. Мундир молчал — такова участь любого мундира. — И я устал, — продолжал беседу младший уполномоченный. — Ты пока отдохни, повиси, сил наберись, я завтра в гражданке пойду, поэтому у тебя вроде как выходной...

Виталий Борисович был в мундире, и медалей оказалось неожиданно много, даже какой-то орден. Вот только за что? Вокруг какие-то люди, и почти все в мундирах. Вероятно, коллеги, но знакомых — никого. Ходят туда-сюда, о чем-то беседуют и явно чего-то ждут. Виталий Борисович тоже ждет, а чего именно — не знает. Здравствуйте, говорят ему. Здравствуйте, отвечает он, хотя не может вспомнить, кто с ним только что поздоровался. Вновь — здравствуйте! И вновь Виталий Борисович кивает в ответ. И вдруг все заволновались — он это почувствовал и сам разволновался — немного вспотел, а платка, чтобы удалить испарину, нет. Ладонкой вытер липкий пот. Почему пот часто липкий? — От волнения, вероятно. Интересно, другие тоже вспотели? Ага! Куда-то двинулись! Виталий Борисович тоже двинулся, хотел было ускорить шаг, чтобы не отстать, а потом глядит — никто не торопится или по крайней мере делает вид. И он делает вид, что не торопится и с кем-то начинает вести беседу — говорит всякий вздор и полную чепуху. И собеседник его тоже несет вздор — получается беседа. Идут — плывут в людском потоке и журчат: кто негромким голосом, кто орденами — орденов много и они тоже ведут беседу с другими орденами. Затем поток, как ручейки, множится — иные направо, иные налево. Виталия Борисовича отнесло налево — он не возражал, места должно хватить всем. Свое место он уже давно наметил и теперь к нему пробирается. Извините, — говорит Виталий Борисович и улыбается. — Ничего, ничего, — отвечают ему и тоже улыбаются. Приятно иметь дело с культурными людьми. Еще немного — каких-то метров пять. Виталий Борисович чувствует неловкость — перед ним генерал, а вот еще один. Уже два генерала, оба сидят в креслах. Пройти нужно боком, идти крайне сложно — ноги для хождения боком не предназначены — только вперед, в крайнем случае, назад. Но вперед или назад невозможно — только в сторону. А еще обязательно передом, задом — никак нельзя, и потому что два генерала и вообще нельзя — дурной тон. Потому как тот, кто сидит в кресле, может ненароком ткнуться лицом тебе в зад, а это и вовсе ни к чему. Тыкаться в постороннего человека и другим местом непозволительно, а тут задом! Наконец сел и перевел дыхания, и все другие тоже перевели дыхание — добрались. И вновь загудели, как мухи по весне. Минуту гудят, другую — ждут и, конечно, смотрят вперед себя. Виталий Борисович всегда считал себя неотъемлемой частью коллектива, поэтому и он обратил свой взгляд в уже указанном направлении, то есть вперед. И тут выходит на сцену ведущий — когда людей много, а в зале, где собрался народ, было полным полно людей, обязательно должен быть ведущий. Вот

он и вышел. И все захлопали — просто так или устали ждать. А ведущему, вероятно, этого мало — стоит, смотрит в зал и молчит — пустил паузу. Притихли.

Так это концерт, — сообразил Виталий Борисович, — и я, получается, в числе приглашенных. Скорей всего, день милиции или другой юбилей — народный праздник. И тут же успокоился — вытянул ноги и прислонился спиной к креслу. Однако поспешил — зал дружно поднялся — встали все как один, поэтому и товарищ Шумный вскочил. Через пять минут также дружно сели — все-таки дисциплина чувствуется. Виталий Борисович вновь вытянул ноги и вновь прислонился к спинке кресла — сидеть предстояло долго, может, часа полтора, а может, и все два. Кто не знает, сообщим — сидеть в одной позе также сложно, как и стоять. Еще один парадокс — когда долго сидишь, возникает желание встать, а когда стоишь — сесть.

Клавдия Степановна вышла на сцену в небесно-голубом платье. Даже не вышла, а выплыла, как лодочка. И узнать в Клавдии Степановне Клавдию Степановну было невозможно и, если бы не прирожденная интуиция, товарищ Шумный точно бы обознался.

Не может быть! — сказал он себе, и вдруг вспомнил, что покойная обещала ему спеть.

— Я ее знаю, — не удержался Виталий Борисович и шепнул соседу, — в лестничный пролет упала на днях.

— Не мешайте, — таким же шепотом ответил сосед.

Голос у Клавдии Степановны понравился, чего не скажешь о репертуаре. Публика в зале собралась серьезная, одних генералов набралось человек сорок, это простых, тех, кто генерал-майор, а чинов с двумя и более звездами на погонах... хотя их Виталий Борисович не видел — сидели они все в первых рядах.

Мотив у песенки был неплохой — задорный и даже шаловливый, но вот текст... как можно говорить о любви, сравнивая прекрасное и возвышенное чувство с какой-то легкомысленной птахой? А потом к чему строить глазки? Клавдия Степановна, похоже, только этим и занималась — вводила в краску руководство, бросая призывные взгляды в первые ряды. Для другой публики в качестве компенсации она поднимала подол своего великолепного платья — порой приближаясь к критической отметке. Один раз совершенно непонятным образом Клавдия Степановна глянула на Виталия Борисовича и подмигнула!

— Вы видели! — не удержался он и вновь дернул соседа. — Она мне подмигнула!

— Нет! — возразил сосед, — не вам подмигнули, а мне! Я не слепой.

— Позвольте с вами не согласиться, я же вам говорил — это моя знакомая и подмигнула она мне, а не вам! Кто же будет подмигивать незнакомым мужчинам?

— Вы женщин не знаете, — возразили ему шепотом.

— Я? Да, не знаю, что из этого? Но Клавдию Степановну я неплохо знаю, то есть знал, — привел свои довольно путаные доводы Виталий Борисович.

— Какая Клавдия Степановна! Вы что! Это Алла Борисовна!

— Как Алла Борисовна! — опешил товарищ Шумный, — я что, не знаю Аллу Борисовну?

Глянул на сцену, а там и нет никого — убежала за кулисы.

Народ хлопал, сдержанно, можно было и погромче, однако субординация, куда от нее денешься?

— Понравилось?

Клавдия Степановна сняла парик и принялась удалять с лица косметику.

Виталий Борисович вздрогнул и едва не выронил огромных размеров букет — сидели

они уже вдвоем в небольшой комнатухе, чем-то напоминающей салон парикмахерской — те же многочисленные зеркала, которые множили как Виталия Борисовича, так и женщину напротив.

— Вы там были, правда?

— Для вас — да, — ответила Клавдия Степановна и как-то смущенно отвела взгляд в сторону.

— То есть, как это для меня? Вы для меня пели?

— И для вас тоже, хотя лучше всего получается, когда поешь для себя.

— Почему?

— Никто не мешает. Цветы? Простите — устала. А когда поешь для себя — не устаешь, понимаете?

— Понимаю, — растерялся Виталий Борисович, вспоминая, откуда у него взялись цветы. Великолепный букет, который он явно не мог себе позволить, выглядел как-то странно и главное — неуместно.

— Вы в мундире, — тихо произнесла Клавдия Степановна, — и все они были в форме. Море формы, вы даже не представляете, как мне было трудно.

— Трудно? — эхом отозвался товарищ Шумный.

— Говорю же: все в форме, все на одно лицо... волновалась.

— Я тоже волновался, — признался Виталий Борисович, — особенно когда ждал в холле. Стою, жду и волнуюсь. И даже немного от волнения вспотел, едва-едва, самую малость, а носового платка нет. Я никогда не ношу с собой носового платка и не потому, что его у меня нет. Платок как раз есть и даже не один, только он мне не нужен. Никогда не был нужен, а сегодня вдруг потребовался, а его — платка нет. Еще больше разволновался — глупая ситуация. А глупая от того, что не знаю, как поступить, поэтому и волнуюсь. Хотя разве это повод?

— Волнения без повода не бывает, — возразила Клавдия Степановна.

— Вы так считаете?

— Из личного опыта... мне понравилось.

— И мне понравилось, — Виталий Борисович продолжал сжимать в руках цветы.

— Мне понравилось волнение, а вам?

Какое волнение? — пронеслась мысль. — Как может понравиться волнение? Ерунда какая-то! А затем другая, более здравая мысль — она же мертвая! Клавдия Степановна уже давно мертвая! Какое тут волнение?

— Поэтому и понравилось. Сначала платью понравилось — у меня никогда не было столь замечательного платья, затем понравился зал — большой и темный. Когда стоишь на сцене и в зале темно, он кажется огромным и каким-то таинственным. Ты смотришь в зал и ничего не видишь, а он тебя видит.

— Вы меня видели? — не удержался от вопроса Виталий Борисович.

— Вас я почувствовала — пела и пыталась угадать: где вы? А в зале темно, и все они в форме.

— Я тоже в форме. Без формы никак нельзя, даже приказ издают, где указано, какую форму полагается надеть. А как нарушить приказ?

— Я нарушила, — произнесла Клавдия Степановна и вновь тихим и почти безжизненным голосом, — поэтому боюсь, у меня не получится...

Что не получится?

Однако Виталий Борисович вновь оказался в зале и... в полной тишине.

Тишина была кругом — слева, справа и даже в нем была тишина. Он сам превратился в тишину — величественную и таинственную. А еще глубокую — никакой ошибки в том, что тишина была глубокой. И вдруг Виталий Борисович ощутил, как начинает терять чувство своего присутствия. Более точно выразить и передать, что именно он ощутил — невозможно. Он словно пропал — растворился в окружающем пространстве, стал частичкой огромного и величественного небытия. Это сон, — угасающим огоньком пронеслась мысль, вероятно, последнее, что он услышал...

* * *

Человечек был крохотным, размером с навозную муху, и как долго он ни шагал, приблизиться не мог. Да и понять, что он шагает, было крайне сложно — слишком крохотные ножки не позволяли определить, идет он или стоит на месте. Однако мужичок все же двигался — махал по сторонам такими же крохотными руками. Затем появилась котомка, вероятно, была у мужичка за плечами. Из котомки — дубинка, которой он и принялся дубасить, что-то при этом приговаривая.

— Дзынь! — сказал странный мужичок и вытер рукой лоб.

— Дзынь, — повторил Виталий Борисович и ничего не понял.

Мужичок взмахнул дубинкой и сказал: дзынь-дзынь-дзынь.

— Дзынь-дзынь-дзынь, — повторил Виталий Борисович и вновь ничего не понял.

— Телефон, бестолочь, — сердито объяснил мужичок, убрал в котомку дубинку и отправился в обратный путь, смешно махая руками.

Точно! Это же телефон!

Виталий Борисович открыл глаза и понял, что проснулся. А еще он понял, что в комнате звонит телефон. Огляделся, словно рассчитывал увидеть странного мужичка с котомкой — не увидел.

— Слушаю, — произнес товарищ Шумный, все еще находясь во власти туманных видений.

— Куда вы запропастились? — раздался сердитый, хотя и знакомый голос.

Алексей Митрофанович!

— Крепко вы, однако, спите. Хотел было трубку вешать, но потом решил, что если вы слышали звонок, все равно подойдете к телефону.

Виталий Борисович неожиданно широко открыл глаза.

— Вы сейчас в чем?

— Как это в чем? В рубахе.

— Рубаха в клеточку?

— Да, в клеточку, — согласился Алексей Митрофанович.

— А сама рубаха красная.

Горелик хихикнул.

— Когда-то была красной.

— А котомка? У вас котомка есть? — продолжил допрос Виталий Борисович, — что-то вроде рюкзака.

— Когда-то был, я его выбросил — поистаскался. Я прежде увлекался походами. Куплю

билет на электричку, рюкзак на плечо и в лес.

— А дубинка? — не удержался, чтобы не задать последний интересующий его в данный момент вопрос товарищ Шумный.

— Может, тросточка?

— Нет, дубинка.

— Дубинки у меня никогда не было, а тросточка была... вы это к чему, позвольте поинтересоваться?

— Мне показалось, что вы мне только что приснились. Каких-то пару минут назад, как раз перед вашим звонком.

— Да вы что! Уверенны?

— Определенно сказать не могу — слишком маленького роста. И еще какой-то сердитый.

— Забавно! И что я у вас делал во сне, надеюсь, не безобразничал?

— Вы меня пытались разбудить.

Алексей Митрофанович вновь прыснул от смеха.

— Фантазии. Случайное совпадение и ничего более, как дела у Клавдии Степановны?

— На концерте был, посвященному дню милиции. Полный сбор, личный состав — ни одна сотня, руководство...

— Концерт был у нас или в Москве?

Виталий Борисович похолодел — похоже, все-таки в Москве!

— Не уверен, не могу сказать. Сначала сидел в зале, а потом в примерной — хотел ей цветы подарить.

— Клавдии Степановне?

— Она ужасно волновалась, а пела хорошо, оперетту какую-то.

— Вы ее спросили?

— О чем?

— Как о чем? — Что с ней произошло. Виталий Борисович, вы уже в который раз упускаете шанс задать самый главный вопрос — что именно с ней произошло.

— Не получается! Все там как-то по-иному, и сам я себе не принадлежу. Являюсь, бог знает, откуда и, черт знает, куда пропадаю. Помню, что надо спросить, а как до дела доходит, забываю!

— А Клавдия Степановна? — подсказал математик, — что она?

— Ничего! Или песни поют, или в танце кружиться. Я же вам рассказывал.

— Рассказывали, — согласился Горелик, — и все же многое непонятно.

— На сей раз волновалась она сильно, переживала — я толком не понял, а спросить не успел.

— А как же она переживала? Плакала, что ли?

— Не плакала, покойники плакать не умеют, а Клавдия Степановна, если забыли, покойник!

— Вот что, — Алексей Митрофанович ненадолго замолчал, — я так думаю, желает она вам о чем-то сообщить, а как сообщить — не знает. Сами сказали, у них все шиворот навыворот. Как иностранный язык — речь слышишь, а понять не можешь.

— А что же нам делать?

— Думать. Только думать, Виталий Борисович, придется вам. Ко мне Клавдия Степановна не приходит, по какой причине не ведаю. А причин может быть великое

множество, столько, что и представить страшно! Весь наш мир, бытие тягостное, ни что иное, как миллион причин, а может, и два. А что говорить про мир иной — неисследованный?

— А как же я думать буду? — уточнил товарищ Шумный, — днем мне некогда, служба ответственная, дела срочные, а вечером — хозяйство. В магазин сходить, ужин приготовить, белье постирать. Ночью что ли думать?

— Думайте ночью, — согласился Горелик. — Ночью, кстати говоря, думается значительно лучше — меньше отвлекающих факторов. А еще я дам вам совет: выключите свет и думайте. Но только думайте в одну сторону.

— Это еще как?

— Направление для себя определите, мысленно выберите вектор движения и тотчас отправляйтесь. Что бы не произошло в пути, всегда помните свой вектор, а еще лучше для гарантии пометки оставляйте. В лесу-то бывали? Приходилось? Вот и здесь используйте весь свой опыт, и чтобы не бродить по кругу, оставляйте метки.

— Да как я их оставляю?! — воскликнул Виталий Борисович, — нет там ни деревьев, ни кустов, ни тропинок — ничего нет!

— Мысленно, — подсказал Алексей Митрофанович, — по своему личному опыту скажу. Мысль наша, как тропинка в лесу, понимаете? Разницы никакой, хотя внешне, конечно, а по существу тот же маршрут. Вот вы и припоминайте, где прежде остановились. Есть такой методический прием, полезный и необременительный, называется ассоциативное мышление. Сказали вам «корова», вы о молоке подумали. А если прежде думали и вовсе не о молоке, а о траве, все однако вспомните. Главное не забыть о корове. Пример, к сожалению, не самый удачный, но наглядный и запомнить легко. Так себе и скажите «корова». Забыли? Вновь произнесите «корова» и так до тех пор, пока не вспомните. Вот вам и метка в лесу!

— Устал я, — признался Виталий Борисович, — уже третью ночь не сплю.

— Ничего страшного, — успокоил его математик, — я не сплю уже лет десять.

— Десять лет!!!

— Если не больше — не считал. И привык, днем глаза закроешь, скажешь: все в порядке, а если не в порядке, вновь закроешь и вновь скажешь. Я вам, Виталий Борисович, открою секрет. Сон — это миф. Человек во сне не отдыхает, он трудится во сто крат больше, чем днем. Только он об этом не знает!

— Я вас не понимаю, — растерялся товарищ Шумный, — как он может трудиться, если он спит?

— Глупость. Очередной миф. Сколько отводится каждому в этом мире? Тратить драгоценное время на то, чтобы валяться в кровати! Пускать пузыри, храпеть и портить воздух? Именно этим и занята большая часть населения планеты! Они, видите ли, отдыхают! Идиоты!

— Я вас не понимаю, — повторил Виталий Борисович.

— И не надо, меня уже давно никто не понимает. Когда я говорю, трудится, значит, он трудится. К чему мне вас обманывать?

— Кто он?

— Организм! Каждую ночь организм приводит себя в порядок, устраняет последствия безответственного к нему отношения днем. Трудятся все — почки, печень, селезенка, про сердце разговор особый. А если работают они — его верноподданные труженики, — как

может позволить себе отдыхать их господин? Кто отдает распоряжения и посылает гонцов, принимает посыльных и принимает мгновенные решения? И это только черновая работа, видимая часть огромного айсберга, погруженного своим брюхом в пучину человеческой мысли! Сейчас вы понимаете, о чем идет речь? Да они отдыхают — ленивые и эгоистичные существа, взвалив работу на беднягу, как жадный торговец поклажу на бедного осла! Ишак может заупрямиться и встать, разум умней, он не остановится ни на секунду, но выводы для себя сделает верные. Сон нужен ребенку, беременной женщине ради ребенка, но для здорового человека он и вовсе не является потребностью. Чтобы отдохнуть — перезарядить аккумуляторы, достаточно всего лишь несколько часов. Несколько! Но не вся ночь напролет. Говорите: устали, не спали трое суток? Прекрасно!

Алексей Митрофанович как-то неожиданно угас — словно из него, как из баллона, вышел воздух.

— Вспомнил, — сказал он, — я же вам звоню совершенно по иному поводу.

— Правда? — с некоторой иронией в голосе поинтересовался Виталий Борисович, явно уставший от пламенного монолога математика.

— Отвлекся. Со мной подобное случается довольно часто. У меня в повозке семеро рысаков и каждый, мерзавец, тянет в свою сторону.

— О чем вспомнили? — решил напомнить Виталий Борисович.

— Решил уточнить на всякий случай имя погибшего.

— Какого еще погибшего?

— Того, что сегодня убили в нашем подъезде.

— Вы ничего не путаете? Насколько я знаком со сводкой происшествий, никакого убийства в вашем подъезде не было. Сегодня вообще день прошел тихо.

— Странно, — еще более странно произнес Алексей Митрофанович, — либо я что-то перепутал, либо покойник ушел самостоятельно.

— Какой покойник? Вы о чем?

— Это я у вас хотел узнать — какой! Обыкновенный! В сером плаще, у него волосатые ноги и башмаки сорок четвертого размера. Большого, к сожалению, сообщить не могу.

И Алексей Митрофанович повесил трубку.

Для чего нужен дом. Почему бог любит троицу и как можно любить свою жену — заметки наблюдателя

Капля влаги появлялась неожиданно — еще мгновение назад ее не было. И вдруг она появляется, медленно заскользит, останавливается, затем отрывается от кончика носа и отправляется в свободное падение. Интервалы небольшие — минута или две. Как падает с носа влага, Александр Николаевич не видел и не чувствовал, он был занят тем, что пытался найти менее болезненное положение и сползти с кровати. Не слезть, а именно сползти. И хотя ему это удалось, дойти самостоятельно до туалета не представлялось возможным.

— Зоя! — прохрипел он и понял: его не слышат.

Набрав в легкие большее количество кислорода, а вместе с ним и энергии, повторил попытку.

— Зоя!

Встревоженная Зоя Константиновна появилась тотчас — вынырнула, как джин из бутылки.

— Сейчас, дорогой, сейчас. Не волнуйся...

Надела один тапок, затем другой и, обхватив Кузнецова, заботливо потащила в ванную.

Кому из двоих было тяжелей — вопрос спорный. Зоя Константиновна не обладала фигуркой, на которую обычно обращают внимание мужчины — никаких рельефных линий, волнующих возвышенностей и таких же захватывающих дух спусков. Обыкновенная женская фигура, утратившая девичий шарм, но не толстая. Скорее упитанная, подсказывающая, что в ней можно обнаружить и пирожки с ватрушками, и конфеты с шоколадом. Однако еще раз скажем: не толстая и совсем небольшая — где-то метр шестьдесят или около того. Александр Николаевич ростом также похвастать не мог, как впрочем, и мускулатурой. Не нужна эта самая мускулатура людям серьезным и тем более в возрасте. Ни к чему она, поэтому бицепсов и трицепсов у Кузнецова не было. Но был, как и полагается, живот. Представительный и немного холеный — некая гордость своего хозяина. Вероятно, большая часть веса Александра Николаевича как раз и приходилась на живот. Поэтому Кузнецов и перемещал в пространстве именно живот, а остальным была занята Зоя Константиновна.

— Чертовщина какая-то, — проскрипел Александр Николаевич, добравшись до унитаза.

— Сам справишься?

— Трусы только спусти, — попросил Кузнецов.

— Уверен? — уточнила Зоя Константиновна и выполнила просьбу супруга.

И неожиданно для себя Александр Николаевич увидел себя — крохотного малыша, писающего за каким-то ларьком. А рядом стоит мама и ободряющее подсказывает, мол, никого не видно, давай...

Предательски увлажнились глаза — оказывается, память заботливо сохранила фрагменты детства, чтобы спустя десятки лет вновь напомнить о событии, которое и событием назвать нельзя.

Мама, где ты сейчас?

Надеть штаны и рубашку — еще одна, не менее болезненная пытка, через которую Кузнецов вновь прошел с помощью супруги.

— Чертовщина какая-то, — повторил он. — Кому скажи — не поверят. А если бы я остановил свой выбор на другом заболевании? Зося, как ты думаешь?

— Случайное совпадение.

— Просто поверить боюсь, ... никогда не болел, а тут спина!

— Недели на три.

— Как три! Нельзя мне болеть три недели! Ты что! Меня с работы выгонят.

— И еще недели три процедуры, — сообщила Зоя Константиновна.

Болеть всегда тяжело, особенно в начале. Болезнь, как известно, приходит коварно и в неподходящий момент. Особенно трудно тем, кто редко болеет — для них болезнь еще большее испытание, чем для тех, кто постоянно воюет с недугами и поэтому привык. Привык к боли, ограничениям, к дурному настроению, к хлопотам и заботам, которыми ты окружил не только себя, но и своих близких. Больных сторонятся, никому кроме врачей они не нужны. Да и врачам-то нужны постольку — поскольку — получить зарплату, а дальше сам справишься, или как решат на небесах... Хотя и тут полная неразбериха. К чему создавать несовершенный механизм — уязвленный и подверженный многочисленным изменениям, каких в природе наберется не одна тысяча? Малейшее колебание воздуха, без которого и простейшие организмы тотчас погибнут, вызывает сложные и порой не обратимые последствия. Гляньте на младенца, а затем на мир, что его окружает. Да как тут выжить! А жить как? А жить в свое удовольствие? И ведь как-то живем, не существуем, а именно живем — радуемся, когда и радоваться невозможно, порой улыбаемся и даже смеемся. А над кем, спрашивается, смеемся? Не над собой ли? Или все же над ними — нашими создателями? Бросая вызов, открывая тайны и проникая все глубже в плоть. Часто плоть как раз доставляет нам неприятности — то, что мы так любим и лелеем, чему посвящаем большую часть своего драгоценного времени, чем восхищаемся и к чему стремимся — в своих желаниях, в мыслях своих, совершенно забывая о другом. Намеренно, либо по незнанию игнорируем, ибо сказано: дух есть дом, вместилище, откуда они выходят. Кто — они? Наши радости и печали, хвори и недомогания. Если дом основательный — крыша не течет, фундамент стойкий, не скрипят полы, и ветер злой не гуляет, придет и тепло, и душевное тепло придет.

— Сквозняков вроде нет, — заметил Александр Николаевич, — тяжестей не поднимал, откуда ему — радикулиту взяться? И почему сегодня, а не вчера? А может, и вправду сглазили?

— Кто?

— Знать бы — кто, — ответил Кузнецов.

— Дома сидел, всего и вышел один раз — до библиотеки прошелся, и на тебе — радикулит! — поддержала супруга.

Действительно, никуда Александр Николаевич не отлучался, с людьми посторонними не встречался, не беседовал, зла не желал, как впрочем, и добра.

— Говорят, нужно плюнуть на больное место, — вспомнила Зоя Константиновна.

Кузнецов тоже вспомнил... о своей теще.

Не заладились у него отношения с женщиной — матерью Зои. Вроде и повода или причины никакого. Делить тоже нечего — дочь, что ли, делить? Наверно, все же дочь. Не смогли, не получилось, чтобы каждому досталось. Мужики — они страшные эгоисты, и если

глаз на что положат, своего добьются. А мать? Родить — полдела, хотя дело великое — не у всех получается. А вырастить? Воспитать? На ноги поставить и в жизнь отправить, чтобы объявился потом вот такой Александр Николаевич и обобрал до нитки! Кофточку подарил, а дочь любимую забрал! Кофточка и дочь — ну, как тут не возмутиться? Где справедливость после этого? Обида — червячок противный все душу перекопал, однако мотыльком не обернулся, крыльшками не взмахнул и не улетел — понравилось ему ползать темными переулками.

Дарья Никитична жила не только отдельно, она вообще в другом городе жила. Не людски, конечно, когда дочь тут, а мать там, тем более что возраст с каждым днем подсказывал усмирить гордыню и переехать ближе к родственникам. Однако характер, он и у женщины характер — диктовал, указывал и плакать не позволял. Чтобы пустить вечером слезинку, промокнуть краешком платочка — никогда! Как вспомнит о кофточке, тотчас слезинка заберется обратно, и платочка не надо... ничего не надо, как-нибудь сама справится, благо имелся опыт значительный и продолжительный, как хватало и дел. Цветочки полить, пыль смахнуть, половики выбить, в магазин сбегать, с соседкой переговорить, спросить: как там, чего нового — хватало дел. Не успело солнышко взойти, смотришь, уже село, и она села — ноги болят. На фото глянула — тут они все трое: муж живой, дочка Зоя и она — Дарья Никитична. Лица светлые, тревогой не обремененные — фотограф наказал и объяснил, куда и как полагается смотреть — получилось. Прекрасное мгновение, когда они все вместе — нет там никакого Александра Николаевича и Михаила Сергеевича с Борисом Николаевичем — никого нет! Только они втроем — бог любит троицу.

Утверждают, что человека формирует окружающая среда. Дарью Никитичну вот уже седьмой десяток окружали одни и те же стены — тусклые и невыразительные. Выходит, что стены ее и сформировали — сейчас многие и не знают, что когда-то не существовало обоев — дорого и негигиенично — тараканы ужас как любили обои, а еще больше клей, которым обои мазали. У Дарьи Никитичны своих тараканов не было — чужие порой забежали, не своих, доморощенных аборигенов не было. Прижимистой оказалась женщина — крошки не найдете. Дарья Никитична всегда следила за чистотой. Чая с сухариком отведаст и тут же сухонькой ладошкой по столу проведет и в рот отправит. Приметы? Плевать она хотела на приметы — если большую часть жизни не было достатка в доме, откуда ему взяться сейчас — на восьмидесятом году? Как жила? И сама не знала — особенно себя не расстраивала, мыслью о будущем не тешила и не обманывала.

— Хочешь пригласить? — спросил Александр Николаевич и поморщился, то ли от боли в пояснице, то ли от возможных перспектив, связанных с приездом тещи.

— Как скажешь, — ответила супруга.

Именно за это качество и любил Зою Константиновну Кузнецов. Любить, да будет вам известно, можно по-разному. Вероятно, этим обстоятельством и объясняется чрезмерное любопытство обывателя к теме любви. Казалось, что нового? Он и она, как вариант — зловещий треугольник. Однако тут и зарыт тот самый камень познания, когда через отношения проявляются чувства и какие...

Конечно, Александр Николаевич свою супругу любил, он и на секундочку бы не задумался, если бы поступил соответствующий вопрос. Но любовь у Кузнецова носила индивидуальный характер, со множеством оттенков, часто непонятных для постороннего наблюдателя. Естественно, никто не собирался за Кузнецовым наблюдать и тем более

вторгаться в интимную область его существования — заглядывать, например, в спальню. Плотские утехи, скажут умудренные жизнью люди, это и вовсе не любовь. Занимаются же ими без любви? Любовь в истинном значении нечто большее, что невозможно передать камерой, каким бы искусным не был оператор. Любовь может себя проявлять невероятной гаммой чувств и поступков, даже полным их отсутствием! Всем известна ревность, являющаяся по сути своей проявлением любви, как и ненависть к вчерашнему объекту обожания. И каждая новая любовь, что вспыхивает в воспаленном сердце, по-своему уникальна и неповторима.

Зоя Константиновна могла ответить на прозвучавший вопрос, используя тысячу и один вариант. Но ответила так, чтобы понравилось супругу. Скажете, умная женщина? Поправим — любящая. Александр Николаевич ответ оценил по достоинству и из тысячи возможных выбрал нужный.

— Звони, пусть приезжает.

В основе этого короткого диалога, который и диалогом назвать нельзя, лежало все то же чувство — любовь — странная и неизведанная область познания, в равной мере доступная всем, кто в ней нуждается. Никакой оговорки. Она обязательно придет и даже останется, когда все прочие чувства вас покинут. Останется не менее преданной, чем ваш любимый барбос, с той лишь разницей, чтобы вы в ней нуждаетесь гораздо больше, чем ваш барбос в вас.

Александр Николаевич когда-то безумно любил свою жену, вероятно, сильнее, чем сейчас. Хотя все же нельзя любить чуть-чуть, в полсилы. Она или есть или ее нет. Третьего, увы, не дано, в противном случае это уже обман или добровольное заблуждение. Однако себя обманывать тоже грешно — невозможно пылать страстью вечно. Любой огонек когда-нибудь да потухнет, но останутся угольки — темные головешки, внешне обманчивые, так как и внутри продолжает бушевать пламя, стоит лишь придать им уверенности и слегка подуть — едва-едва, но только от души, от сердца.

— Она не помешает, — произнесла Зоя Константиновна и замолчала.

И в этой тишине, что повисла на короткое мгновение, чувствовалась... нет, не благодарность, а любовь!

Согласие в доме — несбыточная мечта многих. Но почему оно родилось сейчас, когда разламывает спину и невозможно повернуться, чтобы не соорудить зловещую гримасу на лице? Почему не было волшебного состояния, когда они пересчитывали деньги и строили планы?

Обман! Еще один обман. Возникшая боль обнажила нервы, по которым, словно по оголенным проводам, пронесся уже другой, забытый и чужой Александр Николаевич или просто Саша — она прежде всегда называла его Сашей. А он купался и в ее голосе, и в своем имени, не в состоянии их разделить.

Заболел, — мелькнула мысль. Он явно заболел, разговор не о спине, там хоть и больно, но понятно. Непонятно — что с ним происходит?

От кончика носа оторвалась небольшая капля влаги и отправлялась в свободное падение. Доля секунды и на полу крохотное, едва различимое пятнышко — маленький, не видимый для глаза Александр Николаевич.

— Прилягу, не здоровится, — пожаловался он и, преодолевая боль, отправился обратно в спальню.

Свиная лопатка или еще раз о счастье. Чтобы по-человечески... чтобы как у людей...

Лежит и не двигается, смотрит в потолок и замечает какое-то движение — размытые образы или фигуры. Вновь смотрит более внимательно — точно, как в старом телевизоре, где сели лампы. Вроде двое — похоже, женщины, одна молодая, а вторая в возрасте, как его Зоя. Пригляделся и едва не вскрикнул — точно Зоя! Говорят, а о чем не понятно, только и слышно — бу-бу-бу-бу. А тут еще кто-то заходит — какой-то мужчина и на его — Александра Николаевича место — садится. Зоя капусту строгаёт, а девушка смотрит, как она строгаёт.

— Доброе утро, — говорит мужчина, — поесть-то что есть?

— На, — отвечает ему Зоя Константиновна, — ешь.

— А это что?

— Пицца, — объясняют ему.

— А другой пищи нету? Что-то мне эта пицца уже надоела, — заявляет мужчина, — а потом сегодня же суббота, как бы выходной день, праздник что ли...

— У тебя всегда праздник, холодильник открыл и праздник, в телевизор уперся — еще один праздник... чего ты там говорила про магнетизм?

Девушка посмотрела на свои пальчики и только потом ответила.

— Магнетизм, говорит, у вас потрясающий.

— А ты?

— А что я — слушаю. Стою и равнодушно на него смотрю.

— А он?

— Вы безумно сексуальны и не похожи на остальных. Они словно куклы, а в вас что-то есть, некий шарм, загадка.

— Скисло, — подсказал мужчина, — молоко, похоже, скисло.

Зоя Константиновна сделала легкую паузу.

— Для нас не скисло, а для него, видите ли, скисло. Загадка...

— Да, да, именно так и сказал, — продолжила девушка, — некий шарм и загадка. Темненький такой и в костюме. Пахнет приятно...

— Ты что, его нюхала? — поинтересовался мужчина и почесал в промежности.

— От порядочного мужчины и пахнет порядочно, — подсказывает девушка, — не прелыми носками и грязными подмышками...

— Скисло, — вновь повторил мужчина, — Нина, ты ничего не перепутала? Оно же скисло! Ты сама-то попробуй.

Какая еще Нина, — удивился Александр Николаевич, — это же Зоя! Моя супруга!

А Нина или Зоя Константиновна спрашивает.

— С какой полки взял?

— А какая разница?

— Большая. На верхней у нас свежее, а на нижней... темненький, говоришь?

— На кавказца не похож, — отвечает девушка, — больно уж обходительный и речью владеет.

— Без акцента?

— Наши вчера проиграли, — говорит мужчина.

— Никакого акцента, видно образованный, — продолжает девушка.

— Два ноль. Бузякин, мерзавец, забил в собственные ворота.

— Предлагал подвести. У него, кажется, машина.

— Новая? — Зоя Константиновна взяла еще один качан и принялась интенсивно крошить капусту.

— Не знаю, не видела. Думаю — новая. Он ключами все время играл, вертел в руках.

— Ну и правильно. Нечего. Для первого раза вполне достаточно, а с этим у тебя что?

— С кем?

— С Павликом, — подсказал мужчина.

— Какой Павлик! Папа, вы откуда свалились?

— Они уже месяц как не встречаются, — сообщила Зоя Константиновна и убавила газ в комфорке.

— А чего так?

— Бесперспективный, — вновь подсказала супруга, — в армию не сегодня-завтра заберут.

— Как заберут? Он же школьник!

— Ты где живешь? Глаза-то разуй! Газетку почитай, а не свой футбол смотри. Некому нынче служить, мать-отчизну кому охранять? Ты вот что, Люська, ты к нему присмотришь, лапоть — пускай лапает. Мужики без этого не могут. В театр предложи сходи, к нам тут артист должен из Москвы приехать. Вот ты и скажи: а что, не сходить ли нам в театр? Дорогой костюм — еще ничего не значит, и машина ничего не значит. Согласится — хорошо, не согласится — не велика потеря. Он хоть где работает?

— Мама! В первый вечер неудобно спрашивать. Мы же только познакомились.

— Ничего страшного, — Зоя Константиновна что-то выбросила в мусорное ведро, — спрашивать нужно, вот я в свое время душой была — стеснялась, а нужно было не стесняться. Не так поймут, не так подумают — плевать! Поел?

Мужчина только моргнул глазами.

— А если поел, сходи на рынок, лопатку свиную купи. Да не тушуйся — попроси, чтобы показали и чек возьми. И не ленись — разок палатки обойди, другой обойди, приценись, посмотри. Газетку купи, чтобы с программой передач, лучше нашу, местную, и не в киоске покупай, а с рук. Старухи торгуют, вот у старух и покупай. А то сидит и бабьи разговоры слушает.

— Я не слушаю, я завтракаю, — поправил мужчина и вышел прочь.

Рынок — Шанхай перестроечных времен, чайна-таун наших дней медленно просыпался. Дремали жирные голуби и вертлявые воробьи, облезшие собаки и их вечные противники бродячие коты. Люди тоже зевали — одни вглядываясь в заляпанные дождем витрины, другие в лица, заглядывающие в эти витрины.

Мужчина на мрачном фоне смотрелся более чем достойно — темненькая курточка с карманами на молнии. Брючки, где можно было угадать стрелки, туфельки на каучуковой подошве и, конечно, галстук. Галстук, без всяких преувеличений, главная и основная черта. Бог ты мой! — воскликнул Александр Николаевич, — это же мой галстук! И курточка моя! Мужчина обернулся, поправил галстук и тут Александр Николаевич узнал себя! Даже в пасмурный и дождливый день он не прикрывал его шарфиком — выставлял наружу, чувствуя тугой узел, который бережно и с каким-то трепетным чувством научился завязывать самостоятельно. Галстук Александр Николаевич прежде никогда не носил — не позволяли

обстоятельства. И работа была, что галстук скорее мешает, нежели помогает, а надеть хотелось. И еще больше хотелось пройтись — куда неважно. Чтобы кто-нибудь обратил внимание, взгляд бросил и, возможно, оценил. И вот наконец мечта осуществилась — он в галстуке. Не было бы галстука и весь сегодняшний день коту под хвост! Праздник, да будет вам известно, это вы сами — кому какое дело и есть ли дело постороннему до вас? Кто они — проходящие мимо, составляющий фон вечного движения, наполняющие улицы, неприветливые и занятые собой мрачные призраки? Идет, прежде всего, любуясь собой. Жаль, нельзя глянуть на себя со стороны, посмотреть, как сидит на нем галстук! Хотя все же при большом желании можно — оторваться от земли грешной, улететь — не высоко, метров так на пятнадцать — забежать вперед и посмотреть. Получается, конечно, не всякий раз, да и под ноги следует глядеть чаще, а все, однако, хорошо. Вот и девушка молоденькая обратила внимание, а вместе с ней и Александр Николаевич обратил — отразился словно в зеркале и увидел себя. Увидел со стороны и улыбнулся — первый раз за сегодняшний день. Улыбнулся и Бузякина простил, и супругу свою Зою Константиновну, и дочурку Люсю.

Александр Николаевич вздрогнул. — Какая еще дочурка? Какая Люся! У него же Павлик! А галстук купил себе Кузнецов сам. Шел, шел и в магазин зашел — просто так, устал, может, а может, был дождь — сейчас не вспомнить. А там — в магазине — продают галстуки. И много их, этих галстуков и все нарядные, красивые и в каждом праздник. Стоит. Пять минут, десять — лобуется, примеряет на себя. Мысленно один повяжет, второй, третий, одним боком повернется, другим — смотрит. Сорок лет мечтал, чтобы в галстуке, чтобы по улице, чтобы... — купил. Плюнул и подошел к кассе, прочитал на чеке «спасибо за покупку» и отправился домой. Зои Константиновны не было, и Павлика не было — был праздник. Решил — показалось или волнение. Да и как можно подарить себе праздник? Получается, можно.

Рынок встретил Александра Николаевича неприветливо и холодно — никто ему не улыбнулся, никто не сказал «здравствуйте». Лужу обошел — огромная грязная лужа, а в центре доска. Тетка в ларьке сидит — скучает. Кузнецов доску ногой попробовал — качается.

— Свиная лопатка у вас есть? — кричит Александр Николаевич.

— Есть, — отвечает ему тетка.

— Покажете?

— А что на нее смотреть? Свинья она и есть свинья.

— Свежая? — кричит Кузнецов, — мне нужно только свежая, а залежалую мне не надо.

Залежалую я и даром не возьму.

— А вам никто залежалую и не предлагает, — говорит ему продавец. У нас товар качественный, сертификат имеется. Может, вам, мужчина, бумагу показать?

— Зачем мне бумага? — удивляется Кузнецов, — знаю я вас, вы любую бумагу достанете. Мафия у вас, я в газете читал.

— Какая я мафия! — возмущается женщина, — вы на меня внимательно посмотрите! Разве я на мафию похожа?

Александр Николаевич немного ступешался — не видел он прежде мафию. В фильмах или, скажем, в газете, по радио бывало, а чтобы живьем, чтобы глаза в глаза — никогда не видел. Глядит. Женщина как женщина и на мафию совсем не похожа. На тещу похожа! А черт их разберет, думает Кузнецов, и уж было собрался купить у тетки свиную лопатку. Выходит здоровенный мужик. Не мужик, а настоящая гора — центнера два, а может, и все

три.

— Как дела? — спрашивает.

— Хорошо, — отвечает Кузнецов, пытаясь вспомнить, где он видел незнакомого мужчину.

— Футбол вчера смотрел?

— А как же! Я футбол только и смотрю. Проиграли наши, два мяча и оба в собственные ворота.

— И не говори, расстроился — ночь не спал, — признался мужчина-гора. — А ты чего стоишь? Мяса прикупить решил?

— Свиную лопатку ищу.

— Я как раз по свиным лопаткам и специализируюсь, — кивает головой мужчина-гора, — бизнесмен я, прежде рыбой торговал, а теперь мясом. А это еще что такое?

Кузнецов оглянулся, однако ничего подозрительного не заметил.

— Что за безобразие? — вопрошает бизнесмен и показывает на лужу, — Дарья Никитична, почему территория не убрана? Как вы будете с клиентом общаться?

Клиент, то есть Александр Николаевич, встрепенулся, тронутый легкой заботой, прозвучавшей в его адрес. Верно, как ему к ларьку подойти? По доске? А если она гнилая?

— Хотел было купить, — признался Кузнецов и поправил галстук, — внешне неплохо смотрится, и цена вполне.

— Замечательная цена, лучше и не сыскать. Но не это главное, главное — товар. Экологически чистый, можно сказать, возвращенный собственными руками. Каждого по имени помню. Дарья Никитична, — мужчина прошепал по луже, словно ее и не было, — дайте-ка мне лопатку. А хоть бы и эту. Во! Гляди.

Александр Николаевич глянул.

— Митькой звали.

— Кого?

— Как кого? — удивился бизнесмен, — его, — и подбросил в руке замерзший кусок мяса.

— Митька?

Мужчина еще раз подбросил свиную лопатку.

— Точно, он — Митька. Вот, я тебе скажу, парень был! Не парень — ураган! Только одна мысль на уме, сексуальный, короче, бандит. Этот, как его... маньяк. Проходу никому не давал. Мне и то прохода не давал — глазки строил и постоянно требовал.

— Митька, говорите, — произнес Кузнецов и посмотрел на Митьку.

— Не сомневайтесь, точно он. Или скажем... дай-ка мне Дарья Никитична вот этот кусок. Да не этот, другой.

Мужчина вновь играючи подбросил свиную лопатку в воздух.

— Похоже, Элла. Точно она — Элла. Ленивая была до безобразия. Утром поднимется, поест и опять спать. Пушками не разбудишь, на что Митька ураган, так и его не замечала. Жрала с закрытыми глазами — лень! Что ни дашь — все съест, не свинья, а мусороперерабатывающий завод.

Кузнецов хихикнул.

— А чем, извольте спросить, кормили?

— Как чем? Всем! Жрет, как помело. Сколько не положишь, все сожрет, а добавишь еще и это сожрет! Ужас какой-то!

— А почему Элла? — поинтересовался Александр Николаевич.

Мужчина хихикнул.

— Подруга у меня когда-то была, Эллой звали.

— Ленивая?

— Почему ленивая? Скорее романтическая, слишком утонченная и любила исключительно свиные котлетки.

— Я тоже котлетки люблю, но только чтобы обязательно с рынка. Зоя купит фарш в магазине — уже не то, не пахнет там котлетками, хотя и написано: фарш мясной. А вы что посоветуете?

Мужчина задумался.

— Я тебе так скажу. Проверенно лично, на себе проверенно, если брать Митьку — результат один, а если Элли — совсем другой.

— Это как? — уточнил Александр Николаевич.

— А так, что после Митьки еще больше жрать хочется, словно и вовсе не ел. И на девок тянет — спасу нет. Просто невозможно с собой совладать. Словно сидит в тебе дюжина кобелей и все озабочены.

Кузнецов открыл рот.

— После Эллы наоборот — желание в кресле посидеть и газетку почитать. А однажды я даже стихи сочинил. Сидел, сидел и сочинил.

— Хорошие?

Мужчина задумался, нахмурил и без того хмурое лицо и с выражением, отчетливо произнося каждое слово, произнес:

Свиная лопатка, ты — песня, ты — сказка,
Ты — боль в моем сердце,
Истома в груди.
Хорошее мясо,
Приди и бери.

— Хорошие стихи, — заметил Кузнецов, — честные.

— Это еще не все, там продолжение есть, сейчас вспомню, — мужчина поправил живот и закатил глаза.

Свиная лопатка, ты — песня, ты — сказка,
Ты — радость и горе,
Ты в сердце моем, словно бриз в Черном море...

— Родом я из-под Севастополя, — объяснил мужчина, — работал за заводе, коптил рыбу.

— А дальше?

— А дальше уехал, я же патриот, да и выловили всю рыбу. А если по правде, надоело, провонял рыбой до безобразия. Спать лягу, чувствую — воняет! Встану утром — вонь воняет! Товарища спрашиваю, мол, пахнет от меня? Поэтому и уехал.

— А дальше? — повторил свой вопрос Кузнецов.
Мужчина из-под Севастополя вновь сосредоточился.

Свиная лопатка, тебя не забуду,
Как хрюкала ты, как нежно смотрела,
Как бегала, прыгала и улетела.

Пропала, исчезла, но чтобы вернуться,
Крылами взмахнуть и обернуться
Прекрасной красавицей, феей, богиней,
Закутанной в шаль, холодной как иней.

Чей образ возвышенный — выше вершин,
Где горы — равнина,
А ветер — надежда,
Где солнце — луна, и не будет как прежде
Обмана, порока и злых темных сил —
Мы всех их прогнали, всех тех, кто не мил.

Мы съели их дружно, иначе нельзя.
Иначе съедят они нас, и тогда
Седые вершины травой порастут,
Деревья погибнут, и выйдут из чащи, из мрачных глубин, словно ненастье,
Безжалостно, злобно — участь такая —
Коварные твари — пророка забвенье, друзья сатаны,

И начнется веселье!

Застолье начнется, где стол полон яств,
Где люди есть звери, где льется рекой
Дымящий напиток, где каждый герой.
Болтать и заискивать, мать предавать,
Махать топором и слух ублажать —
Чванливых, напыщенных наших господ,
Притворно заботливых, мерзко от слов.
Чья речь на трибуне, что выстрел в ночи,
Когда нету сил — кричи, не кричи.

Свиная лопатка! Я оду пою, ты даже не знаешь,
Тебя я люблю.
Под перчиком с хреном — обидно до слез...
Чья участь не лучше, кто тянет сей воз.
Кому отвели, и не в первый уж раз,
Почетную роль, как гласит наш рассказ,
Ходить в дураках и на сцену глазеть,

Позволят — похлопать, но лучше как раз
Внимательно слушать — велит нам указ.

Свиная лопатка, как долго я ждал,
Мечтал еще дольше и все же устал.
Все думал, когда же устанут они?
Хотя жизнь есть вздор, игра сатаны.
Лукаво следит он, довольный отчасти
Сгущаются тучи, и все в его власти.

Теплей там и выше, лучше видать, внимания больше —
О чем, брат, мечтать?
Грозою повеяло, все собрались, заждались однако,
И ты не ленись.
Купи полкило, бесплатно отдам,
А вечером вспомнишь, дружок, каждый грамм.

Свиная лопатка, как мало от бога,
Взяла ты ума, в чем греха никакого.
И жила ты в счастье, не зная хлопот,
А счастье твое — безразмерный живот.

Мужчина замолчал, и Александр Николаевич ему в этом не мешал. Так они оба и молчали, но недолго, всего пару минут. Молчать долго в компании — признак плохого воспитания, чего нельзя сказать о наших героях.

— Митька или Элла? — спросил Кузнецов.

— И не Митька, и не Элла, был тут у меня вечно всем недовольный боров-анархист. Пришлось пустить под нож, чтобы породу не портил.

— Старый?

— Не то, чтобы старый, вредный и свободолюбивый. Все направо, а он налево, все налево, а он, противный, направо. Говорю же, анархист. Ну что, определились?

— Мне бы что-нибудь нейтральное, — скромно попросил Александр Николаевич.

— Даша! — гаркнул мужчина, — взвесь гражданину пару килограммов фарша.

* * *

Рука была прохладной и удивительно нежной — она скользила, прогоняя туманный образ мужчины, серые ларьки и такое же серое небо.

Хорошо! Почему прежде его никто не гладил?

— Болит?

— Нет, ничего не болит. Я спал?

— Бредил — читал стихи, очень странные.

Зоя Константиновна стояла рядом, а за ней еще кто-то — чья-то тень, он ее видел. Тень

видел, а кому она принадлежит, нет.

— Стихи? Я не знаю никаких стихов, никогда не знал, — признался Александр Николаевич, — и почему стихи? Дарья Никитична приехала?

— Тут я, — раздался голос, и из тени появилась она — женщина с рынка — Дарья Никитична.

— Вы ведь в ларьке работаете, верно? Мясом торгуете. А хозяин у вас такой грузный мужчина, очень толстый и смешной? Родом из-под Севастополя.

— Ты, Саша, лучше помолчи, — посоветовала старушка, — жар у тебя, горишь весь.

Жара Александр Николаевич не чувствовал, скорее нетерпение.

— Зоя, ты сегодня капусту строгала?

Зоя Константиновна поправила подушку и еще раз приложила ладонь.

— Голубцы делала — твои любимые.

— Строгала, — тихо произнес Кузнецов и тут же встрепенулся: газету покупала?

— Еще нет, Павлик купит по дороге домой, не волнуйся.

— А новости слушала? Ты же всегда слушаешь новости, — Александр Николаевич был готов выскочить из постели.

— Ваши проиграли.

— Ноль-два?

— Ноль-два, — подтвердила супруга и силой уложила мужа в кровать.

— Ноль-два, — повторил Кузнецов, — я знаю, подлец Бузякин забил в собственные ворота! Зоя, мне страшно.

— У тебя жар, я вызвала врача.

— Кто такая Люся? — Александр Николаевич напряженно смотрел на жену.

— Какая Люся?

— Она встречается с Павликом.

— С нашим Павликом? — встрепенулась Зоя Константиновна, — почему ты мне прежде не говорил?

— Как я мог тебе сказать, если только что узнал?

— Жар, — тихо произнесла Дарья Никитична, — я в аптеку, травки куплю.

— Свиными лопатками торгуете! — вдруг вспомнил Кузнецов, — а перед ларьком вашим огромная лужа и доска качается! И неожиданно для себя продекламировал:

Свиная лопатка, как мало от бога,

Мы взяли ума, в чем греха никакого.

— А Люська — дрянь! Не любит она Павлика, у нее уже другой ухажер! Богатый! Если мы Павлику машину не купим, она его бросит. Зоя! Мы завтра же купим ему машину! Новую! Импортную... эту как ее... джип! Точно купим ему джип. И он будет на своем джипе в школу ездить! А затем за тобой заезжать... или за мной? Зоя! Мы купим два джипа, чтобы как у людей, чтобы по-человечески...завтра... два джипа...

Александр Николаевич уже сомкнул глаза, хотя и продолжал бормотать.

— Два джипа... чтобы как у людей... чтобы по-человески...

Источник вечного движения. Кружка пива и Коля с пилорамы. Фото на память и яма одна на всех

Дождь все же выдохся, видно, устал, хотя в воздухе еще стояла влага. В доме тоже влажно и как-то неуютно. Дом-то старый, а кто летом затопит? Поэтому и сыро. Однако солнце уже принялось за дело и для начала заглянуло к каждому, чьи окна выходили на восток. Виталий Борисович оказался в числе счастливицков. Его небольшая квартира, несмотря на скромные размеры, имела одно неоспоримое преимущество — окна выходили как на восток, так и на юг. На восток выходило окно кухни, где, как принято, и начинают каждый день миллионные наших сограждан. Виталий Борисович — не исключение. Еще сонный, он первым делом отправлялся на кухню ставить чайник — шлепал босыми ногами и смешно тер руками глаза. Иногда зевал, иногда потягивался, чесал то один бок, то другой, короче, просыпался. Не один десяток прожитых лет позволял в утренние часы особенно не беспокоиться — все происходило, как говорится, на автопилоте. Если он чистил зубы и брился, это вовсе не означало, что он чистит зубы и бреется. Все эти необходимые составляющие утренней процедуры выполнял двойник Виталия Борисовича, позволив другому Виталию Борисовича посвящать себя другим занятиям, к примеру, о чем-нибудь размышлять. Однако это не означало, что тот, первый Виталий Борисович, был безынициативным исполнителем. Ни в коем случае! Когда мечтатель пытался отвлечь товарища Шумного, ему постоянно напоминали, чтобы не порезался, чтобы чайник на плите не выкипел, да чтобы просто не опоздал на службу.

Виталий Борисович никогда не опаздывал. За все сорок с небольшим и ни разу! По этому поводу он даже иногда над собой подшучивал — очень нехорошо и как-то уж слишком самокритично. Вот, говорил Виталий Борисович, также когда-нибудь и умру, приду загодя, чтобы не опоздать.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Люди на улицах тоже сонные. Молодая мамаша ведет, или точнее сказать, тащит малыша на «службу» в садик. Оба явно спят: и малыш, и его мать. А вот «народной тропой» гуськом, словно призраки, топают курсанты — будущие покорители морских широт. И они спят, каждый второй бредет с полузакрытыми глазами. Насколько помнил Виталий Борисович, курсанты здесь ходили без мало лет сорок и еще столько же будут ходить — кому-то нужно оправляться в плавание.

Если вернуться в прошлое, возможно, и он тоже пошел бы в речное училище — слишком велик соблазн побродить по свету и посмотреть мир — не отправился. В юности Виталий Борисович сходил с ума от техники и, надо признать, к обоюдному удовольствию — техника отвечала ему тем же — раскрывала свои двери в полный загадок и тайн мир. Сейчас в этом можно признаться, но любимым предметом в школе были уроки труда. И преподаватель — хромой на одну ногу ветеран в мятом костюме — не превзойденный авторитет и покоритель мальчишеских сердец. Чего только он не умел! Чего только не знал! В прошлом сержант доблестной Красной Армии и не представлял, что найдет свое призвание на старости лет в полуподвальном помещении мастерских, куда как на праздник веселой толпой бежали пацаны. Именно тогда Виталик впервые сел за баранку такого же древнего как и преподаватель старого грузовика и прохватил пару кругов по школьному

двору. А услышав добрые слова похвалы, нисколько не удивился, словно знал наперед, что быть ему в скором времени водителем. Как давно это было? От двора ничего уже не осталось, и проехать можно лишь только на велосипеде — грустно.

Как раз по бывшему школьному двору и шагал сейчас Виталий Борисович. Удивительно течение жизни! Кого-то судьба забросит за десятки тысяч километров в другие края, за моря и океаны, а кто-то будет ходить тем же маршрутом как в детстве через тот же самый школьный двор! И чего его понесло в милицию? Крутил бы сейчас баранку, однако отказать, не оправдать доверие не мог, не в его правилах, да и хлопотали за него люди серьезные. Пожалуй, тот единственный раз, когда ему предложили, и он согласился. А зачем? Уважил, но не самого себя, а человека, взявшего за него ответственность.

Спустился под горку, смешно сбежав по косогору, хотя рядом лесенка. По привычке сбежал, лестницы прежде здесь не было, а горка была всегда, вот он и спустился. Город хоть и изменился, но не настолько, чтобы забыть. Забыть все невозможно, и пусть вокруг новые и чужие дома, в памяти он всегда там... в детстве.

Сережа Кулебяка сегодня пришел раньше — событие невероятное. Обычно он появлялся на службе минута в минуту, а сегодня...

— Уже кое-то освоил, — доложил коллега, не обратив ни малейшего внимания на своего старшего товарища. Уткнулся в экран и жмет клавиши.

Виталий Борисович не возражал, а где-то был и доволен — отпала необходимость делить на двоих старую пишущую машинку, которая, похоже, перешла в полную его собственность.

— Обещали подсоединить к сети, — спустя пару минут доложил Сережа, — чтобы можно было докладывать, не выходя из кабинета. Тяжелые времена, Борисыч, наступают. Щелкнет руководство клавишей, и все видать. Чего мы тут с тобой делаем, как бездельничаем — техника! В Интернет обещали допуск сделать. Весь мир уже давным-давно в Интернете, а мы, получается, плетемся в хвосте событий.

— Сводочку бы мне за прошедшие сутки, — подсказал Виталий Борисович, и вскоре, вооружившись подшитыми обыкновенной скрепкой листиками, приступил к знакомству.

Сводка — нечто вроде газетки, куда вносились все происшествия в городе, как малозначительные, пополняющие обыкновенную статистику, так и серьезные, переходящие сразу на контроль к руководству. Прошедшие сутки действительно выглядели если не безупречно, то вполне миролюбиво — трагических случаев не зафиксировано.

— У нас сегодня как? — спросил он и тут же получил интересующий его ответ. — Тихо.

В этих внешне скупых словах содержался огромный смысл и перспектива на текущий день. Вопрос означал: намечается ли сегодня сбор или иное мероприятие, требующее обязательного присутствия всего личного состава. «Тихо» — подразумевало, что день простоят обычный и можно посвятить себя работе. Подписывать у руководства бумаги Виталий Борисович не планировал, иных документов, которые спускали через секретариат, также не было, поэтому с легким сердцем товарищ Шумный глянул на монитор и вскоре покинул кабинет. Еще через час он вышел к небольшому кафе — обычной забегаловке, где продавали в разлив пиво. Несмотря на раннее время, в клиентах недостатка не было. С десяток человек по привычке начинали новый день со старого занятия — пили пиво. Виталий Борисович прошел к стойке и залез на стул — высокий и потрепанный табурет.

— Привет, — сказал он.

— Привет, — ответили ему и тут же спросили, — пить будешь?

Пить Виталий Борисович не хотел, однако часто к этому принуждает профессия, поэтому кивнул.

Налили — еще в ту, пузатую, советских времен кружку, и пиво под стать кружке — подозрительно похожее на горький напиток, слегка разбавленный водой. Глотнул и поморщился — не понял, понравилось или нет.

— Как дела?

— Нормально, вчера драка была, сами разобрались, вас не вызывали, — сообщили ему последнюю новость.

— Ну и правильно, — согласился Виталий Борисович и еще разок глотнул, — к чему людей беспокоить?

— Если на каждую драку выезжать, — поддержал его собеседник — мрачный тип с золотой фиксой, — бензина не хватит. А дрались свои. Все по-людски: повздорили, вышли прочь, рожу друг другу начистили и обратно зашли. Я же говорю, культурно, никто и не заметил.

— Культурно, — согласился Виталий Борисович и все же спросил: а чего повздорили?

— Они за столиком стояли, по кружке дежурной взяли. У нас, Виталий Борисович, с этим строго, на вынос — пожалуйста, но за каждым не углядишь, может, и принесли чего. А повздорили — всякое бывает, во мнениях не сошлись или слово обидное кто сказал. Разговор-то какой? Мать — перемать. Я, конечно, слежу — публика порой серьезная заходит. И на машинах приезжают, пиво-то и в самом деле неплохое. О чем говорили? О чем могут говорить мужики? Про жизнь вели беседу, начали вроде мирно, политику обсуждали, а потом гляжу... еще?

— Две, — произнес какой-то тип и уставился на Виталия Борисовича.

— Давай, Слава, не задерживай, у нас разговор с товарищем, — произнес мужчина с фиксой.

— А я чего? Я ничего, — ответил Слава и вновь зыркнул на товарища Шумного.

— Нормальный парень, только больно любопытный, кстати, он вчера тоже был. Драться не дрался, но присутствовал — рядом стоял.

— Дурак — говорит Коля, — продолжил мужчина с фиксой, — ну тот, который повздорил, — Коля. На пилораме работает, у них там фирма какая-то, двери стругают, рамы оконные. А другой, я имени его не знаю, что-то ему ответил и засмеялся. Вот и все. А потом они вышли и начистили друг другу рожи. Хотя сдается мне, повод был иной. Дурак — конечно тоже повод. Но сказано было как? Мимоходом, без всякого заднего умысла. Это приближенные к словам цепляются, а эти обычные мужики.

— И в драку, — подвел итог Виталий Борисович.

— Мне, как понимаешь, нос совать ни к чему, — объяснил мужчина, — у меня своих забот хватает, ноги к вечеру не держат. По двенадцать часов на ногах, не мальчик. Да и подрались они где, а что рожи перепачканные, так дело личное. Главное, чтобы порядок был.

— Из-за покойника они поссорились, — прозвучал голос.

Виталий Борисович обернулся.

Слава в одиночестве пил пиво и, похоже, скучал. Публики поубавилось, а света в помещении напротив прибавилось.

— Какого покойника? — произнес товарищ Шумный и глотнул пива, чтобы заполнить образовавшуюся паузу.

— Коля сказал, видел на днях покойника. Только не в гробу, а на своих двоих, улавливаешь? Вроде, как призрак. А ему и не поверили, слово за слово — вышли переговорить.

— Ты выходил?

— А мне к чему? Кто покойника видел? Колю я знаю — болтать не будет. И в драку просто так не полезет. К чему лезть в драку без причины? Обидели его, не поверили, под сомнение поставили, а это уже серьезная причина.

— Ты его знаешь?

— А кто его не знает. Коля Сиваков, работает на пилораме, нормальный парень, кружку всегда купит — никаких проблем...

Найти Колю также не представляло больших проблем. В небольшом ангаре, упрятанном в одном из переулков рабочей окраины, стоял пронзительный вой пилы, а в воздухе кружилась древесная пыль. Несколько мастеровых, в одном из которых Виталий Борисович без труда опознал Сивакова. Дискуссия, вероятно, и в правду зашла слишком далеко, а приложился оппонент основательно — синяк получился значительный.

Пару минут Виталий Борисович безрезультатно кричал и показывал знаки — шум в помещении стоял чудовищный. И только когда на пол свалилась очередная свежевystруганная доска, удалось объясниться.

— Чего? — спросил Коля, — поговорить? Некогда мне говорить, если хозяин разрешит. Откуда я знаю, где он? Уехал или в офисе. Даст добро, поговорим. Мне с выработки платят. Сколько напилю, столько и заплатят. Ты же за меня пилить не будешь? А то давай попили, а я поговорю, — и смачно сплюнул.

Хозяин — новоявленный капиталист — к предложению переговорить с работником отнесся скептически, однако решил все же не ссориться с представителем право порядка и сдался.

— Только недолго, мы на прошлой неделе три дня стояли, заказчика подводим, едва уговорил — кругом конкуренты. Понятно, что дело важное, но и вы меня поймите, я же не могу круглосуточно сидеть в конторе.

— Пятнадцать минут, — пообещал Виталий Борисович, — со мной пройдете или бумажку напишите?

— Да бросьте вы! Говорите, но только короче.

Николай только кивнул и выключил станок, который еще некоторое время по инерции вращался и скрипел от недовольства. Сели у входа на приготовленные к отправке оконные блоки, еще пахнувшие свежей древесинной.

— Капитал давит? — для начала поинтересовался товарищ Шумный, наблюдая как Николай решил совместить полезное с приятным — доставал непослушными пальцами сигаретку.

— Прежде тоже давили, — не поддержал милиционера Сиваков, — заявление, что ли, написал?

— Меня не интересует драка и заявления никто не писал. Нет заявления.

Взгляд удивленный и не такой сердитый — можно продолжать.

— Вы говорили, видели покойника, — продолжил Виталий Борисович, — вот покойник меня и интересует.

Струйка дыма — кисловато-горькая неожиданно заползла не по назначению — товарищ Шумный кашлянул и посмотрел на часы. Однако Николай продолжал курить, молчать, явно

над чем-то размышляя.

— Покойника звали Сидорчук, — наконец произнес он, — Ефим Пафнутьевич Сидорчук. Мой отец ему гроб делал. Он всем делал гробы, этим и жил. Приходил, снимал мерку, а потом делал гроб — за три дня, если по индивидуальному заказу. Это сейчас хоронят, как придется, а прежде, отец сказывал, иначе люди жили и помирали иначе. Лично его я не знал, не было меня — не родился еще, а фотография была. В галифе и кожанке на ступеньках стоит. Ефим Пафнутьевич. Важная персона. А тут на днях иду домой. Фонари не горят, но уже темно, и прохожих, чтобы как днем, не много. Нет вообще прохожих — времена-то нынче смутные, себе дороже под раздачу попасть. Молодежь озорует и не посмотрит — тукнут по голове, а уж потом разбираться будут. Вижу: идет кто-то навстречу, а у меня в кармане всегда гайка, — и Сиваков наглядно продемонстрировал средство самозащиты. Сжал в руке, и в сторону, от греха подальше — не понравился мне прохожий. И сам не знаю почему, что-то в нем было.

— Агрессия? — подсказал Виталий Борисович.

— Агрессии не было, нервозность какая-то и мурашки забегали.

— Как он был одет?

— Обычно, ничего особенного — плащ или пальто, не помню, брюки... не до того было, чтобы разглядывать. Ну и замедлил шаг, а потом и вовсе остановился — любопытство выиграла и мысль в голову — а где я его мог видеть прежде? Проходит, значит, он мимо и как на меня зыркнет!

Николай крепко затянулся и поднял глаза.

— Вы покойников видели?

— А как же, — кивнул Виталий Борисович.

— И я видел. Этот точно покойник! Только глаза открыты, а так — вылитый покойник.

И глянул он меня, как покойники глядят! Ужас! Щеки впалые и ни кровинки.

— А почему Сидорчук?

— Не знаю. Домой добрался — всего колотит и сна ни в одном глазу. А взгляд словно приклеился. Я и лицо ополоснул и заварки глотнул — ничего не помогает. Помню, что прежде видел, а где — не пойму. А через день полез в шкаф — искал что-то. И тут его увидел — Ефима Пафнутьевича. Только на фото он был живой, а вечером мертвый.

— А почему вы решили, что ваш отец делал ему гроб?

— Почему?

— Да, почему?

— Я же говорю: отец всем делал гробы, а потом откуда взялась фотография?

— И откуда она взялась? — спросил Виталий Борисович.

— Не знаю. Откуда берутся фотографии? Дарят, наверно. Он же нам не родственник или знакомый.

— А кто он?

— Никто. Просто Ефим Пафнутьевич Сидорчук. Так, по крайней мере на обратной стороне написано.

— Интересно.

Николай затушил окурок и вновь поднял глаза.

— А что тут интересного, когда по вечерам покойники бродят? Фотография-то древняя и мужик тоже древний. Чего ему не лежит? Чего он шастает — людей пугает.

— Еще вопрос — где и когда вы его видели?

Николай назвал время и адрес.

— Не ошиблись?

— Еще в своем уме, не беспокойтесь, память прекрасная.

— Фотографию у вас попросить можно? Она вам нужна?

— Забирайте, — согласился Сиваков, — я и сам хотел было выбросить. К чему мне она?

Завтра и принесу.

Положенное время явно истекло, дверь из ангара отворилась и появилась голова напарника Николая.

Любопытно. Виталий Борисович шагал в направлении родного ведомства и размышлял над полученной информацией. А вдруг это один и тот же покойник? Тот, которого видели и математик и Сиваков? Опыт прошлого подсказывал — самые невероятные идеи имеют право на существование. Что на первый взгляд является полным бредом, на поверку заслуживает куда большего внимания.

Небольшая остановка, а рядом, как и полагается, таксофон. До чуда наших дней — сотовых телефонов оставалось совсем немного, каких-то пару лет. Первый звонок на работу — уточнить обстановку, которая меняется столь стремительно, что порой за ней не успеваешь. Второй — еще одному помощнику — Павлу Сергеевичу Душному — управляющему делами непогребенных и невостребованных тел, какие обычно привозят в морг. В морг Виталий Борисович и направился — требовалась консультация специалиста.

Серое, забытое богом и людьми здание не изменилось, если только стало выглядеть еще более устрашающе и мрачно.

— Как! Виталий Борисович! — радостно приветствовал его Павел Сергеевич. — Все старика забыли! Сейчас я чайку организую! По такому-то поводу, — и старик в правду засуетился.

— Забыли меня, совсем забыли, а у нас изменения, компьютер презентовали, говорят, японский!

— Все японские товары сделаны в Китае, — подсказал товарищ Шумный, усаживаясь в крохотной конторке, где ничего не изменилось с его прошлого визита.

— Япония, Китай, по мне все едино! У наших, видно, мозгов не хватает или другим заняты. А тут техника! Признаюсь, сробел, к чему мне компьютер? У меня же картотека, вот, говорят, и переводы свои данные на жесткий диск. Какой еще диск? Жесткий! Фу ты! Как его хранить буду? Он же денег стоит! А у меня и дверь не закрывается. Еще один замок врезали, а заплатили, знаете, сколько? Страшно сказать! А вы как? А то я все о себе, да о себе! Вижу, выглядите неплохо и совсем не постарели. Стареть нынче ну никак нельзя. Уволят тут же! Как узнают, сколько тебе лет, и уволят. Чувствую, и мне недолго осталось.

Павел Сергеевич включил чайник и опустился на стул.

— А мы расширяемся. Мест не хватает, такой аврал! Вы и представить себе не можете — умирает народ не только скоростно, но и удивительно дружно. Поэтому, голубчик, расширяемся — здание новое строится. Капитализм он везде капитализм, и покойники не исключение. Бизнес, я вам сообщу, изумительный! Прежде не то, что нынче. За каждую справочку — извольте денежку. А чем мы хуже? У нас что, не предприятие? Еще какое предприятие! План даем, о чем и мечтать прежде не могли. Зарплату мне повысили, на целых пятьсот рублей! А справочка, — Павел Сергеевич оглянулся, — стоит сто пятьдесят! Только я денег-то не получаю, справки-то выдаю, а денег не получаю. Деньги нужно оплатить в другом подразделении. Был я у них — красота! Мебель импортная, дорогая,

шкафчики изумительные, все с ног до головы в технике и четверо сидят, это только тех, кого я видел. Вот они денежки и собирают. А сверху печать хлоп и ко мне бегом. Чудно, спрашивается, кому дело до покойников? Оказывается есть! Еще какое дело! Великое! Нынче, Виталий Борисович, на покойников повышенный спрос! Так и интересуются, спрашивают, уважаемый Павел Сергеевич, вы уж нам найдите покойничка, а мы отблагодарим. Смотрите!

При этих словах управляющий делами вскочил и продемонстрировал какие-то коробочки.

— Чай цейлонский, английский! Вот чай из Бирмы, а вот этот из Японии! Я их спрашиваю, как же так? Не растет в Японии чай! Места в Японии уже давным-давно нет, чтобы разводит плантации. А мне отвечают: погляди дед, что тут написано? «Made in Japa» — читаю. А что такое «Japa»? Япония! Самая что ни есть Япония? И конфеты несут У меня даже виски есть! Может того, по рюмочке или вам нельзя? Все-таки до чего консервативное у вас ведомство! Нельзя же, право, отставать от жизни, все выпивают, а у вас нельзя!

Виталий Борисович подумал и не сильно дыхнул — выпустил пары застоявшегося где-то в глубине пива.

— Иногда можно, — объяснил он, — но только в разумных количествах.

— Конечно, в разумных! Кто же будет пить себе во вред! А у вас как? В смысле перемен? Поговаривали, форма одежды у вас будет новая, веселей что ли? Чтобы не так грустно смотреть. Карманов на мундире прибавят и, конечно, новые ботинки. Ботинки, я вам скажу, главное. И чтобы по лужам, и чтобы зимой нога не мерзла.

— Обещали, — подтвердил Виталий Борисович.

— А так и понятно — обещанного у нас три года ждут. Ничего, подождем. А вы, получается, все там же — в участковых инспекторах ходите?

— Перевели.

— Сердечно рад! — воскликнул Павел Сергеевич, — а то думаю, если специалистам не давать возможности профессионального роста, кто же нас охранять будет? Сейчас без охраны никак нельзя. Вот и у нас кнопку тревожной сигнализации грозятся поставить. Хотя кого охранять? Покойников?

Виталий Борисович кашлянул — подал знак.

— Понимаю, вопрос имеется, профессионального характера.

— Так точно.

— До или после?

Виталий Борисович еще раз прочистил горло.

— Виски?

— Из Шотландии, — доверительно кивнув головой, сообщил управляющий делами. Они там в своей Шотландии кроме спиртного ничего производить не могут. Либо виски, либо играют в футбол. А те, кто в футбол не играет, пьют виски и смотрят, как другие играют в футбол. Удивительная страна! Я сейчас мигом...

Павел Сергеевич ловко выскочил и помахал какой-то табличкой.

— Чтобы не беспокоили.

«Переучет» — успел прочитать товарищ Шумный и немного смутился — какой может быть в морге переучет?

— А что за вопрос? — уточнил Павел Сергеевич спустя пару минут и ловко разлил по

стаканчикам.

— По городу бродит покойник.

— Так, — кивнул управляющий делами, — днем бродит или ночью?

— Вечером.

— Покойник бродит по городу вечером, — повторил Павел Сергеевич, — один? В смысле провожатых у него нет?

— Неизвестно. Информации на сей счет не имеем, — честно признался товарищ Шумный.

— А что еще известно?

— По непроверенным данным известна фамилия, завтра будет фотография.

— Это уже кое что. Фотография покойника или живого?

Виталий Борисович с ответом не спешил, припоминая, как он обсуждал с управляющим делами непростую тему: живых — неживых.

— Просто фотография.

— Покойника кто-нибудь ищет?

— Я, — ответил Виталий Борисович и отправил шотландское виски по назначению — в глубокую российскую утробу. Отправил и даже не поморщился, хотя пить не умел.

— Род занятий? — поинтересовался управляющий делами и последовал примеру милиционера — лихо махнул рюмочку.

— Это имеет какое-то значение?

— А как же! Причина его появления может быть какая угодно, в том числе и род занятий, проще говоря, профессия покойного.

— Я так думаю... в каком-то смысле, покойный мог быть моим коллегой, — тихо произнес товарищ Шумный.

— Ваш коллега, — повторил управляющий делами.

— Не совсем чтобы коллега, из другого ведомства.

— Понимаю... из другого ведомства... по вечерам... а что вы хотите от меня?

Виталий Борисович неожиданно почувствовал, что управляющий делами как-то вдруг изменился. Ушел в себя, что ли? Однако повеяло морозцем или прохладой — некой отстраненностью и еще чем-то.

— У вас опыт.

— Простите, я хотя и не молод, но прежние времена не застал — повезло. А многим, скажу вам, повезло гораздо меньше. Книжки, поди, читали? Сейчас, Виталий Борисович, при желании любую книжку найти можно. То, о чем и подумать прежде было страшно. Пишут — а кто, затрудняюсь сказать. Кто мог написать — уже не напишет, вышло их время, закончилось вместе с эпохой — в прошлое провалилось, а кто-то в яму провалился. И тут как еще повезет. Яма-то, может, одна, общая и выбраться из нее тоже можно только сообща. Одному никак невозможно — ни сил, ни желания. А кто видел?

— Покойника? На сегодняшний день двое видели, хотя не уверен, что видели они одного и того же покойника. Будет фотографии, будем и думать.

— Конечно, будем — оживился управляющий делами. — Думать обязательно нужно! Что и осталось старикам — так только думать! Молодежь считает, что думает, и тут ошибается. Как, спрашивается, она собирается думать, когда ничего не помнит? Жалко мне нынешнюю молодежь — слепые они и чрезмерно самоуверенные. Закон развития — когда нужно думать — не думаем, а потом уже поздно — в стариков превратились. И так через

поколение — наказание какое-то. Жизнь-то вроде вперед скачет, компьютеры японские, чай английский, а как приглядишься внимательно, течет время вспять. Неуютно, признаюсь и холодно. Год прошел, за ним другой... расширяемся, вы наверно, тоже расширяетесь, сейчас все расширяются, то есть растут вширь, а следовало бы вглубь. Фотографию несите, вместе подумаем, чтобы вглубь, чтобы обсудить, мнениями обменяться. Давайте на дорожку или у вас работа?

— Служба у нас, Павел Сергеевич, — подсказал товарищ Шумный, — это у вас работа.

— И то верно, прежде всегда проводили грань — где работа, а где служба. Потому как служба стоит превыше работы, а, значит, и усилий требует больше. И служить — себе не принадлежать, соблюдать интересы отечества. А интерес этот всего касается, куда ни кинь, куда ни глянь — кругом интерес! И везде отечественный, а как же неотечественный, простой личный интерес? Вот и получается, что личный он уже шкурный, мелкий и пакостный. А когда интересы совпадают — тогда перспективы и для отечества и для тебя лично. Что есть государство? Сегодня одни, завтра другие и интересы у них такие же.

— Какие? — уточнил Виталий Борисович.

— Интересные, — еще больше запутал управляющий делами.

Приближался вечер — еще один итог еще одного прожитого дня. Спешил народ в направлении, противоположном утреннему маршруту. Те же озабоченные лица, вот и малыши с молодой мамашей о чем-то беседуя, неторопливо шагали с работы. Кроха, как и полагается, из садика, а юная мать — неизвестно откуда. Брели домой, чтобы завтра вновь отправиться и вновь вернуться — он пока не вырастет, она — пока не состарится. А затем уже он будет тащить в садик крохотную девочку, а крохотная девочка еще более крохотного мальчика...

Кто и зачем открыл дверь? Взгляд в прошлое и невероятное открытие

Фотография — секундное отражение прошлого. Нажал кнопочку и ты в истории — буднично и никакой романтики. А прежде — событие, которое если и можно с чем сравнить, так только с праздником. И фотограф — если не маг и волшебник, посвященный в некую тайну, то личность уважаемая и творческая. В его власти придать вам больше выразительности, нежели есть на самом деле, сделать мужчину — мужественным, а женщину — загадочной и прекрасной. И говорили прежде не «снимок» или «фото», а портрет, что подразумевает художественный подход мастера, способного перенести на бумагу внутренний мир героя. Никакой оговорки, каждая работа — небольшое произведение искусства, дилетантов и ремесленников среди фотографов прежде не было.

Виталий Борисович почувствовал сразу — перед ним портрет. Потемневший от времени, немного мятый, но портрет. Взгляд в прошлое и такой же ответ. Они смотрели друг на друга: Виталий Борисович и Ефим Пафнутьевич. И если товарищ Шумный видел только серьезного мужчину в кожаной тужурке, ушастых галифе и блестящих сапогах, то товарищ Сидорчук смотрел сквозь своего коллегу холодным и пронзительным взглядом. По всей видимости, он не замечал не только Виталия Борисовича, но и всех остальных, включая фотографа. Неожиданно родилась мысль, как бедный фотограф не только выдержал взгляд, от которого поползли мурашки, но и смог передать его бумаге — еще более равнодушной и холодной субстанции?

— Вот ты, значит, какой! — неожиданно для себя произнес Виталий Борисович, — гость из прошлого.

Ефим Пафнутьевич не ответил, однако и взгляда не отвел — словно собирался пробурить в голове у товарища Шумного дырку. Если на фото остался столь пронизательный взгляд, что тогда говорить о том, кем в действительности был Сидорчук. Можно только представить, какие минуты пережил бедный фотограф, настраивая камеру и глядя в объектив — не позавидуешь.

Горелик, как всегда, не спешил открывать дверь, однако и Виталий Борисович не собирался сдаваться — безжалостно крутил древний звонок. Не открывает! Глянул в пролет, и едва не закрылась голова — высоко!

Вновь подошел к двери и прислушался. Тихо. Но за тишиной кто-то явно присутствовал. Этот кто-то стоял и слушал, как слушает Виталий Борисович!

Толкнул дверь — открылась. Нехотя отползла, обозначив крохотную щель, куда если и поместится, так только такой же крохотный взгляд — не более. В следующее мгновение Виталий Борисович ойкнул — издал и вовсе нехарактерный для себя звук — то ли от удивления, то ли от неожиданности. Глаза! Из темноты на него смотрели два крошечных огонька.

— Алексей Митрофанович?

Огоньки вспыхнули, как угольки в ночи, и стали набирать силу — из зеленых превратились в бледно-желтые. И еще Виталий Борисович почувствовал дыхание — так скрипят дряхлые легкие или подол женского платья.

— Это вы?

Товарищ Шумный на сей раз вздрогнул — вопрос прозвучал над самым ухом, если не в

голове.

Горелик стоял рядом и тяжело дышал. Только стоял он позади, не в квартире, а на лестничной площадке. Стоял и тяжело дышал.

Виталий Борисович возможно впервые за многие годы растерялся и не знал, что ответить.

— А дверь кто открыл? — спросил Алексей Митрофанович и подозрительно уставился на милиционера.

— Сама открылась.

— Сама?

— Я только толкнул, она и открылась.

— Странно, — произнес Горелик, — я помню, как ее закрывал. Или закрывал я ее вчера? Нет, вчера я не мог ее закрывать, вчера я никуда не выходил.

— Там кто-то есть, — мотнув головой, сказал Виталий Борисович, — в вашей квартире кто-то есть. Я видел.

— Что вы видели?

— Не знаю что или кто, но в вашей квартире кто-то есть.

— Что вы видели? — повторил математик.

— Огоньки. Два зеленых огонька.

— А почему зеленые? Зелеными огоньки не бывают. Зелеными бывают глаза у кошки, но у меня нет кошки!

— Грабители?

Рука привычным движением полезла под плащ, другая зависла в воздухе, подавая математику знак оставаться на месте. Со скоростью курьерского поезда пронесли в голове мысли. Дверь отлетела в сторону, а Виталий Борисович внутрь. Щелкнул выключатель, и забило сердечко — никого! Еще один бросок по длинному темному коридору и вновь ни души!

— Оставайтесь на месте, — крикнул товарищ Шумный и перевел дыхание, — куда же он делся?

Следующий бросок уже в другую комнату не удался — Виталий Борисович полетел на пол, выругался, а затем раздался оглушительный взрыв. Хотя стрелять он не собирался — пистолет выстрелил самостоятельно. Однако и схватки не произошло, да и глупо сражаться со старым стулом, через который оперативник полетел. В воздухе противно запахло. Это в лесу на свежем воздухе в ранние утренние часы приятно пахнет порохом, а в квартире — противно. В квартире не должно пахнуть порохом.

— Дурак, — сказал Виталий Борисович и огляделся. Сидел он на полу, в руке пистолет, в носу неприятно пощипывало. Поднялся, слегка прихрамывая, подошел к стене и еще раз выругался — более выразительно и грязно.

Портрет, что висел напротив, смотрел на него с осуждением и немым укором. Смотрел... одним глазом, второй Виталий Борисович отстрелил.

— Твою мать, — тихо произнес оперативник и пожег язык. Глаз он отстрелил не портрету, а пожилой женщине, возможно, ближайшей родственнице Алексея Митрофановича. Попал удачно — в десятку.

Еще через пять минут мрачный и недовольный выглянул на лестничную площадку.

— Заходите, нет тут никого.

— А кто стрелял? — математик не спешил следовать приглашению.

— Я стрелял, оплошал немного.

— И в кого стреляли?

— Еще не знаю, — честно признался Виталий Борисович, — у вас в комнате чей портрет висит?

— В спальне? Матушки покойной...

— Досадное недоразумение, — вновь повинился товарищ Шумный, — вы уже меня извините, не желал я, так вышло.

А вышло и в самом деле глупо.

Горелик долго рассматривал портрет матушки, после чего неожиданно заметил.

— Вы знаете, у нее была катаракта и как раз на левом глазу. Скрывала долгое время, очками пользовалась, только когда читала. Вы не переживайте. Видите, какая аккуратная получилась дырочка? Я ее с другой стороны бумажкой заклею и карандашиком зачирикаю.

— Споткнулся, а пистолет в руке, — объяснял товарищ Шумный, — не собирался я стрелять, он сам выстрелил.

— Знаю, знаю, со мной подобное случается. Скажите, а в мыслях вы были готовы выстрелить? Ну, если и в самом деле здесь кто-нибудь оказался?

— Вряд ли. Оружие как средство самозащиты, как упреждающий фактор. Стрелять только в крайнем случае.

— Выстрелил.

— Непроизвольно.

— Вопреки воле или желанию, — продолжил мысль Алексей Митрофанович, — под воздействием сил неопределенного характера. Очень интересно. Мы совершенно не представляем эти силы, а то, что они существуют, сомневаться не приходится. Дверь же я закрыл, а она открылась! Никогда прежде не открывалась, а сегодня — пожалуйста. И сегодня приходите вы. И пистолет сегодня стреляет. Полагаю, сегодня еще чего-нибудь произойдет... тенденция.

— Чего? — не понял Виталий Борисович.

— Поживем — увидим. Как правило, непредвиденные обстоятельства — обусловленная закономерность, то, чего невозможно избежать. Некий сценарий, который обязан воплотиться в жизнь. Мы с вами — актеры. И не только вы и я, все мы — актеры. Вот только кто пишет этот сценарий? Говорите, в квартире кто-то был? А кто может быть, если живу я один? Допустим, вам показалось. А почему, спрашивается? Должна быть причина!

— Дверь-то открылась, — напомнил товарищ Шумный.

— Вы хотите сказать, ее открыли? Тогда напрашивается вопрос — а кто открыл, если никого нет? Вы же лично убедились — нет тут никого! Скажете, забыл закрыть, однако и тут я вам помочь не могу — не помню! Вроде закрывал, да и как ее не закрыть, если отправился по делам?

— Мне кажется, это была женщина, — неожиданно заметил Виталий Борисович.

— Клавдия Степановна?

— Не знаю, но думаю — женщина.

— Это еще почему?

— Не могу объяснить, предчувствие. Мужчина всегда почувствует женщину и наоборот.

— Животный инстинкт, понимаю. Здесь я с вами согласен, данный феномен лежит в нашей подкорке — неуправляемое чувство подсознательного, унаследованное от наших далеких предков. Женщина для мужчины не только образ, запахи... это значительно глубже,

насколько глубоко, что потребуется вся история рода человеческого, чтобы добраться до истины. Но что нужно Клавдии Степановне в моей квартире? Она сейчас обладает куда большими возможностями, чем вламываться через дверь. Для нее не существует физических преград и пребывает она в несколько ином измерении, куда многим из нас вход заказан. Нечего нам там делать, согласны? Как нечего делать им тут! Если только не опыт прошлого и неисполненные обязательства. Именно опыт может толкнуть их отправиться туда, где их не ждут. Однако тот же опыт прошлого сбивает и вводит в замешательство. Дух без плоти, как разум без тела. Вы что-то хотели сказать?

— Вопрос у меня к вам, — Виталий Борисович полез за фотографией — никого не напоминает.

— Ух ты, какой! Гусар, аксельбанта не хватает! А так — гусар, хотя и без усов.

Алексей Митрофанович впился в портрет, приклеился, явно заинтересованный.

— Хорош! А взгляд?

— Видеть не приходилось?

— Этого? Да вы что! Как его увидишь, если фотографии без малого лет шестьдесят! Сейчас я вам точно скажу.

Горелик поднялся и вышел из комнаты, чтобы вскоре вернуться с большой лупой в руке.

— Антиквариат, — довольный произнес он и повертел лупой перед носом, — замечательная вещь. Если депрессия или уныние — рекомендую. Первое средство, наведите, куда хотите, да хоть бы на себя!

Приблизив увеличительное стекло к глазу, Алексей Митрофанович глянул и выразительно моргнул.

— Странно, год не указан, ... прежде всегда указывали год и артель, где изготовляли снимок. Фотография была хотя и прибыльным предприятием, но в то же время накладным. А в артеле, как в кооперативе дешевле — разделение труда. Есть!

— Что есть? — не удержался Виталий Борисович.

— Тринадцать «бэ»! Сами гляньте...

На Виталия Борисовича смотрели аккуратным почерком выведенные едва заметные крохотные циферки — единица и тройка. А где же «б»?

— Это номер! — воскликнул Горелик, — так прежде номера писали. Буква «б» и вовсе не «б», а номер! «Ять» по ихнему.

— Может быть, может быть, — повторял товарищ Шумный, разглядывая крохотные цифры.

— Тринадцать!!! — неожиданно воскликнул он и тут же услышал не менее взволнованный голос математика.

— Клавдия Степановна!

Точно! На записке, что передал оперативнику Горелик, значились именно указанные цифры.

— Ничего не понимаю, — признался Виталий Борисович, — какое отношение имеет древний снимок к записке покойной?

Алексей Митрофанович с ответом не спешил. Глянул еще раз на фотографию, а уже затем на милиционера.

— Вот бы на него со спины-то посмотреть, на гусара этого. Я же покойника в лицо не видел — на животе лежал. А со спины, думаю, признал бы. Спина у него выразительная — мужественная. Ноги волосатые? Так у каждого второго мужика волосатые ноги. Ботинки! У

него сорок четвертый размер! А у этого?

Вновь принялись рассматривать фотографию — точнее, сапоги Ефима Пафнутьевича.

— Ну никак не сорок второй. Видите? Хотя данный факт доказательством служить не может. У скольких покойников сорок четвертый? А сорок третий?

— Алексей Митрофанович, вам не померещилось? Может, и не было никакого покойника?

— Был! К чему мне вас обманывать? А себя — к чему? И чего, спрашивается, я к нему в лицо не заглянул?

— Испугались?

— Возмутился. Я же когда по лестнице-то спускался, вспомнил день, когда Клавдия Степановна погибла. Иду и размышляю. Я всегда размышляю, такой уж у меня характер вредный. Не может ни секундочки без работы — анализирует, сопоставляет, постоянно в работе. Иду, значит, и подмечаю. И одет как в тот день, и тишина в подъезде стоит поразительно похожая. Вот сейчас, думаю, вниз спущусь, а там покойник лежит. Спустился — лежит! Безобразия какое-то! Словно я его позвал! Понимаете? А лежит он как? Головой вниз. А как лежала Клавдия Степановна?

— Головой вниз, — подсказал Виталий Борисович.

— Совпадение? Может, и совпадение, только мне это не нравится! А если я завтра по лестнице спущусь, и там вновь покойник? Я же с ума сойду! Меня же ваши коллеги затаскают. Еще с давних пор известно — случайных совпадений не бывает. Три совпадения уже не совпадения. А какое у меня алиби? Никакого! Один живу. Скажут: маньяк — граждан с лестницы выбрасывает. Хобби у него — людей в пролет бросать! Ничего смешного. Нынче во что угодно поверишь!

— Перестаньте говорить глупости, — успокоил Виталий Борисович, — никто вас не собирается обвинять. Да и трупа второго нет. Где второй труп? По городу бродит и людей пугает. А замочек на двери укрепите — не помешает. И за мамашу простите — без злого умысла получилось.

— Не нравится мне вся эта чертовщина, — признался математик, — и чего она ко мне липнет?

— К вам? Нет, это ко мне она липнет, — возразил оперативник, — знаете, я же с чертом встречался.

— Да вы что!!!

— Не поверите, и никто верить не хочет. Был один свидетель, так он заикаться начал — впечатлительный попался.

— И как? — осторожно спросил Алексей Митрофанович.

— А никак, посидели, поговорили. На кладбище было дело, несколько лет назад — вполне разумное существо и мыслит здраво, только больно вонючий. Сил нет терпеть, какой вонючий. Курит, кстати говоря, и немного картавит.

— Шутить изволите? — обиделся Алексей Митрофанович.

— Вот и вы не верите, и напрасно. Сами говорили: в жизни всякое случается.

— Случается, — согласился математик, — мой вам совет, как в следующий раз придет Клавдия Степановна, вы сразу ее и спросите. Не тяните, а сразу вопрос, что называется, в лоб. Не ответит — вновь спросите. Не стесняйтесь, не до этикета, а уж если у меня будет информация, непременно дам знать.

Виталий Борисович мысленно усмехнулся.

Не хватало еще одного покойника!

Прошел темным коридором, и прежде чем в прихожей включили свет, прошептал: минуточку! Стояла поразительная тишина, удивительно похожая на ту, в которой он оказался час назад. И вновь за дверью кто-то стоял! Виталий Борисович чувствовал, как, впрочем, этот «кто-то» чувствовал его.

— Это он! — скорее выдохнул, чем произнес товарищ Шумный и рванул дверь...

Ночной фейерверк и любитель почитать ночью

День приближался к своему завершению: об этом подсказывали не только сгустившиеся за окном сумерки, но и посетители. Один за другим они спускались по изящной лестнице вниз. Подходили к гардеробу, минут пять топтались в холле и покидали помещение. Лестница, вне всяких сомнений, являлась визитной карточкой данного учреждения. Она встречала каждого входящего, как помпезный швейцар в строгой ливрее, и с не меньшим достоинством провожала, снисходительно прощая излишнюю торопливость. Шагать по лестнице было удобно: и подниматься вверх, и спускаться вниз. Темная ковровая дорожка поглощала почти все звуки — не важно, принадлежали они изящным женским каблукам или грубым мужским ботинкам. Не меньшим украшением являлась и люстра, однако заметить ее было можно, лишь вскинув голову. Большую часть времени люстра просто весела, включали ее крайне редко в особенно торжественных случаях, к которым вряд ли можно отнести сегодняшний день.

Было прохладно — неизбежная составляющая просторных помещений. Особенно прохладно зимой, и почти все работники постоянно кутались в теплые вещи — кофточки и шарфики. Согревались они и чаем — обязательное условие не подхватить простуду и не заболеть. За окном — начало осени, первые числа сентября, в зале прохладно и тихо. Вероятно, тишина отдает предпочтение прохладе и находит с ней общей язык быстрее, нежели когда шумно. Хотя, возможно, мы не правы.

Небольшого роста женщина в длинной вязаной шали поправила очки и подняла голову. За исключением одного все посетители уже давно вернули книги и спустились вниз. Женщина глянула на часы — заметить их не трудно. Располагались они в доступном взору каждого месте — под потолком, украшенном старинным орнаментом — такие сейчас не делают. До закрытия оставалось пять минут, и всякий уважающий себя гражданин знает — пора покинуть помещение. Поднялась, поправила платье и направилась на поиски припозднившегося посетителя. Раздражения не было — она и сама иногда зачитывалась, теряясь в пространстве и во времени, и только годами установленный в голове будильник подсказывал, когда заканчивается рабочий день. Звали женщину Маргарита Петровна и работала она в библиотеке много лет подряд — всю жизнь работала.

Обошла один зал, другой — никого. Выключила настольную лампу, вероятно, забытую в спешке и вернулась обратно. Стрелка часов двинулась и замерла, подсказывая, что рабочий день подошел к концу. Однако одиноко лежащая на столе карточка говорила, что посетитель где-то здесь. Мимо проследовали коллеги, махнув на прощание — кто в легкой курточке, кто в плаще, и, перебирая ногами, заспешили вниз по той самой лестнице на выход.

Может, он в туалете или в курилке? — мелькнула мысль, и Маргарита Петровна тяжело вздохнула. Не спеша надела туфельки, заглянула в сумочку, чтобы убить минутку — другую, и вновь вздохнула.

Прошли пять минут, еще пять — никто не появлялся. Одна за другой стали гаснуть лампочки, и помещение медленно погружалось в темноту.

— Кирилл Гаврилович? Это Савушкина, у меня потерялся клиент, — сняв трубку внутреннего телефона, сообщила Маргарита Петровна, — Да, проверила, в залах нет. В курилке? Неудобно мне, вы же знаете, не выношу я дыма, да и туалет рядом мужской, неудобно право. Вы уж, голубчик, посмотрите, пожалуйста. Мне подождать? Хорошо, я

подожду.

Прошли еще тягостных пять минут, и вдруг Маргарита Петровна вспомнила о наличии еще одного читального зала — крохотной комнатухе, где стоял столик и пару стульев. Вздохнула. Подождать? А какая разница — как ждать? Вновь поднялась и засемила, с осуждением качая головой.

Разве так можно? А все от чего? Отсутствие воспитания и полное пренебрежение к окружающим. Все проблемы возникают только по этой причине — отсутствия должного воспитания. Вроде и книжки умные читают, и одеты опрятно, а элементарных вещей не знают. Хотя что нынче воспитание? Откуда ему взяться, если в почете совсем иные качества...

Зал был пуст, чему она несколько не удивилась. И освещение кто-то заботливо выключил,... вот только стул забыли поставить на место.

— Ну что?

Маргарита Петровна вздрогнула. — Темный силуэт отделился от стены и стал приближаться.

— Кирилл Гаврилович! Вы меня напугали.

— Нет там никого, я проверил, — ответил мужчина и огляделся.

— И у меня никого.

— В гардероб спущусь, хотя мне бы позвонили. Пойдемте, карточку посмотрим.

Вдвоем они проследовали в обратном направлении, переходя из одного пустого зала в другой. Кирилл Гаврилович на мгновение включал свет и окидывал помещение внимательным взглядом.

— Топить-то когда будут? — чтобы поддержать беседу, спросила женщина.

— Чего?

— Я говорю: топить-то когда собираются, холодно уже. На следующей неделе по ночам заморозки обещали.

— Затопят, не волнуйтесь.

— Книжку оставил кто-то.

— Думаете, его?

— Вряд ли. Брали совершенно другую, исторические мемуары — ничего особенного, местное издание.

— Утащили?

Маргарита Петровна похолодела — еще не хватало неприятностей! Книги, конечно, иногда пропадали, но наиболее ценные, те, что составляли золотой фонд, позволяли читать под бдительным наблюдением работников в специально отведенных помещениях. Однако книги все равно пропадали, что случалось крайне редко и являлось событием чрезвычайным. Маргариту Петровну бог миловал, да и что тащить у нее в отделе? Скорей страничку вырвут, чем утащат. Однако червячок волнения уже закопошился — принялся медленно поедать душевное спокойствие.

— Ну?

Оба стояли у столика Маргариты Петровны.

— Где карточка?

Карточка исчезла!

— Ничего не понимаю! Вот тут она и лежала.

— Поищите как следует, — дал мудрый совет Кирилл Гаврилович.

Явно взволнованная женщина принялась перебирать вещи, и если бы не отсутствие должного освещения, сторож непременно обратил бы внимание, как побледнела Маргарита Петровна.

— Нет! Пропала!

— А книга? — подсказал Кирилл Петрович.

Как он мог вернуть книгу, если карточка была у меня?

— Посмотрите книгу, — настоятельно посоветовал сторож.

— Уффф...

— Чего уффф?

— На месте! — произнесла Маргарита Петровна и улыбнулась блаженной улыбкой.

— Ну и хорошо, — снисходительно заметил сторож, — давайте собираться, а карточку завтра найдете. Если пропала — не велика трагедия, новую оформите, — и, не дожидаясь ответа, нырнул в темноту.

Кирилл Гаврилович пребывал в том возрасте, когда помимо воли начинаешь смотреть на жизнь под несколько иным углом — еще его называют философским. Хотя на самом деле ничего философского здесь нет — обыденный личный опыт, что приходит с возрастом. Изменить его уже невозможно, как невозможно сбросить пару годков — то, о чем мечтает каждый пенсионер. Кирилл Гаврилович ни о чем уже давно не мечтал — последняя его мечта осуществилась к большому удивлению три года назад — он нашел работу. На каком-то этапе после многочисленных безрезультатных попыток махнул рукой и газеты, где печатали вакансии, не покупал. А поработать хотелось, да и рублик лишним никогда не бывает. Однако не везло катастрофически. Как только узнают о возрасте кандидата, тотчас отказ. И вдруг чудо! Чудеса всегда происходят неожиданно — когда их не ждешь. Вот и Кирилл Гаврилович от жизни уже ничего не ждал, а кто предложил? Совершенно посторонний человек — еще одна загадка. Характером Кирилл Гаврилович и ответственный и внимательный, а подать себя не умеет. Чтобы произвести должное впечатление с первого раза — не получается. Пошло, вероятно, с детства — слишком был скромным, а так нельзя, так в жизни не пробиться. Жизнь требует нахрапистых, чрезмерно в себе уверенных, а порой и наглых. И локтями толкаться, и орать громче остальных, тогда и шансов больше, и возьмут скорей — чтобы от нахала отвязаться.

И вот работа. Должность сторожа, женский коллектив и ночные дежурства. Помещение осмотреть, свет выключить, двери проверить, а в остальное время можно и почитать, и поспать можно — как, кстати, многие сторожа и поступают. Кирилл Гаврилович не спал — не позволяла ответственность. Если только под утро покемарить слегка одним глазом, но второй-то глаз начеку. Поэтому утверждать, что сторож спал, было бы несправедливо. И к тому же Кирилл Гаврилович уже по своей личной инициативе через каждые два часа обходил дозором вверенную ему территорию. А чтобы лучше бороться со сном, который, как известно, проявляет себя в предрассветные часы, пил крепкий чай и позволял выкурить сигарету.

Когда человек находится в одиночестве в небольшом по размерам помещении, данный факт создает некую комфортность, как днем, так и ночью. Здание же библиотеки, хотя и было выстроено много лет назад, отличалось простором и даже претендовало на историческую достопримечательность. По крайней мере, в прежние времена на открытках с видами города библиотека занимала далеко не последнее место. Чтобы чувствовать себя уютно, Кирилл Гаврилович выбирал самое крошечное помещение — что-то вроде подсобки,

где и пребывал большую часть времени. Однако всегда в одно и то же время по лично составленному графику обходил здание. Очередной вечер начался в принципе обыденно — просьба Савушкиной осмотреть туалет и курилку не в счет. В остальном все как обычно...

Еще древняя настольная лампа, украшенная зеленым колпаком, сразу привлекла его внимание — неяркий свет бросал блики на потолок. Пришлось подняться на второй этаж по центральной лестнице и выключить. Знакомый маршрут, знакомая тишина и полумрак. Дежурные лампочки позволяли не споткнуться и вернуться обратно. Уже перед входом в свою комнатку Кирилл Гаврилович обернулся, чего прежде никогда не делал. Обернулся и не поверил своим глазам! Лампа вновь горела! Самого светильника он не видел, но видел исходящий свет — крохотный луч пробивался именно в том месте, где он только что побывал.

Вновь подняться и вновь выключить свет — десять минут. Быстрее не получится — не тот возраст, чтобы бегать, да и расстояние все же значительное. Однако едва щелкнул выключатель, как тут же в другом месте почти синхронно вспыхнул свет!

Кирилл Гаврилович растерялся. Пару минут постоял и осторожно двинулся, вглядываясь в темноту. Каким было его изумление, когда, не доходя метров двадцать, лампа погасла! Погасла самостоятельно!

Любой другой, не самый отважный гражданин непременно бы струхнул, однако только не Кирилл Гаврилович. Кого и чего бояться, если не сегодня — завтра встретишься с апостолом Петром? Проводка балует, — решил сторож и тяжело вздохнул. Бегать по этажам и выключать самопроизвольно вспыхивающие лампочки — перспектива мало привлекательная. Ровно через два часа Кирилл Гаврилович отворил дверь своей комнатки и вновь увидел свет. Однако на сей раз он все же принял некоторые меры конспирации и двинулся в обход.

Склонившая мужская фигура была в плаще и, вероятно, что-то изучала. Раздающийся в тишине шелест страниц подсказывал, что припозднившийся посетитель просматривает книгу. И тут Кирилл Гаврилович кашлянул. Зачем он это сделал — непонятно. Свет сию секунду погас, а вместе с ним пропал и посетитель. Досадная оплошность, когда их разделяли каких-то пятнадцать шагов! А кашлянул сторож самопроизвольно — годами сложившаяся привычка взяла вверх. Потухшая лампа сохранила тепло, чего нельзя было сказать о стуле. Стул был холодным, без какого-либо признака, что на нем сидел человек. И никакой книги на столе! А он отчетливо слышал шелест страниц — слух еще прекрасный.

Остаток дежурства прошел в тревожном ожидании и не менее тягостном раздумье. В призраков и иную нечистую силу Кирилл Гаврилович не верил, поэтому возникшие сомнения бедный сторож свалил на разыгравшееся воображение, хотя дальнейшие события заставили по-иному взглянуть на прошедшую ночь. Бегать по этажам и выключать лампы не входило в прямые обязанности, как и объясняться с Савушкиной.

Как только Маргарита Петровна заступила на свой боевой пост, так сразу пришла в ужас. Одной из черт характера скромного библиотекаря, которой женщина в определенной степени гордилась, была педантичность и аккуратность. То, что увидела Савушкина с утра, и в самом деле повергло ее шок. Многие книги занимали на полках явно не свое место, и только слепой не заметил бы, что в них копался чужой. Кто может отважиться на столь дерзкий поступок? Кто остается в библиотеке на ночь? Кто имеет беспрепятственный доступ? Маргарита Петровна была о стороже неплохого мнения, если сказать более точно — вообще никакого. Какое может быть мнение, если все знакомство ограничивается

дежурными фразами?

— Кирилл Гаврилович! — именно так начала Савушкина, вложив в слова все свое возмущение. А чтобы более точно передать чувства, повторила: Кирилл Гаврилович!!!

Сторож повернул голову, и Маргарита Петровна едва не забыла продолжение своего дальнейшего выступления.

Когда человек проводит беспокойную ночь, об этом не трудно догадаться, глянув на его лицо. Если это лицо пожилого человека, какая-либо ошибка исключается.

— Вы не заболели?

— Не знаю, — честно ответил Кирилл Гаврилович, — может, и заболел, а может, давление. Чувствую себя паршиво. Вы что-то хотели спросить?

— Скорее, попросить. Если вы читаете по ночам книги, убедительная просьба — возвращать их на место.

— Я ничего не трогал, — заверил сторож, — я даже к ним не прикасался. Не до того было, не до книг. Бегал всю ночь напролет и гасил лампочки.

— Какие лампочки?

— Обыкновенные — настольные. Не успею одну выключить, другая загорается, и так всю ночь.

— В моем отделе горели?

— Горели. Три раза пришлось выключать.

— Странно.

— Это вам странно, а каково было мне?

— А как же они сами загораются? — спросила Маргарита Петровна, явно сбита с толка. — Вы, думаете, это он? Потерявшийся посетитель, мы его вместе искали. Нужно срочно поставить в известность руководство.

— Давайте не будем спешить, все наши аргументы вызовут смех, да и только. А меня еще и с работы попросят!

Кирилл Гаврилович сказал и испугался. Не тогда ночью испугался, а сейчас. Его же действительно могут уволить! Кому нужен сторож — ротозей?

— Давайте не будем спешить, — повторил он, — и вместе подумаем.

Вечерний визит

За дверью никого не было, если только этажом ниже. Однако и глянув в пролет, Виталий Борисович никого не увидел. Горелик высунул мордочку, испуганно вращая глазами.

— Никого!

— А кого, собственного говоря, вы хотели увидеть? — поинтересовался Алексей Митрофанович, все еще не решаясь выйти на лестничную площадку.

— Того, кто был в вашей квартире, — произнес товарищ Шумный и еще раз глянул в пролет. И тут едва не произошла трагедия — Виталий Борисович даже почувствовал поток воздуха, который его охватил со всех сторон. И себя он увидел — лежащего с разбитой головой лицом вниз!

— Осторожней!

Какие-то миллиметры отделяли оперативника от неминуемой гибели или всего лишь мысль — неуловимое и страшное мгновение. И Клавдию Степановну он увидел — как она вскрикнула и отравилась в полет, смешно дрыгая ногами.

— Ну что?

Виталий Борисович все еще находился там — в полете, только на сей раз он еще что-то чувствовал, а вот что именно — не понял, не смог разобраться.

— Говорите, лицом вниз?

— Кто лицом вниз?

— Мужчина в сером плаще.

— Да, я же вам рассказывал, — Горелик все же осмелел и вышел на лестничную площадку, после чего заглянул в пролет. — Полагаете, он тоже?

— Не знаю... пока не знаю. Скажите, как давно вы здесь живете?

— Всю сознательную жизнь.

— А кроме Клавдии Степановны других случаев не было?

Каких случаев? — Алексей Митрофанович понял тотчас.

— Не припоминаю, стариков-то в доме не осталось, может, они бы и сказали. А кто сейчас скажет? Всякое возможно... — и Горелик испытывающее посмотрел на Виталия Борисовича.

Как он шлепал по мокрым тротуарам, как пришел в отдел, товарищ Шумный не помнил — в голове сидел один и тот же вопрос. Сережа что-то спрашивал, он что-то отвечал и продолжал думать. Покойник определенно был. Там в подъезде на первом этаже был покойник!

Озарение. Кто не слышал, а может, и не испытывал неподвластные разуму, подобно ослепительной вспышке открытия? Посещающие столь неожиданно и, главное, — необъяснимо. словно кто-то невидимый на мгновение позволяет заглянуть за грань и тут же перед носом захлопывает дверь, опасаясь, что допустил чудовищную ошибку — позволил непозволительное!

Виталий Борисович вскрикнул, как будто это он падал в пролет, судорожно дергая ногами. И жизнь пронеслась перед глазами — миф, о котором так любят говорить, и вовсе не миф, а правда.

— Из библиотеки звонили, — сказал Сережа.

Зачем он это сказал? Кто его просил? Разве он не мог сообщить об этом минуту поздней? Что значит минута? А секунда?

Виталий Борисович уже никуда не падал, а сидел на стуле и ничего не понимал. То есть он понимал, что ему представился один-единственный шанс, один из миллионов, если не из миллиардов, и он не воспользовался! Ему не дали — сказали какую-то глупость!

— Какая библиотека? Кто звонил?

— Просят помочь.

— А почему я? — возмутился товарищ Шумный.

Сережа хихикнул и застучал клавишами — новый компьютер, все всяких сомнений, ему нравился.

— Борисыч, ты у нас единственный специалист по нечистой силе, тебе и карты в руки. Можешь не звонить, просьба-то неофициальная.

— Книги украли?

— Еще не украли, но могут. Сходи завтра для профилактики, поговори с умными людьми. Кстати, звонила женщина, — Сережа продолжал барабанить по клавишам, — вдруг это возможность? А что? Абонемент выдадут, на лекцию пригласят или вообще того...

— Чего того?

— Познакомишься, по голосу — симпатичная. Думаю, брюнетка. Я бы сходил, никаких проблем, только она в возрасте. Улавливаешь, Борисыч? Совместишь приятное с полезным. Ты когда последний раз был в библиотеке? Вот я об этом. Лампы у них по ночам моргают — кто-то безобразничает.

— По ночам?

— Так кто днем свет будет жечь?

Может, и не пошел бы товарищ Шумный, отмахнулся бы, как от назойливой мухи, еще от одной проблемы, однако путь домой лежал мимо той самой библиотеки — очага культуры, как было принято когда-то говорить. И памятник стоял — заляпанный дождем и голубями поэт, мрачно созерцающий происходящие в родном отечестве перемены.

У памятника Виталий Борисович и остановился. Голову поднял — поэт стоял на постаменте, скрестив на груди руки. Обошел с одной стороны, затем с другой и улыбнулся. «Народная тропа», о которой когда-то он говорил, все же заросла — выложенная в советские времена брусчатка потемнела, а кое-где скрылась за бурьяном сорной травы. Две скамьи, явно нуждающиеся в обновлении, сиротливо стояли рядом, и присесть на них не было ни желания, ни возможности.

Дверь долго не открывали, хотя и нажал Виталий Борисович на звонок достаточно требовательно — так жмут люди, преисполненные властными полномочиями. Старый дед, вероятно, пенсионер встретил негостеприимно — попросил показать удостоверение и долго рассматривал сначала корочку, а уж потом владельца. Молча бросил под ноги тряпку, предлагая вытереть башмаки, и так же молча повел по красивой и нарядной лестнице.

— Вот тут, значит, все и произошло, — доложил сторож.

— Что произошло? — уточнил Виталий Борисович.

— Как что? Лампочки моргали.

Минут пятнадцать Кирилл Гаврилович водил оперативника по библиотеке. Включал и выключал лампочку и шел дальше.

— А тут, стало быть, они книжки читали. Савушкина сказала — перевернул он ей все книги, а она на меня подумала.

— Вы его видели? — неожиданно спросил товарищ Шумный.

— Кто — я? Никого я не видел! И Савушкина не видела — она дома была, а у меня дежурство в ночь.

— Как сейчас? — подсказал Виталий Борисович.

— Именно. Двери я, естественно, проверил. И пульт у нас имеется, все, как полагается, на сигнализации. Я всегда проверяю, у меня инструкция, не первый год.

— Лампочки при вас загорались?

— И при мне, и без меня. Они у нас на столах стоят, чтобы читать удобно было. Где светильники, а где настольные лампы. Светильники он не трогал, а вот лампами баловался.

— А почему вы решили, что это был он?

— Как почему? — дед с непониманием уставился на Виталия Борисовича. — Я что, мужчину от женщины не отличу?

— Значит, видели, — утвердительно произнес оперативник и включил настольную лампу.

Дед понял, что ляпнул лишнее и отвел глаза в сторону.

— Я же сторож, — продолжил после некоторого молчания он, — спросит начальство, зачем меня здесь держат?

Виталий Борисович с пониманием кивнул.

— Какой он?

— Не могу сказать. Спиной ко мне сидел. Не дошел немного — кашлянул, а свет возьми и погасни, и он тут же пропал, как в воду канул.

Виталий Борисович настольную лампу выключил.

— Как в воду канул.

— Зрение у меня еще хорошее и слышу удовлетворительно, для своего возраста прекрасно, а тут растерялся.

— Где он сидел?

Старик кашлянул.

— Тут и сидел, за этим, получается, столом. А я с той стороны шел, если по лестнице, он меня сразу и заметил бы. А здесь не видно.

Виталий Борисович оглянулся и мысленно похвалил сторожа — все правильно сделал.

— Книги читал?

— Савушкина сказала, хотя и я слышал: шуршит страничками, вроде, как листает.

— То есть что-то искал?

— Не могу знать, — Кирилл Гаврилович вновь кашлянул, — не видел, спиной ко мне сидел.

— А что за книги?

— Да как скажешь, если он их всех как карты перетасовал. Савушкина-то и обратила внимание, мол, кто-то рылся, а у нее всегда порядок.

— Вы мне покажете?

Сторож моргнул пару раз, прежде чем до него дошел вопрос.

— Пойдемте, — и не спеша заковылял.

— Скажите мне вот что, — Виталий Борисович пустил небольшую паузу, — первый раз вы где свет заметили?

— У Савушкиной в отделе, только тогда его там не было. Подошел, лампу потушил и обратно, а у двери обернулся. Смотрю: опять, проклятая, горит! А видел я его уже в другой

раз и на новом месте.

— И вновь читал?

— Страничками шелестел, — уточнил сторож, — вот тут Савушкина сидит, ее хозяйство. А книжки, говорит, с этих полок брали.

Виталий Борисович глянул.

— Посмотреть можно?

— А как же — милиции все можно, только каждую на свое законное место ставьте. Не любит она, в смысле Маргарита Петровна не любит, когда у нее беспорядок.

Почти все книги были исторические и посвящались либо городу с его достопримечательностями, либо людям, которые в нем когда-то жили. Хорошие книги, интересные и поучительные — даже Виталий Борисович на какое-то мгновение забыл, с какой целью он сюда пришел, однако вовремя спохватился.

— А как бы мне с Савушкиной поговорить?

— Маргарита Петровна сейчас дома, библиотека-то закрыта, а если срочно, можно и по телефону. У нас домашние номера сотрудников имеются, только мы обычно не звоним или только в крайнем случае. Мы же не знали, что вы так быстро отреагируете на наш сигнал.

— Говорите, Маргарита Петровна любит порядок?

Сторож кивнул.

— Тысячи книг! И за каждой закреплено свое место, иначе нельзя. Я и сам не люблю, когда мои вещи трогают, а тут фонд — с ума можно сойти! Есть издания крайне редкие, говорят, денег больших стоят. Ну, так как? Звоним?

— Виталий Борисович кивнул.

— Только аппарат у нас в другом отделе.

Сережа оказался прав — по телефону голос у Маргариты Петровны оказался на удивление приятным и совсем не старым. Приятный голосок, тем более, когда ты говоришь с совершенно незнакомым тебе человеком, хотя и представил Кирилл Гаврилович товарища Шумного как полагается.

— Вечер добрый, простите за беспокойство, — начал Виталий Борисович, — к сожалению, не смог поставить вас в известность и предупредить о своем визите, так уже получилось...

Кроме того, что Маргарита Петровна обладала приятным голосом, она выразила готовность, несмотря на поздний час, прибыть в библиотеку. Чтобы не терять времени, товарищ Шумный еще задал несколько вопросов и даже показал фото Сидорчука. Основательно исследовав снимок, Кирилл Гаврилович заглянув на всякий случай и на обратную сторону.

— Вот кабы со спины на него глянуть, — заметил он, — у вас другой фотографии нет?

— К сожалению, нет, — ответил Виталий Борисович и вспомнил Алексея Митрофановича — тот также хотел посмотреть на Судорчука со спины. — Не принято людей фотографировать в таком ракурсе. Либо анфас, либо профиль, а вот со спины...

— Так видел я его со спины! — привел достаточно убедительные доводы сторож. — Как к нему иначе подобраться?

— Ничем помочь не могу.

— И я не могу, — расстроился Кирилл Гаврилович, — а он кто?

— Сложно сказать, — честно признался оперативник, — но нас интересует не меньше, чем ваш загадочный ночной посетитель.

— Снимок-то старый.

— Да, старый, и в этом еще большая загадка.

— Тяжело вам, — решил поддержать оперативника сторож, — времена нынче пошли слишком смутные. Вылезла нечисть неизвестно откуда. Думали, покончили с ней раз и навсегда. Видно, ошиблись — все эти годы часа своего ждала и дождалась. А как хорошо было! В подъезд не зайти — словно в тюрьму заходишь. На окнах решетки, двери металлические, люди как в камерах сидят. Преступники с порядочными гражданами местами поменялись. Они на воле, а мы все, получается, в камерах! Вот вы при исполнении скажите, когда порядок наведут? Чтобы как прежде на лавочке посидеть и с незнакомым человеком по душам поговорить? Сейчас же все друг друга боятся — какой тут разговор на лавочке!

— Время нужно, дайте срок, наведем порядок, — без особого энтузиазма заверил Виталий Борисович.

Маргарита Петровна произвела на товарища Шумного еще большее впечатление своим появлением. Слегка взволнованная, с вечерней прохладой на лице и умными глазами она с полуслова поняла, о чем идет речь, и подробно доложила, как обстояло дело. И Кирилла Гавриловича упомянула, только совсем в ином свете, подсказав, что сторож — человек порядочный, ответственный и позволить подобного безобразия не может. На вопрос, какие именно книги брали с полки, после некоторого колебания выбрали три — все посвященные временам минувшим, стало быть, историческим, касающимся прошлого города, где наши герои и проживали.

Виталий Борисович изъявил желание указанные книги на некоторое время изъять — так сказать, в целях расследования, хотя, по правде говоря, не представлял, что с ними делать. Составили бумагу, где все трое поставили свои подписи, дату и, конечно, название книг, которые оперативник захватил с собой. Фотографию Сидурчука товарищ Шумный Маргарите Петровне не показал, посчитав данное знакомство излишним. На этом и простились.

Всех троих мучили сомнения, каждого свои. Кирилла Гавриловича — опасения, что его могут попросить с работы, Маргариту Петровну — куда подевалась карточка посетителя, о которой она умолчала. Что касается товарища Шумного — он просто запутался в своих мыслях, однако на отдых не рассчитывал — было предчувствие, что и ночью ему предстоит работа — либо просмотреть книги, либо ждать визита гражданки Мухиной.

Холодный пол, холодный взгляд, холодный вечер

Пол был холодным всегда — и летом и зимой, вероятно, потому, что выложили его плиткой — темной и малопривлекательной. Оно и понятно: прежде никому и в голову не пришла бы мысль, чтобы плитка на полу радовала глаз. Чепуха, глупость несусветная! Прежде думали иначе — главное, чтобы было надежно, чтобы грязь легче убирать, а если вообще не убирать, не так заметно.

Лежит минуту, другую, хотя понятие времени ему знакомо не было. И холода он не чувствовал, как и тепла, а хотелось бы...

Лежит и пытается вспомнить — не получается! Так как и память исчезла — одни фрагменты не связанных между собой событий, которых и событиями назвать сложно. Однако он продолжает лежать, пытаясь опуститься в яму. Только там, в яме, на самом ее дне находится ответ. Это он еще понимает, а как опуститься в яму, не знает. Чувствует: кто-то идет, хотя совсем недавно на лестничной площадке было и впрямь тихо. Ни души. Он не в счет — души у него нет.

Тот, кто спускался, тихо бормотал что-то себе под нос.

...Какова вероятность, что он сейчас наткнется на бездыханное тело? — по голосу мужчина, — один процент или два? Согласно теории вероятности...

Вновь тишина, а затем вновь голос.

— Этого не может быть!

Лежал он лицом вниз и поэтому не видел, кто стоял над ним.

Испугался или заметил кровь? Кровь всегда пугает живых, вводит их в состояние ужаса. Дураки! Нет ничего благостней дымящийся субстанции! У него нет крови, у него ничего нет, а кровь и вовсе не кровь — моча это! Когда умирает человек, из него выходит не только дух. Случается, выходит еще кое-что, только самопроизвольно, без согласия своего хозяина.

Сейчас заорет — покойники никому не нравятся — ни себе, ни живым...

— Безобразие! — произнес мужчина, затем перешагнул через тело — это он почувствовал вместе с легким дуновением и теплом, которое зависло над ним на мгновение.

Скрипнула дверь, и все стихло.

Глупо! Ужасно глупо! Чего он добился? Еще один эксперимент? Неудачный, следует признать, как и еще один ненужный свидетель. Он его даже не увидел, только почувствовал. Точно! Он же его почувствовал! Забавно! Это уже кое-что.

Медленно поднялся с пола и глянул вверх. Высоко, чертовски, высоко! Но только для них, а для него — всего лишь крохотное желание. Именно таким образом он и поступил — подумал и оказался на площадке шестого этажа. Хотя почему шестого? Тот придурок падал с шестого. А как он орал! Боже, как он визжал — как недорезанная свинья! Мерзко, противно — никакого собственного достоинства. Разве так можно? А как нужно? То ли дело он сам. Защемило там, где не должно щемить — под левой лопаткой. Именно туда вошел свинец. Аккуратно вошел, не задев ребра, всего-то и не хватило пару миллиметров. И после этого утверждают: где-то есть господь! Что ему стоило — каких-то пару миллиметров! И он остался бы жив — пусть ненадолго, но и этого ему бы хватило сполна. Говорят: душа возвращается на место гибели — обман! Сколько можно лежать на грязном полу и дожидаться свидания?

Раздался писк — отдаленно похожий на комариный — он засмеялся. Как они

обманываются, полагая, что покойникам после смерти встретиться легче, чем живым. Это миф!!! Не встретитесь вы никогда! Слышите? Это говорю вам я! Поэтому не сидите дома — встречайтесь, пока не поздно.

Почему он не может мыслить как прежде?

Еще один писк.

Потому, что больше не будет как прежде. А как будет? Так и будет — никак!

Город изменился — не узнать. Да и как узнаешь, если память пропала? Одни только чувства. Почувствовал знакомый запах — вспомнил. Исчез запах, и тут же забыл.

Он летел долго или так ему показалось. Летел, пока не ударился. Не больно, даже смешно — прежде таких высоких столбов не ставили. А пьяные валялись и прежде и сейчас. Пусть думают, он пьяный. Пьяный тот же мертвец — ему плевать на окружающих и на себя плевать. Мальчик с девочкой идут. Он и она — гимназисты? Тогда почему без формы? Ранцы за плечами, а в ранцах книги, книги, книги...

Книги! Ему нужны книги!!! Люди всегда пишут книги, они не могут не писать! Если они действительно не могут — напишут за них, другие напишут!

Он уже шагал — устал летать. Пройтись немного для разнообразия, чтобы как они, как люди, ногами по грязи, и по луже, и по доске... хорошо, хотя утомительно.

Книги, книги, книги...

Ветер уже подхватил угрюмого мужчину в сером плаще и вместе с опавшими листьями поднял высоко в воздух — мелькнули только холодные глаза.

А вот тут действительно высоко, но не чертовски... там он еще не бывал...

* * *

Особенно понравились сапоги — настоящая свиная кожа и в тон ей тужурка, тоже кожаная. Скрипят — и сапоги, и тужурка — поднимают настроение. Ефим Пафнутьевич прошелся, крякнул от удовольствия и запустил руки в карманы. Повернулся на каблуках и вновь крякнул. Много ли нужно человеку для счастья? Пустяк! Для полного счастья был нужен наган, а лучше маузер в деревянной кобуре. Маузера не дали, дали наган — тоже неплохо! Крутанул барабан и выбросил руку вперед. Сколько же ты жизней забрал, дружок? Судя по возрасту — немало.

— Бах, — Сидорчук выстрелил и представил, как он и в самом деле жмет курок и когонибудь убивает. А этот кто-то еще не знает, что у него настоящий револьвер системы наган, а сам Ефим Пафнутьевич уже совершенно другой человек! Уполномоченный он!

— Уполномоченный, — произнес Сидорчук, вслушиваясь в слово, что ласкало слух и согревало душу. — Будешь капризничать, пушу тебе пулю в лоб! Промеж глаз! Или в брюхо? В брюхо оно болезненней и помирать ты будешь долго — минут десять. Лежишь, смотришь полными от страха глазами и видишь. Не меня, старуху видишь — бабу в черном, а кто ее позвал? Кто в дорогу отправил? Ефим Пафнутьевич! И ждать ее заставил Ефим Пафнутьевич!

Первое крещение с товарищами, хотя называли его одним и тем же словом «мероприятие». Хорошее слово — многозначное, какой желаешь смысл, тот и вложи. Дурак не поймет, а когда поймет, уже поздно, поэтому он вдвойне дурак! Взгляд, как и осанку, перенял у товарищей, так и сказали: смотри на нас и делай как мы. Получилось, конечно, не

сразу, но получилось. Как не удалось сразу пальнуть из нагана, только выгащить. Революция была в опасности даже в тихой мешанской квартире, заставленной дорогой мебелью. Опасность поджидала и в тихой спальне, где спала девочка — не состоявшаяся барыня. А пахло там как? Пряниками и колбасой, наливочкой и шоколадом, и еще чем-то — загадочным и прекрасным. А он в сапогах, а на сапогах пуд грязи и все на ковер, на ковер. На стул сел без приглашения, а стул — он его никогда прежде не видел, даже подумать не мог — ума не хватило, чтобы на таком стуле всю жизнь сидеть. А он и сидит, словно сидел всю жизнь и по сторонам не смотрит, а хочется! Ужасно хочется! А он не смотрит — борется с самим собой. Вот он враг! Тщедушный, с паршивой бороденкой! У этого гада даже борода не растет! Насколько он сволочь, гидра контрреволюционная, что борода у него расти отказывается! Мандат читает! Грамотный! Да чего там читать? На подпись глянь — там все сказано! Опять читает!!! Ну не дурак ли он, в самом деле?

— Золото, деньги, иные ценности, приобретенные преступным путем, сдать не желаете?

Это уже командир Никита — для своих, конечно. А вот для таких с паршивой бороденкой — уполномоченный Семенюк Никита Назарович. Выдержка какая! Нет, чтобы без разговоров в зубы! А он: не желаете в добровольном порядке?

— Приступайте, товарищи.

Ефиму Пафнугьевичу повезло — ему достался комод с дамским бельем. Он, естественно, рисовал в своем скупом воображении всякие там рюшечки и оборочки, но чтобы до такой степени! Народ с голодухи пухнет, а они, сволочи, в белых трусах ходят! Чулочки кружевные, ленточками перехваченные, и сколько этих чулков! А трусов сколько!!! На каждый день, что ли?

— Ну? — у Никиты голос серьезный, а взгляд любопытный, и он, похоже, заинтересовался дамскими панталонами. Или он, как и Ефим, никогда прежде их в живую не видел? Подержать хочет — пощупать собственными руками.

— Нашел чего?

— Ищу, — мрачно процедил Сидорчук и продолжил поиск преступно нажитого имущества.

А потом все дружно пили самогонку и громко ржали, вспоминая «мероприятие». Делились впечатлениями и обсуждали результаты работы. Затем начались «акции» — это уже серьезно, парней брали в оцепление с трехлинейками, чтобы не убежали, а тех, кто пытался, стреляли — клацали затворами, и как в тире, кто быстрее. Ефиму не везло катастрофически — выскочит с наганом, а там уже труп — штыками добивают для верности и экономии боеприпасов.

Чем больше проводили мероприятий и акций, тем больше революция оказывалась в опасности. Работали на износ, исчезла романтика, не хватало самогона, но враг не сдавался. Он множился, как гидра, принимая всякий раз новый образ и переезжая в новый дом. Сапоги уже не радовали, кожаная тужурка пропахла потом, а наган надоело чистить.

Сначала он взял колечко — крохотную безделушку, которую незаметно опустил в карман. Затем еще, уже с бриллиантом, так как понял — за эту дадут больше. Харчи бесплатные, конечно, хорошо, и наган неплохо, но хлебом единым сыт не будешь, а тут оказия славная. Да и у кого берем? К чему им теперь барахло, а революции хватит — вывозили подводами. Первого своего мертвеца Сидорчук не видел — выстрелил вслед, а уж потом ребята добились. Ходить смотреть отказался, хотя приглашали. Куда интересной было

заниматься экспроприацией — слово, произнести которое Ефиму не удавалось три дня.

— Кажись, у тебя первый, — подсказал Никита, — с починным, завтра ставишь. Вот колечко-то и пригодилось. Кроме салца с огурцами кислыми, рыбки купил копченой и колбаски свежей — товарищам понравилось.

— Ну и как тебе? — спросил командир после очередной порции самогона, вытирая липкие пальцы о штаны.

— Вкусно.

— Я о другом, я о покойнике, — направил мысль в нужное русло Никита.

— А что покойник?

— Не страшно было? Все же тварь божья — человек.

Было ли ему страшно? Скорее интересно — попадет или нет. Стрелять-то Ефим не умел, а тут в первый раз и сразу в человека.

— Он же побежал.

— Верно, побежал, действовал ты правильно, согласно инструкции. Чего, спрашивается, ему бежать, если он не враг? Значит, враг, хотя оружия у него не было, ты же вроде его и обыскивал?

— Обыскивал, — согласился Ефим.

— Испугался и побежал, думал, повезет, а тут ты его хлоп и наповал — не повезло. Решительный ты парень, молодец. Скажу тебе, не каждому дано, чтобы вот как ты — решительно и, главное, — наповал. Есть в тебе, Ефим, какой-то стержень, ну что, повторим?

Хотя стержня, как выразился командир, у Ефима как раз и не было. Была пустота — бездонная яма, которая поглощала все чувства — и хорошие, и плохие. Еще таких людей иногда называют уравновешенными. И смеяться они от души до слез не умеют, как и плакать — не получается. Маятник души застыл в среднем положении и не желает нарушить равновесие — качнуться в одну из сторон. Им, вероятно, удивительно легко приходится в жизни — яма-то внутри бездонная.

Выстрелил. А к чему ему наган дали? На боку носить? Или по вечерам смазывать? В тот день он его достал, прежде чем скинуть сапоги и завалиться на матрас. Глянул, возможно, в первый раз с уважением и каким-то трепетом. До чего совершенна человеческая мысль! Это надо же придумать такую штуку, чтобы пальцем нажал, и нет человека! Глаз прищурил, пальчиком пошевелил, и нет человека! А его же кто-то девять месяцев под сердцем носил, прислушивался, имя придумывал, а затем долгими ночами не спал... а тут он, Ефим Пафнутьевич, с казенным наганом — бац!

Враг он! Этот покойник — самый настоящий враг. А побежал он, чтобы завтра придти с господами и уже его, Ефима, из нагана положить или вообще на фонарном столбе вздернуть.

Без нагана нынче нельзя — греет он и уверенность придает. Сапоги и тужурка кожаная — уважение, а наган — уверенность. Однако тут же в голову скакнула новая мысль. Наган-то хорошо, только у него, идиота, железяки бестолковой, мозгов никаких! Кто в руки возьмет, тот и хозяин.

* * *

Домой Виталий Борисович добрался разбитый. Сил не было даже снять башмаки — он их сбросил, сначала один, затем второй. Они разлетелись по комнате, явно недовольные

поведением своего хозяина. Вероятно, даже выругались — товарищ Шумный отчетливо слышал их брань в момент приземления. Книги же бережно положил на стол.

Как давно он читал? Не приказы и постановления, не паршивые и продажные газетенки, которыми и задницу подтереть грешно, а книги? Забавно — одни и те же слова у разных людей производят совершенно разный эффект. Что это? И почему одни чувствуют фальшь и лицемерие, а другие слепы и глухи?

Первая книга, которую он открыл, вызывала интерес. Текста немного — почти одни фотографии, большей частью древние, когда фото казалось магией или колдовской силой. Однако все же первое, потому что и служители церкви с удовольствием позировали, и храмы, взметнувшие свои купола в поднебесную, смотрелись удивительно свежо. Взгляд в историю, полный любопытства — все они смотрели на Виталия Борисовича из прошлого. Почти никто не улыбался — не принято, и для потомков они хотели быть в облике серьезном и ответственном. Он вглядывался в лица уже давно не существующих людей и чувствовал. Что именно — сказать сложно, если возможно вообще. Клубок душевных переживаний — вот что он чувствовал, а как разобраться, как распутать клубок? Каждый снимок — событие, к которому готовились серьезным образом. Надевали праздничный кафтан или мундир, ходили к цирюльнику, чистили саблю или сапоги. Затем еще час готовились — рассаживались в нужном порядке, вставали, менялись местами, вновь садились. Многие волновались, некоторые шутили, чтобы подбодрить остальных и ждали дальнейших указаний. И, наконец, сизый дымок извещал — все они в истории: за многие тысячи верст и десятилетий — в будущем! Там, куда наиболее отважный из них не посмел бы заглянуть, как и солнце, встающее за горизонтом, не могло знать, что там — в будущем?

Страничка за страничкой — он их бережно перелистывал, натываясь на десятки глаз, мысленно проходя по булыжной мостовой и слушая колокольный звон. Стаи ворон разлетались по сторонам, и воздух наполнялся то весной, то летним зноем.

Пожарная каланча и гарнизонный батальон в полном составе. Впереди брандмейстер — почетный и уважаемый в городе человек. Форма, как полагается — фуражка форменная с кокардой губернии и сабля офицерская. Высоченная каланча — весь город, как на ладони. Гостиный двор — центр городской торговли. Тут же на площади и купцы на телегах. Красный Крест — серьезная организация, а люди ее возглавляли ответственные и в обществе уважаемые. Дамы в белых платьях променаж устраивают — уже другой снимок. Дворник в фартуке, в руках метла, а это еще что? — Виталий Борисович пристально разглядывал крохотный предмет на груди. — Свисток! Точно! Это же свисток. Губернатор выступает, речь произносит, а вот здесь Крестный ход и вновь собор. «Архиерейский дом» — прочитал комментарии Виталий Борисович — нет сейчас этого дома, многого, что увидел товарищ Шумный, в действительности уже не было, но осталось в истории.

Полчаса пролетело незаметно — время остановилось, вернее, отправилось в прошлое. Кроме древних снимков в красочном издании — ничего. Виталий Борисович вздохнул: слишком сложное уравнение со многими неизвестными. Уравнение — то, чем занимается Горелик — этот сумасшедший математик. А как он может помочь? Никак! Ну хорошо, пролистает он книги, и что из этого? Кого, собственно говоря, или что, он ищет? Станный посетитель, который то ли был, то ли не был, сидел в библиотеке и что-то искал. Искал именно в книгах, что лежат теперь перед ним...

Ветер выбивает слезу, и спрятаться от него невозможно. Холод уже давно залез в сапоги, в бушлат, а руки стали непослушными и чужими. Они куда-то едут — трясутся на ухабах, ныряя время от времени в темноту — ленивые фонари освещают лишь себя. Он о чем-то думает, наверно, о том, как скоро они приедут. Они — его товарищи, серая масса в длинных шинелях — сидят напротив и молчат. Еще один поворот, еще одна подворотня, и машина встала, но не умерла — хрипит движок, выплевывая через выхлопную трубу грязь с мазутом. Теперь они уже бегут — друг за другом. Ломаные тени, словно призраки, скользят в ночи. Он тоже бежит, боясь споткнуться и упасть. Падать ни в коем случае нельзя — он падает. Что-то липкое и противное — вероятно, лужа, а, может, и не лужа — не видно. Поднимается, чувствуя недовольство к самому себе, и вновь бежит уже один.

— Ты куда? — раздается голос.

Фу ты! Не туда побежал! Бежит обратно, торопится, хотя сил уже нет.

— Комаров!

Кто такой Комаров?

— Я! — кричит из темноты Комаров.

— Вы с товарищем здесь. Тут ваш пост, ясно?

— Так точно, тут наш с товарищем пост.

— И чтобы никаких разговоров! — предупреждает голос, — враг хитер и опасен!

Какой враг? И где его пост — кругом непроглядная темень. Если тень напротив — Комаров, тогда кто он и что тут делает?

— Сейчас начнется, — говорит Комаров, — ты в первый раз? Я в первый, махорочки не найдется?

На посту курить не полагается, однако он лезет в карман и негнуцимися от холода руками пытается развязать кисет с табаком. Не получается, и нехитрое занятие — дернуть за веревочку — дается с трудом. Курят. Он и Комаров согреваются терпким и ядреным самосадам.

— По тревоге подняли, — сообщает Комаров, — ты какой роты будешь?

Он не знает, не может вспомнить, поэтому молчит.

— Не бойсь, — продолжает Комаров, — я устав знаю, в караул неоднократно ходил. В карауле один, а тут нас двое, ты патрон дослал? Я дослал, нынче не то, что прежде, и устав старый не годится. И курить можно. Кукишь им! Мы теперь сами со своим уставом. Вчера на митинг возили и тоже на машинах. Мы теперь всегда на машинах, и называют нас: «летучий отряд партии». Ты в партии? Я еще не успел — не до того, выспаться не могу. Вот как выплюсь, так сразу в партию. Сапоги обещали и харчи регулярно. И то верно — что в этой партии делать голодным и без сапог? Этих видел? Не видел? Они впереди на таксомоторе ехали. Важные, тебе скажу, вот кабы нам к ним устроиться! А что? Говорили, рекомендация нужна. Что-то вроде ходатайства от старшего товарища, но только партийного. А где его взять — партийного? Есть у меня один на примете, занят постоянно — другим рекомендации пишет. А еще говорит, нужна политическая подкованность и самодисциплина.

Комаров негромко хихикнул.

— Кобыла я ему, что ли, чтобы меня подковывать? В политкружок пойду — там

подковывают. Во! Слышал?

Где-то в темноте раздался звон битого стекла.

— Как думаешь, наши? Ты это, винтовку-то с плеча сними, не помешает, все же на посту.

Он глянул и понял — за плечом у него и впрямь висит длинная трехлинейка со штыком — граненным, острым как бритва, тесаком.

— Началось!

Комаров вглядывается в темноту, винтовка наперевес, чинарик в зубах вспыхивает огоньком. Ослепительная вспышка где-то впереди, вслед которой последовал грохот. Выстрел вырвал из мрака стены домов и тут же погрузил в темноту двор. Глухие шлепки — кто-то бежит по лужам. Ее крепче сжать винтовку и ждать.

— Попал?

Голос чужой и незнакомый.

— Попал!

Это уже Комаров, его голос, это он шлепает в темноте с винтовкой наперевес.

— Наповал! — кричит Комаров, — вроде как мертвый.

— А ты проверь, ковырни эту сволочь!

Комаров проверяет — вонзает в бездыханное тело штык — один раз, второй...

— Мертвый! Добегался гад!

Подходят товарищи — серые тени в длинных шинелях — смотрят на мертвеца.

— Теплый еще, — говорит кто-то, — глаза-то закрыть или так оставить?

— А ты ему еще свечку в руки дай, — шутит другой.

— Ефим! Пойдешь посмотреть?

У мужчины в кожаной куртке и наганом в руке из ствола идет дымок — это он стрелял. По всей видимости, он — Ефим.

— По местам, товарищи, — кричит еще кто-то, — акция продолжается, не теряйте бдительность... этого в грузовик. Подхватив мертвеца за руки и за ноги, на счет раз-два-три кидают в грузовик.

— И впрямь, теплый, — делится своими впечатлениями один из товарищей, — ловко они его шлепнули, аккуратно в сердце, только со спины.

— На вскидку стрелял.

— На вскидку в сердце сложно, на вскидку вообще сложно попасть.

— Тем более из нагана.

— Из нагана стреляли? А чего у него брюхо разворочено?

— Проверяли, — объясняет Комаров. В зубах у него новая сигарка — длинная, толстая и горит она исправно. — Может, он того, сволочь, притворился убитым. Упал со страха...

— А тут его наш Леха штыком в пузо! — смеется еще одна тень в шинели. — Штыком-то оно верней, после штыка не отвертишься...

Виталий Борисович открыл глаза — в комнате тишина. Ни машины, ни товарищей, видно, уехали — акция закончилась.

Ерунда какая-то! Однако чувство, что он действительно был там, не покидало. Вкус горечи от табака, а ведь он не курит и никогда не курил. Замерзшие пальцы и воспаленные глаза — они с трудом ворочались в темноте. Комаров. Знакомого с такой фамилией он не имел и не встречал. Ефим?

Он, наконец, окончательно проснулся и опустил ноги.

Ефим Пафнутьевич Сидорчук — человек с фотографии в кожаной тужурке! Стрелял именно он и попал — убил человека.

— Уравнение? Да уравнение! Вся наша жизнь уравнение!

Сидели на кухне — товарищ Шумный и математик Горелик, который вновь чистил картошку. Неумело чистил, слишком много снимал кожуры, от чего клубень превращался если и не в горошину, то терял большую часть своего объема.

— По идее можно просчитать все, — заверил Алексей Митрофанович, — однако в любом уравнении обязательно должны быть исходные данные, когда кругом сплошные неизвестные, это уже не уравнение. Всегда нужно от чего-то оттолкнуться, как при ходьбе. Как вы будете ходить, если нет опоры? Хотя и неизвестные данные играют существенное значение. Как мыслит человек? В заданном направлении, что-то похожее на вектор. Возьмем окружность. Если вы не знаете, что она составляет триста шестьдесят градусов, как вы будете ориентироваться?

— По солнцу, — неожиданно для себя ответил Виталий Борисович, который все это время испытывал опасение, что нож в руках Горелика соскользнет.

— Днем по солнцу, ночью по луне. А если погода пасмурная и, добавим, безветренная? Сидеть и ждать? Надеяться, когда решат на небесах? Вы знаете, человечество развивается стремительно. Не в количественном отношении, а в интеллектуальном. Порой чрезмерно стремительно, только сделанные открытия носят прикладной характер.

— Это еще как?

— Как? А вот так! — улыбнулся Горелик, — нужен был свет — изобрели лампочку. Вроде, проблема решена, а как же огонь? Существует сам по себе, не спрашивая разрешения, оставаясь не союзником человека, а его злейшим противником. Кто кому бросил вызов? Уравнение? — Уравнение! А кто его собирается решать? Некому! Потому что существует лампочка! А где вы в природе видели лампочку?

— Светлячок, — подсказал Виталий Борисович.

— Светлячок — не лампочка, он наделен божественной силой, все его существование подчиненно законам мироздания и он совершенно далек от каких-либо корыстных желаний.

— Значит, невозможно?

— Я не сказал: невозможно, я сказал: почти невозможно, — ответил Алексей Митрофанович и взял еще один клубень.

— Трудность заключается в том, что мешает субъективизм. Он является и тормозом и движущей силой. Это альфа и омега. Может ли черное быть белым и наоборот? Глупый вопрос для умного человека. Может! День и ночь — разве это не доказательство? Один и тот же вид из окна днем и ночью. А кто задумывался? Открытия, дорогой мой, часто случаются, когда мы отвлекаемся от устоявших стереотипов и глядим на мир, словно в первый раз! Иначе невозможно! Иначе мы в плену у самих себя! Вы полагаете, ученые какие-то особенные люди? И у них все по-другому? Нисколько!

— Почти невозможно — это как? — перебил Виталий Борисович, — один процент из ста?

— Может, из тысячи, а может, из миллиона. Мы узнаем, когда найдем этот единственный процент.

— А как посоветуете вы?

— Я?

Горелик бросил клубень в кастрюлю.

— Если я вам скажу мое мнение, это будет мое решение. Понимаете, мое! Но не ваше. А задача стоит перед вами, стало быть, и решение должно быть тоже вашим. Совет — вещь полезная, но куда полезней поощрение. Вы никогда не задумывались, почему одни нации преуспевают в тех областях, куда другие и ногой не ступали? Мы же все одинаковы и созданы из одного материала, наделенные в равной степени божественной искоркой!

— Не задумывался, — честно признался Виталий Борисович, — некогда мне.

— И правильно сделали! — окончательно сбил с толка Горелик.

— Они никого не слушают и не оглядываются по сторонам, а заняты своим делом, вот как вы.

— Образования мне не хватает, я же этот... из народа.

— Замечательно! Я тоже из народа. Батюшка мой с сохой не стоял, но и в графах не числился. Родословная, которой так многие гордятся, не более чем парадный камзол. А камзол могут пожаловать любому и в самый неожиданный момент. Его только стоит заслужить. Образование, воспитание — все это составляющие, но не определяющие факторы развития человека. Искра божья — она определяет, кем ты станешь и как пройдешь извилистой дорожкой. Ночью спите или думаете?

— Сны вижу, а прежде не видел, — как-то грустно признался Виталий Борисович.

— Не было причины. То есть причина-то была, а вы не замечали.

— Пугают они меня.

— Не они вас пугают, а вы их боитесь, — поправил Алексей Митрофанович. А боитесь — к размышлению склоняют, думать заставляют, а вам — некогда. Клавдия Степановна приходила?

— Не приходила.

— Значит, плохо звали.

— Я ее не звал.

— Но думали. Верно? Думать-то думали?

— А как мне не думать! — возразил Виталий Борисович, — дело же закрывать нужно. Сегодня опять звонили — ругали. Им статистика нужна, показатели, а мне — истина.

— Истина, как и правда, — заметил Алексей Митрофанович, неумело строгой очередной клубень, — у всех разная. Но вы сказали истина. Не правда, а именно истина. Значит, и человек вы совестливый. Когда кто-то в разговоре подчеркивает, что он говорит правду — это настораживает. Выходит, все, о чем он говорил прежде, — неправда. Совестьливый боится неправды, она для него тот же яд, а для человека лицемерного — средство к существованию. Обмануть кого-либо — себя обмануть. Плоть глупа и неразборчива, с разумом она не дружит. И кто из двоих возобладает и верх возьмет — решать человеку. Картофель возьмем — почистил, в кастрюлю бросил, водой залил и на огонь поставил. А уж каким он получится — не нашего ума дело. Все, что позволено, — смотреть, да огня убавлять. Картофель для всех един, для вас, для меня, и никто не возражает — глупо возражать. А что есть истина?

Горелик поднял глаза и внимательно посмотрел на Виталия Борисовича.

— Исть она. Вслушайтесь! Исть она. Не в смысле продукта питания, а нечто существующее помимо воли человека, вне его желаний, а может, и вопреки. Проще говоря, объективно, как солнце, которым человек восхищается или ругает, использует или игнорирует, но без которого нет существования. Так же дело обстоит и с истиной. Только на

солнце посмотреть можно, а истину следует чувствовать. Клавдия Степановна придет, не сомневайтесь — у нее сейчас забот и хлопот хватает, с каждым пообщаться, мнение выслушать. Сколько людей она встретила здесь? Вот каждого и следует посетить, необязательно знакомых и близких. Вы же ее прежде и не знали, и не встречались, а она к вам одному из первых пожаловала и не единожды. А то, что в образе странном, так это, может быть, мы странные. Откуда нам знать? Если для нас верх там, а низ тут, то для них ни верха, ни низа вообще не существует! Вот вам и объяснение логическое.

— В прошлое попал, — неожиданно признался Виталий Борисович.

— Во сне? — уточнил математик и поставил кастрюлю на плиту.

— Вчера ночью, прилег на кушетку и оказался в машине с красноармейцами. Еду куда-то, а куда неизвестно. Потом сообразил — в оцепление поставили с каким-то Комаровым. И все реально — ветер дует, темно, холодно. Стоим и разговариваем, только я себя не вижу. Чувствовать — чувствую, но не вижу. А затем, ... — Виталий Борисович полез в карман, — вот этот человек убил другого человека. Из нагана стрельнул и убил. Звать его Сидорчук Ефим Пафнутьевич. Как звать другого, не знаю, и почему он его убил, тоже не знаю. Но думаю, знал Сидорчук. И что более занятно — видели его на днях в нашем городе. Психически нормальный человек видел — я справки наводил.

Алексей Митрофанович молчал.

— Сходство с фотографией поражает, поэтому свидетелю я верю, как верю и в то, что Сидорчук появлялся ночью в библиотеке. Изучал книги, теперь эти книги изучаю я, и как вы догадываетесь, ничего понять не могу. К чему я вам это все рассказываю?

Горелик моргнул и включил газ.

— Чтобы не забыть, — объяснил он.

— Что не забыть?

— Вы не поняли, чтобы о картошке не забыть. В прошлый раз почистил и забыл — испортилась. Теперь главное — не забыть выключить газ, а уж потом не забыть съесть. К чему вы мне все рассказали? А кому еще вам рассказывать! Тема слишком деликатная — засмеять могут или вообще... того.

— Вот именно, того, — согласился Виталий Борисович, — выгонят на пенсию без пенсии по состоянию здоровья.

— А скажите, зачем вам это надо? Как только вы закроете дело, все ваши кошмары прекратятся.

— Я не говорил «кошмары», — возразил Виталий Борисович. — Спрашиваете, зачем? Вы же меня провоцируете. По городу бродит призрак. Призрак из прошлого. Что ему надо?

— Вы помните дом, где стояли в оцеплении? — неожиданно поинтересовался математик.

— Дом?

— Да, дом, где стояли с этим... Комаровым?

— Нужно подумать.

— Подумайте, подумайте, а как надумаете — сходите.

— Вы полагаете?

— Ассоциативное мышление.

— А что это даст? — вопросом ответил оперативник.

— Толчок для дальнейшего размышления. И мысли новые появятся. Вы же закисло, топчетесь на одном месте, а для решения уравнения необходимы свежие данные. Картошку

будете?

— Неудобно, право, сначала чай, сейчас картошку, в следующий раз на ночлег напрашусь, — пошутил Виталий Борисович.

— А хотите, вместе сходим? Я город прекрасно знаю, не нынешний, а тот — прошлый.

Кроме темноты и мрачных силуэтов Виталий Борисович ничего не помнил, однако дерзкое предложение найти дом ему понравилось. Вот только как найти этот дом? И существует ли он сейчас? Подворотня! Они заезжали под арку...

— Вспомнили?

— А вдруг?

— Ну говорите! Говорите же!

— А вдруг это ваш дом?

— Наш? — не понял Алексей Митрофанович.

— Да! Дом, где мы с вами находимся. И арка у вас есть, и подворотен хватает.

— Еще что-нибудь вспомните, какую-нибудь деталь, этого явно недостаточно, два совпадения еще не повод, нужна, по крайней мере, третья, чтобы избежать ошибки.

Третья! А где ее взять? Эту третью составляющую!

Виталий Борисович закрыл глаза в попытке вернуться в прошлое...

* * *

— По машинам, товарищи, — голос надрывный и командный.

Товарищи неуклюже лезут в грузовик — мешают те самые винтовки под два метра. Рассаживаются вдоль борта — кто на корточки, кто на влажные и грязные доски.

— Трогай, — кричит тот же голос, и машина послушно трогается с места. Но трогается она с рывком, от чего вдоль борта пробегает живая волна. Кто-то падает на мертвеца — он лежит тут же, широко открыв глаза. Многие смеются над неудачником, над тем, кто свалился на покойника. И сам неудачник вынужден присоединиться к хору грубых голосов — скалит зубы, продолжая сидеть на трупе. Кроме убитого не смеется еще один в шинели.

— А чего? Так даже удобней, — говорит неудачник, — жалко только, что не баба.

Новый взрыв хохота. Его колотит, но не от ветра и холода. На ухабах мертвец бьется затылком о доски и мотает головой — получается смешно. Они смеются, он — нет. Ему противно сидеть рядом и слушать их смех. Ветра нет, но в глазах стоят слезы. Еще один толчок на рытвине, и она ползет вниз — длинная тоненькая струйка. Говорят, соленая. Холод уже давно залез в сапоги, в бушлат, а руки вновь стали непослушными и чужими. В руках у них винтовки, и все они напоминают какое-то мифическое чудовище, ошестинившееся длинными и грозными шипами. Куда-то едут — трясутся на ухабах, ныряя время от времени в темноту — ленивые фонари освещают лишь себя.

— По Камышенской поехали, — кричит кто.

— Так оно быстрее получится, — соглашается другой голос, — я, мужики, срать хочу!

— А ты в сапог.

— В твой?

Всем весело, иначе нельзя, иначе страшно — покойник рядом, и хотя он на них не смотрит — все равно, страшно.

Александр Николаевич Кузнецов болел тяжело, долго и даже как-то привык — удивительное свойство человеческого организма. Радикулит не беспокоил, он также внезапно прошел, как и появился. Поэтому, вероятно, проблемы со спиной радикулитом не являлись. Но болело что-то другое, а что именно — не понять. Не понял и участковый врач — серьезная женщина в белом халате, которая долго и внимательно изучала Кузнецова. Единственным симптомом, доказывающим окружающим, что с ним что-то не в порядке, была слегка повышенная температура и, конечно, внешний вид. Александр Николаевич осунулся, под глазами синяки и неприятный цвет лица, приобретающий всякий раз иные оттенки. Вечером при свете лампы — желтоватый, при включенном торшере — зеленый, а в темноте и вовсе бледный с синевой — вылитый покойник. Слабость при передвижении и полная апатия ко всему. Даже к деньгам! Кузнецов о них забыл, а Зоя Константиновна тактично не напоминала.

Болел Александр Николаевич следующим образом — лежал в кровати. Первое время отказывался от пищи, а в туалет ходил, когда его об этом просили. Что творилось у него в голове — сказать не можем. Не мог сказать и сам Александр Николаевич. Иногда, когда в комнате никого не было, читал стихи — бормотал себе под нос всякую глупость, которую тут же и забывал. Свидетелей оценить его мастерство, по понятным причинам, не нашлось, хотя наговорил Кузнецов на полноценный сборник. И получилось недурственно, по крайней мере, краснеть бы не пришлось. Однако кроме уже обозначенной поэмы «Свиная лопатка» никто и никогда не узнал о скрытом таланте, проявившем себя в столь необычный период.

Дарья Никитична, оказавшись совершенно случайно рядом, выдвинула свою версию и поставила свой диагноз, в народе известный как порча. А следовательно, и лечить заболевание требовалось с несколько иных позиций, далеких от традиционной медицины. Так и поступили: согласились на один, так сказать, официальный диагноз, который устраивал медицинских работников, а лечили средствами народными, нетрадиционными. Что касается Кузнецова, ему лично было наплевать, какие лекарства принимать — он только открывал рот.

Обстановка в доме преобразилась и напоминала небольшой лазарет. Дарья Никитична с утра мыла полы, проветривала помещения с последующей дезинфекцией. Снимала у зятя показания температуры, давления и вносила в журнал — тетрадку, которую ей любезно выдал внук. Павлик, вероятно, также расстроился из-за отца в той степени, какой могут расстраиваться дети, смутно представляя серьезность заболеваний и что они могут с собой нести. Чтобы не причинять дополнительные хлопоты матери, он стал по возможности чаще бывать дома и даже проявил некоторое участие, отправляясь в аптеку. Однако Дарья Никитична ему не доверяла. Она вообще никому не доверяла и подвергала критике почти все препараты, приобретенные в государственных учреждениях.

Прошла неделя. К больному стали привыкать, включая и Александра Николаевича. Болел он уже не с тем вдохновением и стихи читать прекратил — болезнь, видимо, отступала. Стал регулярно ходить в туалет и даже попросил ухи, что вызвало приятный переполох. Зоя Константиновна отпросилась с работы на пару часов и отправилась на рынок — только там можно было купить экологически чистый продукт. Кстати говоря, купила она трески в ларьке у грузного мужчины, не обратив на данный факт должного внимания.

Приходили и сослуживцы — небольшая команда из трех человек. Принесли дежурный набор — апельсинов, яблок и, на всякий случай, книгу «Позаботься о своем здоровье сам». Поговорили, сообщили последние новости, сказали, как они сильно скучают, как им всем не хватает Александра Николаевича и прочий бред, который говорят больному. Кузнецов как обычно лежал, но уже не в кровати, а на диване, в теплом свитере, вязанных шерстяных носках и спортивных штанах — универсальная униформа российского больного. На вопросы отвечал последовательно, то есть говорил либо «да», либо «нет». Один раз улыбнулся улыбкой человека, который в принципе готов пойти на поправку. Сидели двадцать минут — на большее не хватило сил ни у больного, ни у посетителей.

На второй неделе Кузнецов стал задавать вопросы и интересоваться событиями окружающей жизни, в частности спросил, произошли ли изменения в составе его футбольной команды, и с каким счетом закончилась игра на выезде. Чтобы закрепить положительные результаты лечения, Павлику поручили собрать всю необходимую информацию в данной конкретной области, что и было неукоснительно выполнено. Дарья Никитична также не сидела, сложа руки, и приступила к поиску возможного источника заражения, а именно, кто являлся центром зла и в чем заключалась причина агрессии, вылившаяся в тяжелую болезнь. С этой целью она опросила сначала дочь, затем и внука обо всех недоброжелателях Кузнецова. После чего, проявляя крайнюю осторожность, переключилась и на самого Александра Николаевича.

К большому огорчению, недоброжелателей не нашлось — со всеми Кузнецов поддерживал ровные товарищеские отношения. Завидовать ему было не в чем, сердиться или желать неприятностей — тем более. Дарья Никитична ничего не понимала! Как можно прожить жизнь, не нажив ни одного, самого захудалого врага? Действительно, будь ты ангелом во плоти, в твою сторону обязательно кто-нибудь плюнет! Так уж устроена человеческая натура — найти какой-нибудь порок или изъян, а если его и в самом деле не существует — придумать! Прилепить, как лепят ярлыки, а уж потом плюнуть! И возрадоваться — пролить бальзама черту и компании.

— Зоя, — спросила как-то вечером у дочери Дарья Никитична, — ты ничего не путаешь? Он у тебя святой, что ли? Вы хоть ругаетесь иногда?

— Ругаемся, — успокоила Зоя Константиновна, — просто Саша беспроблемный.

— Это еще как?

— Не любит он проблем, избегает, и к нему тянутся люди. Ты же знаешь, есть люди, которые притягивают к себе несчастья — мелкие или крупные. С ними постоянно происходят всяческие недоразумения. Купил в магазине утюг, а он через день сломался. Мастера посмотрели — нечему там ломаться, а он сломался! Сел на стул — ножка отвалилась. Пошел мыться — отключили воду.

— Знаю, есть такие, — согласилась Дарья Никитична, — только они невезучие, совершенно по другой причине, нежели думают люди. Можно родиться тринадцатого числа и быть счастливым, а можно чувствовать себя несчастным, купаясь в деньгах.

Зоя Константиновна вздрогнула, что не могло укрыться от матери.

— Ты чего?

— Ничего.

Сердце матери — совершенный локатор, который не пропустит мимо самую крохотную, для глаза невидимую частичку огорчения или тревоги. Он чувствует за тысячи километров днем и ночью, при солнце и в бурю — а тут, если не судорога, так дрожь.

— Ты что-то не договариваешь, — подметила старушка, чем, впрочем, и ограничилась — лезть в душу дочери и требовать объяснений не входило в ее правила. Будет нужда — сама расскажет. Случайно брошенное слово, что заставило содрогнуться, — кто не испытывал подобного? Без видимых причин собеседник неожиданно подсказывает вам или вообще дает ответ на вопрос, который так долго вас изматывал и причинял душевные страдания...

* * *

Даша сидит на лавке и болтает ногами — ей интересно. Вокруг суета — бегают отец — взмыленный и злой — он что-то кричит матери. Обычно он себе подобного не позволяет — всегда уверенный и какой-то степенный. И борода у него обычно ухоженная и опрятная сейчас смешно топорщится.

— Быстрее, — кричит отец. Он рвет какую-то материю и бросает матери, — чего возишься! И серьги сними.

— А колечко?

— И колечко.

У Даши тоже есть колечко, только чтобы оно не тускнело, приходится каждый день его натирать войлоком. Так она и делает — берет старый валенок и натирает колечко. Получается изумительно. Колечко преображается, словно просыпается, и переливается всевозможными огоньками. Лучше всего колечко блестит на солнце — сейчас солнца нет.

— А ты чего расселась?

Вопрос, видимо, адресуется ей.

— Ступай немедленно во двор, — мрачно произносит отец, уже сожалея о своей грубости. Даша знает: батюшка ее любит и позволяет почти все — залезть к нему на коленки, даже когда в доме чужие люди, трогать бороду и крутить усы. Усы у нее никогда не вырастут. Так сказала матушка — у женщин усы не растут.

— Если кого чужого увидишь, беги к нам, поняла?

Даша кивает головой и направляется через дом во двор. Дом ей нравится — в нем много места и всегда можно спрятаться. Спрятаться так, что никто никогда не найдет. Можно залезть под лестницу или в пустую бочку, как она однажды и сделала. Сидела в бочке и слушала, как ее ищут. Переполох был страшный, потому что Даша уснула. Как сидела, так и уснула, а они продолжали искать. Отец и на речку сбегал, и на барскую усадьбу — нет дочери! Пропала! Одних соседей на ноги подняли, других — мать уже слезы не может сдержать, а тут она — Даша: здравствуйте! Как ее целовал отец! Он же ее никогда прежде не целовал! Она — да, перед сном прикоснется губами к шелковой бороде и что-то пробормочет, каждый раз новое. А батюшка сияет, огнем изнутри горит — она чувствовала этот неземной жар и видела, как незаметно увлажняются у отца глаза — покрываются тонкой и прозрачной пленкой.

На дворе тоже суета, в смысле беспорядок — ворота настежь, дверь в амбар не прикрыта, а в коровнике — пусто! Лошади, запряженные в телегу, брошены посреди двора, и никому нет до них дела. А сами лошади усталые фыркают, таращат глаза и ничего не понимают.

Даша берет ведро. Тяжелое! Одной ей поднять не под силу, поэтому она наклоняет ведро и сливает воду. Вновь пытается поднять и вновь не может,... наконец ей удается

оторвать ведро от земли и дотащить до места, где стоит подвода. Даша знает, после дальней дороги поить лошадей сразу нельзя. Но времени уже прошло сколько, как вернулся батюшка? От лошадей пахнет потом и дальней дорогой, прилипшая к бокам грязь превратилась в корку — Даша ее аккуратно отдирает.

На крыльце появляется матушка. Одета она более чем странно — в какое-то старое платье, Даша его не помнит. Мать бежит к воротам и долго не может их закрыть — ворота кованые железом добротные, поэтому и тяжелые — получается не сразу.

— В дом, — шепчет матушка, заметив дочь, — переодеться срочно.

Бегут в дом.

— Дверь! — кричит отец, — набрось задвижку.

— Я ворота закрыла.

— Дверь! Закрой в сенях дверь!

— Убери подсвечники, — в ответ кричит матушка, — они серебряные, — и тащит Дашу за руку. Ей больно, однако мать не чувствует, что дочери больно, и продолжает тащить Дашу за руку.

— Господи! Творче и Владыко мира! Призри милостиво на создание Твое! Отведи злобу, вспомни, как беспредельна твоя любовь! Спаси и сохрани... держи...

Из сундука летит какой-то старый сарафан.

— Переодевайся, деточка, переодевайся, — требует мать и вновь что-то шепчет себе под нос. До слуха доносится только обрывки слов — на всякий час... поддержи меня... дай силу перенести, а дальше — Святые Божий, Святые Божий, Святые Божий...

* * *

... Заходят люди, много людей, почти все незнакомые. Кто они? И что делают в нашем доме? Батюшка не похож на батюшку — это какой-то чужой мужчина с взъерошенной бороденкой. И ростом он стал ниже, и глаза потухли — в них кто-то поселился — прежде Даша его там никогда не видела. Этот «кто-то» пугающий и мерзкий — она его чувствует и поэтому стремительно бежит к отцу — хватает за ноги.

— Не волнуйся, доченька, — тихо произносит батюшка и пытается погладить по головке.

Он сам волнуется! В тысячу раз больше, чем она. Даша сжимает из-за всех сил ноги отца.

Теперь и она понимает: в дом пришло что-то страшное.

— Ребенка убери, — раздаётся приказ. Ребенок — это она, Даша. Нет, она уже не ребенок, она — волчонок! Сгусток ненависти, готовый цапнуть любого, кто приблизится. Укусить, лягнуть, выцарапать глаза... даже убить! Только она не знает — как нужно убивать!

Сидят в комнате — она и матушка. Чужие люди ходят по дому — стучат сапогами, иногда бросают взгляд — кто любопытный, кто равнодушный, кто — ехидный.

— Скотина где?

Отец молчит.

— В лесу, сволочи, спрятали, — говорит кто-то.

Сволочи — это они: любимые матушка с батюшкой и она — Дашенька.

— Зерно тоже вывез, — подсказывает кто-то, — в амбаре-то пусто.

— Найдем. Думаешь, один такой шустрый? Видали и пошустрей. Только где они? Постановление читал? Не читал? Нам не трудно, мы и прочитать можем.

Читают.

Слова следуют одно за другим, непонятные и пугающие, разлетаются по избе, кружат в воздухе, от чего и сам воздух становится гнетущим и тяжелым.

— Слышишь? — грозно спрашивает голос и продолжает читать дальше.

— За неподчинение и саботаж, нажитое преступным путем имущество подлежит экспроприации и обращению в пользу государства. Как крайняя мера, допускается революционный суд и ликвидация особо опасных элементов из числа мелко буржуазной среды и кулаков. А ты у нас кто? Если завтра не будет зерна, не будет и тебя. Слышишь? Завтра! И бегать по лесам мы не собираемся — сам побегаешь!

Хлопают двери, но в доме еще долгое время стоит запах тяжелого мужского пота, махорки и... ненависти. Вся эта адская смесь перемешалась, облепила стены, залезла в голову — Дашенька хочет спать. Хочет, но не может. Еще она хочет спросить, что такое «ликвидация»?

— Отдай, Семен, — шепчет мать, — все отдай, себе дороже встанет.

Батюшка молчит. Теперь это не чужой мужчина с взъерошенной бородашкой, — это старый дед с потухшими глазами. Правда, иногда в них вспыхивают пугающие зловещие огоньки, и тогда старик превращается в злобного карлика.

— Кабы не вы, — вдруг говорит карлик, — я бы их всех тут и положил...

Матушка крестится, карлик плюет на пол.

— Всех паразитов вилами заколол бы... нажитое преступным путем имущество! Ишь ты, как повернули! Преступным путем!

— Отдай, Семен, отступись от сатаны. Господь тебя не бросит. А злоба есть дело дьявола. Главное — вера и надежда, с ними не потеряемся, выстоим.

— Так они по весне вновь придут! Братъ — не работать! Землю — крестьянам! Тьфу! — и батюшка грязно выругался. Не слышала таких страшных слов прежде Дашенька, не звучали они никогда, да и представить она не могла, чтобы ее любимый батюшка мог сквернословить.

— В город нам надо.

— А дом?

— Сожгу все на хер!

— Семен!!!

— Что Семен?

Карлик куда-то пропал, а на его месте каким-то таинственным и необъяснимым образом появился кто-то пугающий и сильный.

— Первый Ангел вострубил, и сделались град и огонь, смешанные с кровью, и пали на землю, и третья часть деревьев сгорела, и вся трава зеленая сгорела...

Мать вновь крестится.

— Второй Ангел вострубил, и как бы большая гора, пылающая огнем, низверглась в море, и третья часть моря сделалась кровью, и умерла третья часть одушевленных тварей...

— Семен!

— Антихрист пришел! — шепчет отец страшным голосом, и сам он похож на Антихриста. — Бежать нам надо, сегодня же, ночью.

Кругом темно — они сидят в повозке. Долго сидят. Дашенька замерзла — кругом лес.

Он обступил их со всех сторон — враждебный и мрачный. Лес не желает их отпускать и поэтому предупреждает — грозно шумит.

— Долго еще? — спрашивает Дашенька и прижимается к матери.

— Скоро, дитяtko, скоро, — отвечает матушка и девочка понимает, что она плачет.

Только плачет матушка про себя — молча давится слезами и пытается не дрожать. Дрожит Дашенька.

Темный призрак верхом появляется внезапно — выныривает из темноты и хрипит — пускает облако дыма.

— Ну? — спрашивает матушка.

— Все, — говорит призрак голосом отца, — запалил, трогай, дорогая моя, трогай.

Дашенька спит — летит в какую-то бездну. За руку ее держит матушка. Рука теплая и родная. Она узнает эту руку через тысячи лет — туда же через тысячу лет она и летит. Вдали свет, но Дашенька никак не может к нему приблизиться — мешают руки матери. Отпустить руку — потерять матушку.

— Закрой глаза! — кричит отец, — закрой глаза!

В темноте он машет топором и продолжает кричать матушке.

— Закрой ей глаза!!!

Дашенька закрывает глаза и видит огромное полчище саранчи. На голове у каждой твари как бы венец, похожий на золотой, лица же саранчи — как лица человеческие, и волосы у ней — как волосы у женщины, а зубы, как у львов, и хвосты скорпионов. Трубит Ангел — летит посреди неба — Горе, говорит он, — горе, горе! Стучат колесницы — это саранча машет крыльями...

— Взял грех на душу, — говорит Ангел, — убил гада! Он нас выследил, я не хотел — продал бы он нас, понимаешь?

— Понимаю, — матушка плачет уже навзрыд, не стесняясь слез, и закрывает Дашеньке глаза.

Темно.

Что может рассказать мать дочери? А отец — сыну? Прочитать на ночь сказку, где добрый и бесстрашный принц спасает прекрасную принцессу от страшного злодея? Прочитает и по головке погладит, подушку поправит и улыбнется. К чему рассказывать, если в крохотном создании уже заложены на столетия наперед любимые и мать и отец. Вся боль земного существования, как и островки радости, — лучезарные и окрыляющие моменты счастья. Гениальный план создателя, дарующий уникальный по своему замыслу шанс — завершить не завершенное, исправить ошибки предков или искупить их грехи.

— Мама, — Зоя Константиновна уже не выглядела взволнованной, — Саша нашел деньги. Много денег — невероятно много. Ты даже не можешь себе представить сколько!

— Понятно.

— Что тебе понятно?

— Саша нашел деньги.

Зоя Константиновна несколько разочарована.

— Полную сумку денег — сотни тысяч! Мы теперь богаты и можем себе позволить все что угодно. Квартиру новую купить или дом построить — понимаешь?

— Понимаю.

— Ничего ты не понимаешь! И заболевание у него, думаю, на нервной почве — это же шок! Он над каждым рублем бился всю жизнь, чтобы по-людски, чтобы не хуже, чем другие

— костюм новый себе позволить не мог, отказывался. Кроме газеты про свой футбол ничего не купит!

— Зоя, — Дарья Никитична сидела напротив дочери, — я тебе не рассказывала прежде, но мы были очень богаты. Мы — это мои покойные родители. И дом у нас был — дворец. Три этажа, хозяйство, лошади, коровы и деньги были — много денег. И колечко мне отец подарил. Сказал, медное, а я знала — золотое колечко.

Старушка секунду-другую помолчала.

— Деньги Саша нашел... это наши деньги...

Старый — новый закон. Новое место — новая жизнь

Алексей Митрофанович бился над уравнением уже не один десяток лет. Простое с виду уравнение с двумя неизвестными, которые знакомы каждому здравомыслящему человеку. И закон он пытался открыть, который известен каждому от природы, и нет необходимости его изучать. Парадокс? Возможно, таким закон виделся с первого взгляда. Точного названия закона не существует — его крайне сложно придумать, и сопровождает он нас ежечасно, каждый день на протяжении всей нашей жизни. Однако если все же предпринять попытку и хоть как-то его обозначить, лучшего слова, чем «правильный» или «неправильный» мы не найдем. Еще можно сказать: «правда» или «неправда», «справедливый» или «несправедливый» и в завершение этого ряда поставить сакраментальные «добро» и «зло». Горелик пытался определить почему, по какой причине люди не следуют этому закону и постоянно его нарушают — то есть говорят одно, а делают — другое. И при этом настолько глубоко чувствуют обязательность закона, словно сами его и придумали! Однако повторим — чувствуют, что следует вести себя подобающим образом, а ведут совершенно иначе и закон нарушают. Две составляющие — уравнение для школьника, которое не подавалось разгадке! Предшествующего опыта и знаний Алексею Митрофановичу явно не доставало, и это при том, что он считался одним из лучших в своей области. Стоящая перед ним проблема требовала знаний уже из других, совершенно далеких от математики дисциплин. Математика — объективная реальность, и отрицать ее объективность никому не придет в голову. Как не придет в голову отрицать понятие нравственности — какими бы не были эпоха и развитие цивилизации.

Итак, уравнение, где известно, что в обществе необходимо соблюдать порядочность и нравственность. И результат этого поведения — полное игнорирование и постоянное нарушение закона. Великое противоречие, существующее на протяжении существования рода человеческого. Чтобы еще немного продвинуться и понять Алексея Митрофановича, необходимо коснуться еще одного вопроса, с которого все и началось.

Вселенная. Как известно, ее происхождение представляется не только вотчиной чиновников от религии, богословов и теологов. Ученые, и математики в их числе, не желают отсиживаться в стороне, приняв вызов, в сущности который им никто не бросал. Однако такова природа человечества — найти ответ на вопрос, уже давно и любезно данный в Писании. Конечно, назначение науки — дать объяснение тому или иному феномену и определить, насколько он является полезным для общества. Подлинный ученый не будет пытаться проникнуть за пределы предмета своего изучения. И вероятно, когда-нибудь наступит час, когда прозвучит ответ и на вопрос «Как произошла вселенная?» С некоторых пор Алексея Митрофановича стал интересовать и другой вопрос, не менее, а может, быть более объемный.

Человек. Тоже вселенная — огромный, постоянно развивающийся мир, информация в информации. И если изучение самого себя с точки зрения строения, возникновения и развития как материальной субстанции позволило достигнуть определенных результатов, то исследование происхождения человека явно топчется на месте.

Да, Алексей Митрофанович вторгся не в свою область, став изгоем для коллег и лишив себя связи с внешним миром, который он и собирался изучать. Был ли он человеком верующим? Вряд ли в том смысле, в каком представляются обычные религиозные люди —

соблюдающие посты и посещающие церковь. А вот что касается создателя вселенной или «силы» — как Горелик называл, то здесь появились сомнения. И родились они не на пустом месте. Для любого открытия необходимы доказательства — хотя бы крохотные свидетельства, позволяющие зацепиться и продвинуться на небольшой шаг вперед. Из десяти неправильных ответов на поставленный вопрос — один все же будет ближе к истине, хотя и не является верным. Поэтому «правильный» и «неправильный», как «добро» и «зло» — подход человечества, но отнюдь не высшей силы. Однако кто и когда разделил данные понятия и посеял семена сомнения в наши головы? Откуда нам известно, что есть «добро», а что «зло»?

Вывести формулу невозможного! А как же иные, доступные школьнику понятия, выраженные языком цифр, которые не вызывают сомнений? Скорость света, который нельзя потрогать, энергия, вода, воздух — обычные формулы, скучные и обыденные. Алексей Митрофанович знал и был уверен — уравнение решить можно. История развития человечества — череда роковых ошибок, когда необходимо проходить уже пройденный путь. И какими бы впечатляющими не казались сделанные человечеством открытия — все это, ни что иное, как топтание на месте. Потому что стоящая перед нами задача намного глубже и величественней. И какая разница, если ты пытаешься решить данный вопрос, сидя в неубранной кухне, в штанах или без штанов? В рубашке, которую уже давно следует постирать, а длинные, превратившиеся в лохматые космы, волосы — постричь?

Каждый из нас решает свое, собственное уравнение. Решает сознательно, либо делает это вслепую. Решал его и Виталий Борисович.

* * *

Камышенской улицы, насколько помнил оперативник, в городе не было. Много, что существовало прежде, кануло в историю. История — свалка, куда свозят не только отслужившие свой срок вещи, но и людей. Часто они пребывают в вполне сносном состоянии, однако жернова времени безжалостны, а память людская ветрена и скоротечна.

И каких только улиц и площадей не появилось, и почти все они носили имена людей, сотворивших зло, хотя и в благих целях.

Маргарита Петровна вопросу не удивилась — она словно ждала звонка, так, по крайней мере, показалось товарищу Шумному.

— Камышенская? — уточнила она, — к большому сожалению, в нашем городе улицы с таким названием не существовало.

— Вы уверены?

— Город-то раньше и вовсе не город был, губернский центр, за двадцать минут можно было обойти. Да и не росли в наших местах камыши — местность не позволяла. У нас же возвышенность, а камыши растут в низине.

— Может, переулок небольшой?

— Не могу сказать — не знаю.

— А каменных зданий?

— Зданий хватало. Строили охотно, а вас что конкретно интересует?

Знать бы — что! Дом точно был каменный и высокий. Пять этажей или шесть.

— До революции строили в основном невысокие здания — два или три этажа. Выше

уже холодно, зимы, сами знаете, у нас какие, — продолжила Маргарита Петровна, — а отопления не было — дровами либо углем топили. Кроме центра было несколько домов в районе фабрики — там жил, как сейчас принято говорить, обслуживающий персонал. Снимков тех времен, увы, не сохранилось.

— Фонари были? — вдруг вспомнил Виталий Борисович.

— Были, а как же! Перед фабрикой и рядом с домами.

Уже кое-то!

— А брусчатка? Брусчатка там была?

— Бульжная мостовая, брусчатка появилась после войны — пленные выложили.

Они точно тряслись на каких-то ухабах, и этот покойник... как он бился головой...

— Улица как называлась?

— Так и называлась, — ответила Савушкина — Фабричная.

Как все просто. Если фабрика, значит, и улица Фабричная, если по парку гулял губернатор, значит, и парк был губернаторский. Гостиница — дом приезжих, потому что они не гости, а приезжие. Сегодня приехали одни, завтра другие, и в гости их никто не звал. По делам приезжали, а спать где-то надо, и шей похлепать, и чая из самовара, и на лавку лечь — ноги вытянуть и к стенке прислониться...

* * *

Ехали долго, сначала на своей повозке, затем на чужой, пешком, на поезде, который произвел на Дашеньку огромное впечатление, и вновь на телеге. Спали где придется — в незнакомых казенных домах, на матрасах и без матрасов, вдвоем и втроем, в подвале и на чердаке. Менялась природа, менялись люди — они появлялись и исчезали — равнодушные, занятые собой и, конечно, опасные. Каждый из них мог оказаться смертельно опасным, поэтому большую часть путешествия Дашенька сидела и молчала. Молчала на телеге, в поезде, в чужом доме, на улице, и только когда наступало время действительно помолчать — спрашивала матушку. Спи, дорогая, отвечала матушка, замечая, как еще вчера светлое лицо дочери вдруг заострилось и потемнело. И сама матушка в редкие моменты душевного отдыха бросала взгляд в зеркальце в безуспешной попытке найти прежнюю и уверенную в себе женщину. Женщина куда-то пропала или превратилась в незнакомую тетку неопределенного возраста и звания. Батюшка тоже превратился в чужого дяденьку — в чужой одежде, без шелковой бороды он и вовсе не был похож на ее любимого папеньку. Иногда ей казалось, что она спит — пребывает в каком-то сне, который когда-нибудь обязательно закончится. И только несколько месяцев спустя вдруг поняла, что сон — это их прежняя жизнь, куда больше не будет возврата, куда, если и можно попасть, так только сильно стиснув крохотные кулачки, закусив губы и закрыв глаза. Иногда получалось, чаще — нет. Чаще приходил Ангел, удивительно похожий на отца, который либо махал кровавленным топором, либо требовал закрыть глаза.

Город — равнодушный и холодный. Было обидно смотреть, как кто-то встречает прибывших — светится веземной радостью и целует. Обнимает, смеется, тащит поклажу и что-то рассказывает. Дашенька вдруг пожалела, что она не та — не другая, кого встречают, целуют и обнимают. Ей ужасно захотелось стать некрасивой, но счастливой девочкой, что подбросил на руках совершенно чужой дяденька...

Они остались сидеть на вокзальной площади, в то время как все ушли. И мужчина в фартуке и метлой бросил на них явно недоброжелательный взгляд, хотя ничего плохо они с матушкой не сделали — просто тихо сидели на лавочке и даже не разговаривали. А еще через десять минут покинули лавочку — матушка явно чего-то опасалась. Она теперь всего опасалась, но больше всех боялась людей в кожаных тужурках и ушастых галифе. При виде их она столь сильно трепетала, что Дашенька чувствовала, как мать дрожит. Потом они сидели уже в сквере, и мать просила господу, чтобы не было дождя, и чтобы быстрее вернулся батюшка. А он все не возвращался и не возвращался, поэтому Дашенька решила помочь и тоже стала молиться господу. Бога она прежде никогда не видела, и создать в своем воображении его образ долгое время не получалось, а когда все же удалось, вернулся батюшка. Они появились одновременно — бог и папенька — удивительно похожие друг на друга. Только у батюшки бороды не было, а у бога была — большая и окладистая. Бог сказал: ах вот она какая! И подбросил Дашеньку высоко — высоко, а потом ловко поймал и поцеловал. От бога исходила уверенность, и пахло табаком. Матушку бог поцеловал три раза, и она заплакала, но только не от страха...

А затем оказалось, что бог и вовсе не бог, а зовут его Дмитрий, и он брат батюшки. И вновь счастье вошло в ее сердце, и она поняла, что вся эта благодать и радость все же от него — от бога, пусть он и не появился, как об этом просила девочка. Поэтому первым делом, как только вошли в дом, принялась искать глазами иконку, а как нашла, низко поклонилась — так низко, как могла — коснувшись головой пола. Пожалуй, эта встреча произвела на Дашеньку куда большее впечатление, чем трамвай, на котором, как и на поезде, она ехала впервые. Так же, как и странные люди, что шагали по мостовой с барабаном. Они куда-то шли, почти как солдаты, которых Дашенька видела на вокзале, или даже лучше, веселей, что ли? И впервые за долгое время она, наконец, спала на настоящей кровати, и никто ей больше не снился — только синяя ниспадающая откуда-то сверху вода. И хотя плавать Дашенька не умела, утонуть она не боялась — там было невозможно утонуть.

Новое место — новая жизнь. Здесь все было иное — другой воздух, небо и солнце — она, наконец, обратила на него внимание, а солнце на нее — у Дашеньки вылезли веснушки! Смешные конопушки — крохотные точки, которые прыгали на ее лице, когда девочка улыбалась. Хотя она не знала, что улыбается — подсказывала мать. У нее вновь текли слезы — совсем немного — одна или две слезинки скользили по щеке.

Дом — большой. В нем все большое — ступени, перила, двери, окна — они поражали своим величием. И еще эхо — оно всегда встречало Дашеньку первым. Едва отворялась дверь, как тут же появлялось эхо — не менее шаловливое существо. Девочка говорила: здравствуйте, я Дашенька, и тут же слышала шутливое в ответ — Машенька, Машенька... Не Машенька, а Дашенька, — пыталась поправить девочка и вновь слышала: Машенька, Машенька...

Несмотря на то, что дом был большим, в нем почти никто не жил, а если и жил, то не спешил выходить. В подъезде почти всегда стояла тишина — не менее величественная, чем и сам дом. Тишину девочка боялась — что-то в ней настораживало и пугало. И если эхо жило только в подъезде, то тишина свободно могла войти в комнату, что она и делала, когда уходили взрослые. Тишина была какой-то холодной и надменной — она никогда не отвечала, садилась на стул и молча наблюдала, как играет Дашенька. И кукла — сшитая из кусочков полотна игрушка — ей не нравилась. Тишина нравилась только себе самой — Дашенька это чувствовала и не могла понять, а почему? Кроме этих двоих в доме пребывал

еще кто-то — не менее загадочный. Он скрипел половицами, закрывал форточки и любил темноту. Именно там, в темноте было его царство. И правил он своим царством в основном по ночам, когда все спали. Этот странный повелитель ужасно не любил, когда прикасаются к его вещам, и подавал знаки — часто враждебные и пугающие. Поэтому было бы неверным сказать, что новое место радушно приняло новых жильцов. Ни о каких товарищах или друзьях не могло быть и речи — в доме, вероятно, других детей не существовало. И во дворе, куда изредка выходила Дашенька, она никогда никого не видела. Двор — каменная коробка, окна которой безлики и даже слепы. Хотя они и смотрели друг на друга, но ничего не видели, как не видела девочка, бросив случайный взгляд наружу. Кто и зачем построил каменный колодец — неизвестно. Длинная нора, соединяющая его с внешним миром — еще одно царство безмолвия, оживало задолго до того, как в нем появлялся прохожий. Шаги звучали, хотя человека не было. Они могли звучать полминуты, минуту, а прохожий так и не появлялся. Появлялось солнце, изредка заглядывая внутрь — а как иначе объяснить веснушки на лице девочки?

Именно тогда она научилась не быть одинокой, оставаясь в полном одиночестве. Разговаривать с тем, с кем не принято разговаривать, замечать, что другие не замечают — и мир вдруг стал глубже, шире и понятней. Мир, который избегают, который стремятся покинуть, мир, который пугает... Было ли ей страшно — маленькой девочке в коробке каменного колодца, где царствует безмолвие, куда не залетают голуби и живет только эхо? Было. Однако страх — незнание, порожденное неизвестностью чувство, которое также когда-нибудь вас покинет или распахнет двери и уйдет. Так, вероятно, и произошло. Дашенька стала как-то загадочно улыбаться, разговаривать — смеяться или сердиться и продолжать играть — только уже не в куклы, а со своим новыми знакомыми, которых, впрочем, кроме девочки никто никогда не видел, и видеть не мог.

* * *

Он стоял, запрокинув голову, и пытался понять, какие чувства рождаются у него в сердце. Сердце исправно работало — стучало клапанами и качало невидимый насос, разгоняя по артериям кровь. Ничего, никаких чувств. Обыкновенный дом из красного кирпича — не хороший и не плохой. Просто дом, крыша, кров, помещение, четыре угла. Кто-то когда-то его строил — завозил кирпич, месил и таскал раствор, настилал полы, вставлял рамы, чтобы потом уйти.

Прошелся по кривой улице. В ней все было кривое и какое-то убогое, то ли от времени, то ли от настроения, в котором он пребывал. Виталий Борисович уже давно подметил: один и тот же ландшафт может вызывать в душе крайне противоречивые чувства — от восторга до уныния. Сейчас было уныние, и улица — брошенная и запущенная. Даже пройтись по ней никто не желал, и кроме оперативника на улице никого.

Старый город, вернее, его окраина — здесь всегда мрачно, тоскливо и какая-то безнадежность. Трудно представить, что во дворах когда-то играли дети. Люди не могут жить без детей — детей не было, как и взрослых. Окраина жила своей, только ей понятной жизнью... или умирала...или уже давно умерла. Первого прохожего он встретил минут через десять — темный мужской силуэт отделился от дома и тотчас куда-то пропал. Заколотые досками окна — значит, за окнами кто-то есть. Мусор, как в лесу — его не убирали

вечность. Пахло гнилью, и если в городе сентябрь только делал первые шаги, то здесь стояла глубокая осень — на деревьях ни одного листочка. Каменный забор, точнее, то, что он него осталось — Виталий Борисович шел вдоль кирпичной кладки и думал. Сначала об Алексее Митрофановиче. Несмотря на очевидную странность, Горелик произвел на него впечатление — какое? Вот об этом и размышлял оперативник. При всей индивидуальности, люди мало чем отличаются друг от друга. Все они желают одного — денег, удачи, карьеры, сытной и спокойной жизни. Если их интересуют другие люди, этот интерес заключается, прежде всего, в них самих. Горелик — определенно иной, не от мира сего. И мир, в котором он пребывает, иной, однако он не боится пустить туда порой постороннего человека. Виталий Борисович даже ему как-то позавидовал, вот мол, какой, ничего ему в жизни не нужно, и сам он себе не нужен. Хотя в чем-то математик прав. Что есть деньги? Что движет заработать больше, нежели ты действительно нуждаешься? Жажда власти? Да, она приносит радость превосходства — быть выше, сильнее, а значит, могущественней. Сильных уважают или боятся, а это в свою очередь рождает гордость — один из главных пороков. Алексей Митрофанович порой смешон, и, тем не менее, он к себе притягивает. Говорить о гордости не приходится — он не ведает этого чувства. Бога, как такового, не признает, а стало быть, является атеистом. Однако тут напрашивается вопрос, а почему? Провозгласив крестовый поход против гордости, многие христиане не в силах справиться с этой напастью. Она, словно червь, разъедает их разум и сводит на нет все их благие начинания. А что говорил на этот счет другой персонаж, не менее загадочная личность — Павел Сергеевич Душный? Чему учат в школе и дома? Самоуважению! Только через самоуважение можно преодолеть распущенность, избавиться от грубости и трусости. Восхищаясь самим собой, мы возносимся над остальными и так до момента, когда в похвале нет необходимости. Мы становимся тщеславны, высокомерны и эгоистичны. Следующий этап — гордость, когда до мнения окружающих уже нет никакого дела. Горелик иной — общество его не интересует по другой причине: он в нем разочаровался. И смиренным его назвать нельзя: бросить вызов науке — разве это не тщеславие?

Виталий Борисович удивился — прежде он был далек от каких-либо рассуждений, касающихся нравственных убеждений. Мир он воспринимал и руководствовался простыми и доступными понятиями — хорошо или плохо. Он не задумывался, что именно хорошо, а что плохо. Он это знал и чувствовал, как ребенок чувствует свою мать. А странный и совсем нехарактерный для него анализ закончился, как только кончился длинный и противный забор — он вышел туда, где жили люди. Не призраки в каменных трущобах, а обычные, вполне реальные люди. Они шагали, обходя лужи, держа в руках сумки, — правда, не улыбались. Улыбаться без причины на Руси не принято.

Пастушный Владимир Николаевич никогда не мечтал стать общественной фигурой — он вообще никогда ни о чем не мечтал. Володя — именно так его звали большую часть жизнь — перебивался мелкими заработками и особенных пристрастий не имел. Жил скромно, одевался скучно, говорил невыразительно, но любил читать газеты. Читал все подряд, благо работал приемщиком на предприятии, которое собирало у населения макулатуру. Контингент клиентов — соответствующий: подростки, личности опустившиеся и подозрительные, пенсионеры, безработные — он их всех разделил на группы и вел себя в соответствии с установленной классификацией, хотя никому и никогда не грубил. И если прежде газеты вызывали откровенную тоску и уныние, то с некоторых пор картина изменилась.

За какой-то с небольшим год Володя прочитал и узнал столько интересного, что не заметил, как расширился его кругозор. Темы, которой он бы не владел, не существовало! И в редкие моменты беседы — а говорить, к сожалению, было почти не с кем, он поражал своей эрудицией и знаниями. Помогала память — она заботливо складывала в свой архив информацию и при случае любезно раскрывала двери — Володю несло. К нему стали прислушиваться, задавать вопросы и интересоваться его мнением. Спрашивали, вроде, люди случайные, а порой и вовсе незнакомые, однако данный факт несколько не огорчал. Володя познавал искусство оратора, чувствуя, как меняется на глазах, и продолжал читать дальше с еще большим энтузиазмом и каким-то вдохновением. Школьное образование — познать алфавит и выучить таблицу умножения. Для многих на этой ступени оно и заканчивается, все остальное — сидение за столом в ожидании звонка. Однако знание алфавита и умение складывать буквы в слова принесло благо, о котором Пастушный и мечтать не мог. Первое публичное выступление, когда его слушали не двое случайно оказавшихся поблизости людей, а целая толпа. Они не только внимательно слушали — они аплодировали! Прерывали, казалось, в самых обыденных местах и хлопали! А потом к нему подошли и предложили работу — больно проникновенно и, главное, по делу говорил выступающий. Прежняя зарплата не позволяла особенно разгуляться, но всегда тепло, крыша над головой и не дует — сквозняков Володя смертельно боялся.

— Вы будете и руководителем и исполнителем в одном лице. Работы предстоит много — больше, чем вы думаете. Зарплата — сколько заработаете. А сколько можно заработать на мервецах? Конечно, от подобного вопроса Володя удержался, но подумал.

— Будет вам оклад, а премиальные — уже ваша забота. Не волнуйтесь, вас мы поддержим, выделим помещение, согласны?

Первое предложение, когда обращаются к вам... не вы доказываете, просите, унижаетесь, а просят вас! Вероятно, именно этим можно объяснить тот факт, что Володя согласился.

Как извилисты пути наши, Творче! Что припас ты для каждого из нас? Сколько спусков и подъемов предстоит преодолеть?

Именно так приветствовал себя Володя, поднимаясь в небольшую комнатку деревянного здания, мимо которого он иногда проходил.

Пастушному предстояло искать мертвецов — неизвестных мужчин и женщин, о которых вдруг вспомнили потомки. Вспомнили и обратились к обществу — бесформенной массе, что

колыхается, словно ладья в бурных волнах истории. Общество поддержало — отпрыгнулось газетными статейками о сотнях и тысячах репрессированных, загубленных, расстрелянных и где-то похороненных. Где — неизвестно, страна у нас огромная, может, тут, а может, там — искать надо.

Володя сидел за пустым столом, смотрел в потолок и не представлял, с чего начать. Одно дело выступить на митинге, обличить палачей и убийц, вступить за их жертвы — тем более что ни тех, ни других видно не было. Они остались в прошлом, поэтому ни согласия, ни осуждения Пастушный не услышал и услышать не мог. Захотелось обратно в теплый и уютный подвал — там хоть кто-то заходил, а тут никого — какие-то списки мертвых душ — покорные и равнодушные.

Вот и телефон, а звонить некому — кому нужны мертвецы? Чужие покойники, которых и покойниками назвать нельзя — они либо сгнили, либо превратились в прах.

Кроме телефона — справочник, немного устаревший, но существует служба, готовая предоставить информацию. Не долго думая, Пастушный поднял трубку и набрал первый попавшийся номер предприятия. Оказалось, что предприятия уже давно нет, оно то ли разорилось, то ли обанкротилось, и вообще тут никого нет, а она — женщина, которая взяла трубку, спешит в больницу и ей ужасно некогда.

Володя не расстроился — пожелал женщине успехов и скорейшего выздоровления. Набрал другой номер и попал на секретаря — вполне здоровую (судя по голосу) даму. Представился, назвав себя не иначе, как генеральным директором и тоже предприятия, после чего вышел на прямой контакт. Говорить Пастушный, как он думал, умел, оказалось — не умеет. Говорить на митинге и по телефону — совершенно разные вещи, поэтому его тут же отфутболили и попросили связаться еще с кем-то. Все последующие звонки в иные предприятия и организации имели одни и те же последствия — с Володей не желали говорить. Поэтому он рассердился и написал статью в газету. Статью опубликовали, хотя денег не дали. Пастушный плюнул, взял газету и отправился на прием в администрацию, где и провел почти три дня. Вернулся с письмом на бланке, гербовой печатью и трехцветным калором — выглядело впечатляюще. Купил другую газету, где обычно было много рекламы, и принялся звонить по указанным телефонам.

Результаты проделанной за неделю работы вносили определенный оптимизм. Володе бесплатно выдали три комплекта пятнистой формы охранника, три пачки бумаги размером А4, старый телефонный аппарат, штандарт с советской символикой и бюст Иосифа Висарионовича, который, впрочем, он по естественным причинам забрать с собой не мог — слишком тяжелый.

Володя вновь сел за стол и вновь написал статью, уже с благодарностью к тем неравнодушным бизнесменам, кто помнит прошлое и не желает повторения геноцида. Затем в театральном буфете он познакомился с редактором одной из программ местного телевидения и заплатил за него, получив при этом приглашение обратиться к прогрессивной общественности с голубых экранов. Обратился. Его заметили, предложили придти на прием. Пришел. Поговорили — дали денег.

Это уже была победа! Небольшая, как говорили прежде, местного значения, но победа. Продолжив поиски, оказалось, что все общественные организации существуют непонятно на какие деньги — одни лучше, другие хуже. Дали совет, после чего Пастушный вновь написал письмо уже на иностранном языке, где изложил задачи организации, которую он возглавляет, устав и прочие необходимые атрибуты. А так как иностранного языка Володя не

знал, отправился в институт, который готовил специалистов данного профиля. Здесь ему предложили горячего чая, пирожки с капустой и участие в научной конференции «Молодежь — наше будущее». После конференции, кстати сказать, с участием зарубежных гостей, которым Володя и передал свое письмо с просьбой переправить его в соответствующие учреждения, к нему пришли и... обили вагонкой кабинет. Бесплатно. И врезали новый замок. Вскоре пришло письмо с предложением принять участие в перезахоронение останков воинов, но не наших, а других. Володя выехал за границу и был поражен. За границей ему бывать не приходилось и на кладбище — тем более. Сложные чувства, разобраться в которых он долгое время не мог, хотя и пытался.

Память и уважение потомков — вот, пожалуй, главные чувства, что он испытал, стоя на чужой земле, где каждое имя было высечено на огромной гранитной стене. И усталый солдат с винтовкой, что присел на пень, походил больше на лесоруба, чем на воинственного завоевателя. И воевать — убивать людей — каменный солдат больше не хотел. Кладбище — огромный и ухоженный парк, где каждый вечер зажигаются тысячи крохотных огоньков, — поразило, и защемило под сердцем. Все они обрели покой, даже за сотни и тысячи километров от своей Родины — о них помнили. Помнили молча, каждый день, заботливо зажигая свечи и произнося поминальную молитву в небольшой церквушке, расположенной тут же.

Именно там — под мелким дождем, среди чужих людей Володя вдруг понял, в чем его предназначение. Понял и удивился — работы предстояло непочатый край. Еще он понял, как ему будет трудно.

Работа — это всегда некая монотонность, повторяющаяся череда событий, поглощающая и позволяющая забыть — раствориться в чужих заботах и проблемах, где нет места для твоих хлопот и забот. Возможно, в этом и скрывается некое милосердие, когда чужие люди заставляют тебя заниматься чужими делами. Работа бывает разной — сколько существует людей, столько же и разновидностей работы. И работать на одной и той же работе можно по-разному — вот вам еще один повод задуматься. Каждый из нас — универсальный работник, которому подвластна любая профессия. Желаете возразить? И мы возразим — любая! А как же талант, заложенные родителями способности? Плевать! И без способностей можно овладеть любым ремеслом. Однако при всем многообразии только одна дарует счастье.

Пастушный, конечно, никогда не задумывался о своем призвании, он только заметил, что время в новой должности стремительно полетело куда-то вперед. Настолько стремительно, что не хватало ни времени, ни его самого. Володя не поспевал управляться с теми проблемами, что на него свалились.

Позвонили из какой-то деревни следопыты и детским голосом пригласили приехать. Приехал. И вправду дети — подростки, не достигшие совершеннолетия. Группа странных юношей, в свободное от прочих дел время занимающаяся поиском пропавших воинов. Показали три могилы, вернее, захоронение — сами нашли. Следующая встреча — новое открытие.

Мрачный мужчина шагнул в избу, когда Володя уже собирался спать. Воздух лесной и путь неблизкий забирают много сил. Порой больше, чем тебе кажется.

— Гурий, — сказал мужчина и протянул руку.

Володя руку пожал. Сильная, как у штангиста, хватка, хотя сам мужчина внешне поджарый и даже болезненный. Лицо черное, глаза провалившиеся и небритый.

— Условие одно, — присев на стул, продолжил Гурий — никаких наводок.

Володя кивнул, смутно представляя, о чем идет речь.

— Пойдем через день — мне отлежаться надо, а вам — купить керосина. Они ужасно не любят керосина. Адрес я вам дам, там вдвое дешевле, скажете от Гурия. Если в газету писать собираетесь — никаких имен. Ты меня не знаешь, я — тебя.

Гурий оказался тем самым «черным копателем» — лесным бродягой, о которых в последнее время так много шумят. Почему он сделал предложение, по какой причине предложил пройти лесными тропами — неизвестно. Вопросов здесь задавать не принято. Единственное, о чем узнал Пастушный, — Гурий прежде работал лесорубом, а когда наступили времена пакостные, ушел в «бизнес» — потрошил землю, беспокоил мертвецов и добывал военные трофеи — от оружия до военной геральдики. Работал самостоятельно и в партнерах не нуждался. После объявленной местными органами охоты на копателей стал еще более осторожным, поэтому прозвучавшее предложение действительно выглядело необъяснимым жестом с его стороны.

Отправились утром. Северный край — навсегда останется заповедником, он не позволит вторгнуться на свою территорию: свидетельство тому похороненные и забытые в его лесах люди и техника враждующих сторон, которых одинаково «радушно» встретила северная тайга. Историки и ученые никогда не доберутся до истины и не узнают, кто в действительности похоронил в холодном чреве десятки тысяч солдат. Похоронил лес. Суровый и беспощадный, с ордами мошкеры, непроходимыми болотами — он их всех проглотил и... не заметил.

— А ты, стало быть, мертвецами занимаешься, — подал, наконец, голос Гурий, когда солнце заняло верхушку небосвода.

— Пытаюсь, — уклончиво ответил Володя, к тому времени изрядно вымотавшийся и усталый.

— И к чему тебе это надо?

— Кто-то должен.

— Не обязательно, — возразил Гурий. — Вот мне никто не должен, и я — никому. А уж они — тем более. Кто их сюда загнал? Чего тут делить? Что искать? Если только смерть. Вот смерть их и встретила. Подвиг? А кому он нужен — их подвиг?

— Родину защищали.

— Родину, говоришь, а что есть Родина? Родина — мать с отцом, а все остальное обман, лирика, красивые слова.

Гурий сел на пень и сплюнул.

— Долго еще?

Следопыт усмехнулся.

— Уже пришли.

Володя оглянулся — вокруг обычный лес, елки и сосны, встречаются неизвестно как оказавшиеся здесь молодые березки.

— Сразу видно, человек ты городской, иди сюда...

Это был блиндаж, вернее то, что от него осталось — массивный ствол полусгнившего дерева с такими же более мелкого диаметра бревнами, поросшими травой.

— Можешь залезть.

Володя в сомнении глянул. Гурий вновь улыбнулся — показал редкие зубы.

— Вдвоем можно, вдвоем не страшно.

— Это еще почему?

— Полезешь или нет? — следопыт стоял рядом.

— А что там?

— Духи.

— Духи?

— Ты же мертвецами интересуешься, — с иронией произнес Гурий, а дух — тот же мертвец, только без плоти.

— А ты?

— Вдвоем нельзя, — объяснил следопыт, — если тебя придавит, кто на помощь придет? Соображаешь? Не бойся — снаряд в одну и ту же воронку дважды не попадает. Сползай, осмотрись, только ничего не трогай... я тронул, и двое суток выбирался — завалило меня всего с потрохами. Думал: все, конец. А тут ко мне дух и явился. Дурак, говорит, чего тебе дома не сидится? А потом и второй дух — злющий и отвратительный. Ползи, кричит, вали отсюда! У нас тут и так места мало! Представляешь? Я как крыса землю стал грызть, а этот второй орет: не туда, бестолочь, в другую сторону! Так они меня и подбадривали — то один, то другой.

— Шутишь? — спросил Володя, у которого вдруг пропало желание спускаться под землю.

— Ага, напугать тебя решил, сказку рассказать, чтобы в лес больше не ходил. Проверить я себя хочу, понимаешь?

Залезть вниз — подвергнуть себя неоправданному риску, земляной потолок мог рухнуть в любой момент. Что прежде служило надежной защитой, сейчас представляло огромную угрозу, но и любопытство противным червячком давало о себе знать.

Гнилой запах земли — когда-то здесь жили люди. Володя осторожно просунул голову и ничего не увидел. Но и просунуть руку с фонарем не получалось — либо голова, либо рука.

— Дай-ка, — Гурий уже был рядом, — слушай...

Странный предмет, видеть которого прежде не приходилось, пролез в щель и загудел.

— Слышишь?

— Металл?

— Нет, так металл не звенит, — объяснил Гурий, — металл, он другой, а этот непонятно какой.

— Духи?

И в следующее мгновение кто-то крикнул! Володя отчетливо слышал человеческий крик — надрывный и испуганный. Так кричит человек, почувствовав боль в своем теле.

— А я о чем говорил? — прошептал Гурий, — значит, не показалось. Двоим показаться не может, двое — уже объективность, не игра воображения, ты же слышал?

Володя кивнул.

— И я слышал, пойдем отсюда, от греха подальше.

И они пошли.

— Непонятно мне, — первым заговорил Гурий, — блиндаж целый, в смысле, в него снаряд не попадал, а своих они хоронили в другом месте, сейчас я тебе покажу.

Спустились в низину. Иной пейзаж, иная местность, словно две разные планеты.

— Дураки они, кто же в низине хоронит? А они хоронили, видно, боялись, а потом покойнику все равно где его похоронят. Главное, в землю сунуть.

Еще минут десять ходьбы по вязкой и уходящей из-под ног почве. Небольшие

прямоугольные канавки, заполненные водой, одна за другой по две в ряд.

— Кладбище, — сказал Гурий, — тут они своих и хоронили.

Так это было кладбище! Ни в жизнь не догадаться, что заполненные водой ямы — могилы.

— А что они тут делали? — спросил Володя.

— Как что? Воевали. Наши и фрицы. Это только в кино красиво, линия фронта, окопы — не было тут линии фронта. Все что было — леса и болота. Иногда в одной яме находил и того и другого. Как этих духов — все никак не могу разобраться. Наши они или немецкие? Хотя говорят, вроде, как на русском. А с другой стороны, где говорят? В голове, а там уже язык не важен. Вот жизнь вредная — придти и умереть в болоте в чужой стране. Я тебе так скажу, повезло нам сказочно. Нам — живущим сегодня, потому как стреляли бы в друг друга, а потом и хоронили — опускали в яму с водой. И никуда ты бы не делся. Дали бы винтовку и пошел бы как миленький. И стрелял бы, и штыком колол бы, а иначе никак нельзя. Видишь?

Ствол дерева раздваивался и, как две змеи, уходил ввысь, причудливо переплетаясь.

— Дурное место, ужасно дурное — аномалия кругом, хотя кормит. А еще тянет. Придешь никакой, усталый, свалишься, думаешь забыться. Черта с два! Такое приснится, хоть рассказ пиши! Не успеешь отойти, сил набраться, а уже обратно тянет.

— Одному не страшно?

— А я всю жизнь один, — объяснил Гурий, — прежде, по молодости, лес валил. Куда пошлют, там и валил, перекасти поле, короче. Кому такой мужик нужен? А сейчас — тем более, здоровье-то еще имеется, а волос нет. Вылезли окончательно, покинули глупую голову. А мне они и не нужны — лысину проще вытирать. Вот денег скоплю и построю себе дом в лесу, хотя я его и без денег могу построить, только жить в нем пока некому. Я — в лесу, семьи нет — кому еще жить? Мертвецы тебе нужны? А ты подумал зачем? Пойдем, я тебе еще одну могилу покажу — братскую.

Побрели уже в другую сторону, вдоль каменной гряды.

— Я на них уже посмотрелся и на наших, и на ваших — здесь их тысячи, никакого преувеличения. Первое время робел, пугался, а потом... «привет» ему скажешь и дальше копаешь, иногда под настроение поговоришь. Говорить-то с кем-то надо, вот и говоришь — с покойником. Отдыхаешь и говоришь. А тут и со мной заговорили! Все, думаю — добегался! Видишь канавку — пулеметчик лежал. А там, — Гурий махнул рукой, — уже другие лежат, тех, кого он завалил. Не веришь? В качестве эксперимента, — и решительно спустился по косогору.

Вновь в руках появился металлодетектор, который вскоре и запищал — подал знак.

— Колай тут, а я — здесь, — подсказал Гурий, и вдвоем они принялись снимать податливый болотный ковер...

Наследие предков

Ефиму Пафнутьевичу было все равно кого убивать — вероятно, привык. Он убивал мужчин и женщин, молодых и стариков, убивал во вторник и в четверг, рано утром и поздней ночью. Убивал из нагана, который ни разу не дал осечки. Он его полюбил, как можно полюбить глупую железку, рождающую смерть.

Лежали они в наспех выкопанной канавке — он и еще один боец — пулеметчик. Место безопасное, хорошее — кто попрет против пулемета? Лежали уже давно, слушая, как где-то за косогором вспыхивает яростная стрельба. Он уже давно научился определять по звуку, когда стреляли наши, а когда чужие. У войны свой язык, и чем ты быстрее его освоишь, тем больше шансов, что тебе повезет. Он смотрел, вглядываясь в скучный пейзаж, и ничего не видел. В полумраке, а в лесу почти всегда стоял полумрак, елки и сосны рисовались каким-то враждебным фоном, из-за которого в любой момент мог появиться враг. Однако врага не было, поэтому он немного нервничал — кусал нижнюю губу. Пулеметчик тоже молчал и тоже вглядывался.

Досадная оплошность, когда он явно перестарался. Подняться по карьерной лестнице всегда можно только одним путем — неукоснительным выполнением своих обязанностей. Ефим только этим и занимался — не задумываясь, выполнял все приказы, незаметно для себя превратившись в холодного и чужого человека. В редкие минуты отдыха он смотрел на себя в зеркало и не узнавал. Кто-то другой, отдаленно на него похожий, встречал брошенный взгляд и глаза в сторону не отводил. Так надо, молча говорил этот другой, потерпи, еще немного, еще чуток.

Его ценили, уважали и... боялись. Боялись не только враги, но и товарищи — он чувствовал этот страх и гордился собой. Вопрос уже не вставал, все поворачивали головы в его сторону, и Ефим молча кивал. Хорошо, говорил Ефим, и шел на склад — получить спирт и боеприпасы. Иногда он там и пил — со старым дедом, неизвестно каким образом, оказавшимся на сытой должности. Дед его не боялся, он вообще ничего не боялся, наверно, дед убил еще больше. Вместо лица у деда была маска, и только после третьей кружки начинали проглядываться глаза. Говорили о всякой ерунде — какие сапоги лучше, чем их смазывать, почему махорка пахнет тараканами, и как с ними бороться. Находиться посторонним на складе категорически запрещалось, что не мешало Ефиму чувствовать себя как дома именно здесь. Тепло и даже уютно, чужой не зайдет и можно поговорить по душам.

— Чего с рукой? — спрашивал Ефим и морщился — первая всегда шла плохо.

— Сохнет, — говорил дед и наливал следующую.

— Старость? — уточнял Ефим и пил вторую.

— Устала рука-то, — объяснял старик, — это вы, молодые... а мы... я же этой рукой кого-то только не положил. Германца рубал? Рубал. И поляка с чехом, и литовца, а уж потом своих, в смысле белых, сколько я их положил! Летишь и чувствуешь, как за тобой смерть летит — не поспевает. Не угнаться ей. Глаза слезятся, в ушах ветер, а ты ее к седлу прижал, и сам прижался — ждешь. И нет тебя — одно только сладостное предчувствие — вот сейчас, еще секунду, а потом пошло! Налево, направо — вжик, вжик, вжик!

— А кого прижал?

— Как кого — саблю! У меня особый прием был, я ее вот так пускал — и старик показывал. Намашешься — руки не поднять. Карандаш взять не можешь — не получается. Падает у

тебя из руки карандаш, саблю он привык держать. Ох, скажу, и рубились мы! Какой там наган! И глазом моргнуть не успеешь, а нынче?

Дед плевался, Ефим скалил зубы и гоготал — смеяться он не умел.

— Техника, — объяснял Сидорчук старику — есть прогресс, и чтобы убить человека и вовсе незачем руками махать. Пальчиком аккуратно нажал, а тот огрызнулся, плюнул огнем и дело сделано. А пулемет? А если их два? А если их соединить вместе? Это же какая сила!

— А-а-а-а, — махал рукой старик, — пуля-дура. Слышал, наверно... пальчиком, говоришь? Револьвер твой — игрушка глупая, души в ней нет, а вот сабля... сабля это сабля! Понимаешь? Твое продолжение. Вот ты выстрелил и все. А саблей можно красиво и слегка, а можно так, чтобы надвое, чтобы до самой жопы! А ты — наган... Сабля тебя никогда не подведет, а револьвер — дурак, заартачится или вообще того, не туда выстрелит. Что тогда делать будешь?

— Из другого выстрелю, — гоготал Ефим.

— Ну, ну, я посмотрю, как ты из другого выстрелишь, когда каждая секунда дорога.

— Не переживай, выстрелю... не в первый раз, справимся.

Забавный старикан, смешной, где он сейчас, — вспоминал Ефим, вглядываясь в темные заросли.

И все же он перестарался — переусердствовал. А как иначе объяснить новое назначение? На сборы — вечер, выпить с товарищами и то не успел. Сунули мандат и предписание — сам доберешься. Даже машины не дали, начальник проводил, словно перекрестился — сунул руку и привет. Говнюк!

Ефим улыбнулся. А он меня тоже боялся. Как же он прежде не сообразил! Его — Ефима Пафнутьевича — боялся начальник! Ну разве не смешно? И отправил — с глаз долой, от греха подальше, чтобы чего не вышло. А спрашивается, чего?

Сидорчук еще крепче сжал рукоятку нагана — его верного друга и помощника. Прав, дорогой ты мой товарищ, не дрогнула бы рука и тебе пустить пулю между глаз. Или две пули — все же вместе работали.

Вновь за косогором заговорили, но разговор был похож на беседу начальника с подчиненным — один орал, как сумасшедший, а второй изредка огрызнулся. Наши явно отступали. Пулеметчик, что лежал рядом, напрягся — Ефим увидел сквозь гимнастерку вздувшиеся бугры мышц. Волнуется, и сам он вдруг почувствовал вкус крови — слишком сильно закусил губу.

Первого он положил сразу — тот взмахнул руками и рухнул в траву. Упал молча, успев бросить удивленный взгляд — не ожидал, сволочь. Второй припозднился, и бестолково бегал, словно запутывал следы.

— Назад, — заорал Ефим не своим голосом, — по моей команде, не спеши...

Пулеметчик не спешил — еще больше вжался в землю.

— Прием, говоришь, особый, — вспомнив деда, ухмыльнулся Сидорчук, — у меня тоже имеется особый.

Они уже бежали в рост — с перекошенными от страха лицами наши бойцы. Бежали врассыпную, кто куда, бежали от смерти, от вражеской пули...

— Огонь! — подал команду Ефим и принялся загонять в барабан патроны.

Пулемет предательски молчал. Секунда, другая... они уже валились рядом — бледные, усталые, перепачканные в грязи и крови.

И тут он заговорил, выплюнув впереди себя пламя, вслед за которым отправились

безудержная ненависть и злоба. Ни в чем не повинные полетели ветви деревьев, а на него — дымящие гильзы. Они горохом разлетались по сторонам, звеня в холодном воздухе, падали в песок, кружились и тут же остывали...

* * *

— Есть чего? — маленькой лопаткой рыть покрытую болотной травой землю, оказалось не так просто, как виделось вначале. Только руками, а руки устали уже через десять минут.

— Копай, копай, — подсказывал Гурий — у него получалось гораздо лучше и, главное, быстрее. — Верхними, там легче пойдет. По опыту знаю.

— Вроде что-то... — сил неожиданно прибавилось, металл лязгнул о металл.

— Ну-ка, — вдвоем не только веселей.

— Шипы от сапога. Мы с тобой фрица откапываем, у наших шипов не было — не до жира. Немец и воевал в комфорте, все у них продумано — война, быт — молодцы. Пострелял — залез в блиндаж, а там лежаки, печурка на угле, кофе горячий. Устал — книжку почитал или музыку послушал. Европа! Нам с ними тягаться бесполезно, что прежде, что сейчас — избалованы они цивилизацией. А мы кто? Азиаты, скифы мы, когда чем хуже, тем лучше.

— Давай дальше не будем — произнес Володя и смахнул с лица пот.

— Страшно? Как говорил мой знакомый: свой предмет нужно знать основательно, как изнутри, так и снаружи. Покойников-то, поди, видел? Так это не покойники и даже не мертвяки. Покойник — да, волнует, пугает, а этот... сорок дней прошло? Прошло, и не дней, а лет. Кроме костей, тлена попадаются забавные вещицы. Мы с тобой, как археологи — ищем истину. А истина у них в «смертниках» — погребальных записках. Нашел такую — вернул имя, хотя ты прав.

Гурий тоже смахнул пот и опустил на мокрую кочку.

— Выкопаем мы его, а что дальше? Похоронить полагается, а сил уже нет, да и темнеет в лесу быстро. Я немцев обычно не трогал, думал, пусть свои копают. Но за немцев больше дают. Вот какая несправедливость! А у наших и взять нечего, «смертников» и тех нет. Их прежде в медальон помещали, ну, там фамилия, год рождения, какой роты, полка. Так они записки делали и в гильзу или ножом на ремне.

— А почему за немцев больше дают?

— У нас всегда за иностранное дают больше — ты не заметил? Поклонение какое-то! И убитый не исключение. Награды там, кресты, а потом, что могло быть в кармане у русского Ивана? Пыль! В лучшем случае — письмо из дома и кисет табака. А у этих — богато, и портсигары серебряные и часы — как повезет. Хотя Ганс обычно тоже бедным был.

— А кто кричал? — вдруг спросил Володя.

— В блиндаже? Я тебе так скажу, тут разной дури хватает, близко не воспринимай, говори, померещилось. Конкурент мой рассказывал, на журналистах решил подзаработать, как и мы, в лес отправился. И что думаешь? Пошел снег, это летом-то! В июне месяце, а потом у них сел аккумулятор. На машине, что приехали журналисты, сел новый аккумулятор. Техника подвела? Случается, не спорю. А потом сигареты пропали, и пропали сразу у обоих. Интересно, правда?

— Сходили?

— Сходить — сходили, но ничего интересного не нашли, — продолжил рассказ Гурий, — ты, кстати, тоже, если спросят, говори, мол, ничего интересного.

— И много вас таких?

— Таких как я — немного. Молодежь лезет, аппарат видел? У них купил, кстати, немецкого производства, стоит пятьсот долларов. А лезут они сюда по другой причине, погибшие их волнуют по сколько постольку. Вообще не волнуют, хотя это уже другая история, к делу не относится.

— Какая еще история?

— Anenerbe, — произнес Гурий.

— Чего?

— Anenerbe, — вновь повторил он, — «Наследие предков» — секретная миссия СС, занимающаяся в годы войны паранормальными явлениями. Немцы не дураки и глупостями заниматься не будут. Книжки-то почитываешь? И я почитываю, кое-что знаю. Кроме Тибета и здесь у нас проводили исследования, только тема эта скользкая, толком никто ничего не знает.

— Неопознанные летающие объекты?

— Лично видел, — Гурий сплюнул на землю, — три раза. После второго раза, у меня нога прошла. Подвернул или потянул — не знаю, думаю: все, пора завязывать. Лес хромых не любит. Больниц у нас еще с советских времен не было, про нынешние — умолчим. Все, думаю, приехали, пора менять профессию и выходить на заслуженный отдых. И на всякий случай в виде финального аккорда отправился в баню. Истопил, как полагается, травки у бабки взял, в магазине бутылек — моюсь. Сажу на лавке, грущу и думаю думаю. А потом вдруг понимаю, что надо запалить керосинку. Водку, конечно, и в темноте пить можно, но все же лучше при лучине — чтобы знать, сколько выпил.

Гурий бросил испытывающий взгляд на следопыта.

— Выхожу в предбанник — мать честная! Светло, аж, глаз не открыть! Дверь толкнул — висит!

— Тарелка?

— Она, — довольный кивнул Гурий. — А я в чем мать родила, срам и тот прикрыть забыл. Смотрю и ничего не понимаю. Как долго стоял — не скажу. Волю у меня словно кто-то забрал. Вот, думаю, и сказки! Светится, зараза, и вроде, чем-то занята — тарелка-то. Огоньки там какие-то переливаются, но звука никакого — тишина. А потом вжик и нет ее — тут до меня и дошло. Кинулся обратно, а каменка — холодная. Представь: до утра летом тепло держит, а тут холодная! Дела, думаю. Сколько же я на нее пялился? Глянул на часы — стоят!

Гурий выбросил вперед руку.

— Эти самые — свидетели, соврать не дадут. Так что немец не дурак и глупостями заниматься не будут.

— Ты говорил — нога.

— Нога прошла, я о ней потом вспомнил. Чувствую: не болит, боль вообще пропала. Я же серьезно завязывать собирался, а тут новая мысль. Если нога прошла, значит, кто-то хочет, чтобы я по лесу еще немного побродил. Может, конечно, это только моя мысль, как говорится, плод воображения. А может, и еще чья-то, улавливаешь?

— Тарелка — плазма, — вспомнил Володя, — и в атмосфере она существовать не может. Только за пределами в безвоздушном пространстве.

— Знаю, тоже читал, я потом все, что можно прочитать — прочитал. И представляешь, наткнулся на один любопытный исторический факт. В войну дело было, в самом ее конце. Флот британский уже вновь хозяином себя почувствовал в Атлантике — немец хотя и огрызался, но силы прежней не имел. А тут бой. И напали на англичан неведомые аппараты. Скорость, маневр — глаза у генералов на лоб лезут!

— Тарелки?

— Едва ушли, а несколько фрегатов у них потопили. Они, конечно, это дело засекретили, чтобы конфуза не вышло, а ветераны под старость — те, кто был свидетелем, не удержались. А какой им смысл спустя сорок лет байки рассказывать? И мне — какой? Впечатление произвести? Я потом ходил — смотрел. Ничего особенного, лес как лес, только в голове звенит. Одно слово — аномалия.

— А меня к чему пригласил? — задал неожиданный вопрос Володя.

Гурий почесал щетину.

— Если по правде — не знаю. Хожу по лесам один уже много лет, вроде, привык. Лес не любит компаний и шума он не любит. Лес чистит душу, зло забирает, хотя может и навредить. Глупо прозвучит, но я его чувствую — сила в нем космическая или... божественная. Хотя это одно и то же, слова разные, а смысл один. Живой он — не березки и сосенки, а один огромный организм. А я внутри его, если, конечно, позволит. Говорят, мародерствуем, покой нарушаем и над мертвыми глумимся. Не знаю, со стороны всегда кажется иначе. У меня карта есть — собственная, я ее сам составил, поэтому подумай.

Пастушный понял, о какой карте говорил следопыт.

— Могу отдать, там все отмечено — все, что нашел. Я этим заниматься не могу, у меня другая работа, а тебе в самый раз. Ты только хорошо подумай, основательно, потому как это будет уже твой крест. И в покое они тебя не оставят.

— Духи?

Гурий кивнул.

— У них и надежды никакой, а ты их последняя ниточка с грешной землей, поэтому думай.

* * *

Тишина стояла пронзительная. Она и прежде вызывала головокружение, а после адского шума и стрельбы — тем более. Ефим все еще не верил, что остался жив — слишком ожесточенным был бой, слишком отчаянным было как наступление, так и сопротивление. Трупы валялись кругом — слева и справа, рядом с друг с другом, в обнимку и друг на друге. В воздухе пахло смертью, порохом и кровью — вполне знакомое состояние, к которому он привык.

— Закурить есть?

По голосу свой — русский, значит, еще кому-то повезло в смертельной мясорубке.

Повернул голову. Темное лицо человека, вылезшего из огня. Лица не было — одни глаза, два круглых пятна. Пулеметчик. Странно, как он остался жив? Пулеметчика часто убивают в первые минуты боя, если это действительно настоящий бой.

Он поднялся, встряхнул землю и, медленно ступая, приблизился. Точно, пулеметчик. Как хоть его зовут? Сейчас не помнит — потом вспомнит.

— Думал, убили всех, — сказал он и достал портсигар.

— Я тоже думал.

— Всех убить невозможно, должны быть раненные, — произнес Сидорчук и закурил.

Раненных не было — стояла тишина.

— Почему не стрелял?

— Ближе подпускал, — ответил боец.

Молодец, не солгал. Другой сказал бы: не слышал или еще что-нибудь в этом роде.

Разжал кисть — сначала один палец, затем второй, третий — мертвец не сопротивлялся, равнодушно зарывшись головой в песок. Щелкнул затвором — магазин пустой. Поднял винтовку и смахнул грязь с приклада — еще теплая.

— Пойдем, — сказал Ефим и выплюнул папироску.

Пулеметчик поднялся, поправил ремень и тут же сел — стащил с ноги сапог.

Он стоял и наблюдал, как из голенища высыпалась земля, затем, как появилась грязная и худая нога. Привычным движением боец вновь набросил такую же грязную портянку и принялся за второй сапог.

— Пошли, — вновь повторил Ефим и шагнул вперед.

Штык вошел легко и быстро — крови почти не было. Трехлинейка — изумительное изобретение человечества. Кому и когда в голову пришла замечательная мысль придумать штык — длинное лезвие с тремя гранями? Когда сталь входит в плоть, крови почти нет — небольшая дырочка, которая тут же смыкается, образует характерный след, похожий на треугольник. Этим сейчас Ефим и занимался — ставил последнюю печать смерти, переходя от одного тела к другому. Все они — разбросанные на склоне косогора тела — были мертвы, однако он упорно подходил и вонзал длинное лезвие. Кровь все же стекала вдоль продольной канавки, и тогда он вытирал штык о траву, что не всегда получалось.

— Товарищ командир.

Он еще раз вонзил штык и только затем обернулся.

Пулеметчик стоял в метрах в десяти и ждал.

— Чего тебе? — спросил Сидорчук и друг осознал, что страшно устал. Усталость накатила внезапно, за какую-то секунду. И накатила она именно в тот момент, когда его окликнул боец. Зачем он это сделал и что хотел спросить?

— Товарищ командир, зачем?

— Anenerbe, — тихо произнес он, — приказ, иди — помоги.

Зачем? Действительно, зачем он поступил вопреки себе? Разве он бы не справился самостоятельно? Виной всему усталость, а прежде ее не было. Было все что угодно — равнодушие, противная горечь во рту, боль за грудиной...

Пуля вошла под лопаткой — свела мышцы и перехватила дыхание. Упала винтовка — Ефим о ней забыл. Валяющийся на земле мертвец улыбнулся — скривил рот и показал зубы. Повернуться и бросить взгляд — невозможно, тело ему уже не принадлежит. Медленно приближается земля — он ее не видит, только страшный оскал, куда Ефим и падает.

Сволочь, хочет сказать он, почему в спину? Почему сейчас?

Почему?

Почему?

Почему?

Сидорчук стоял слишком долго, и поэтому он решил, что промахнулся. Хотя и видел, как на спине вылезло бурое пятно, а сам Сидорчук вздрогнул и выронил винтовку. Сейчас

повернется и глянет ему в глаза — то, что он боялся больше всего. Стоит. Минуту, другую и не собирается падать. Что он там произнес себе под нос?

— Anenerbe, — подсказал Ефим и, наконец, упал.

Он торопится — тащит еще теплое тело в низину. Затем бежит обратно за винтовкой и проверяет — опускает приклад в темную жижу. Вновь тащит тело и вновь примеряется. Что-то гундосит под нос — ругается.

Почему он выстрелил? Он же не собирался стрелять!

Сидорчук на него смотрит и что-то пытается сказать — шевелятся губы, которые вместо слов выдувают кровавый пузырь. Пузырь лопается. Гад, — говорит Ефим и продолжает смотреть.

— Это ты гад! — кричит он, — ты зачем в своих стрелял?

— Приказ, — говорит еще один кровавый пузырь.

— Какой приказ? Своих стрелять?

— Anenerbe, — шепчет Ефим и умирает — закатывает глаза и шлепается в грязную канаву. Шлепается сам, без посторонней помощи. Вздувается гимнастерка — последнее напоминание о Ефиме медленно уходит в темную воду. Туда же летит и вражеский пистолет, кажется, «Парабеллум». Теперь Ефим никто — гладкая поверхность мрачной канавы большого и враждебного леса.

This is a table

Вторая книга показалась копией первой, с той лишь разницей, что времена в ней затрагивались иные — предвоенные и военные. Кругом фотографии красноармейцев — вот они стоят, ошетилившись штыками, здесь уже идут колоннами, везут орудия — на телегах, тракторах, машинах. Линия обороны — население копает рвы. Копают одни женщины или дети. Мужчин не видать, их просто нет. Проводы на фронт — серая масса на сером листе бумаги, лиц не разобрать, у войны — одно лицо.

Виталий Борисович вздохнул и решил передохнуть — глотнуть старой заварки.

Война для него, как ни парадоксально это прозвучит, означала праздник. Именно в майский день на протяжении многих лет он отправлялся на площадь либо стоять в почетном карауле, либо дарить ветеранам цветы, либо просто стоять и смотреть. Всегда звучала музыка и почти всегда была прекрасная погода. Иногда он успевал вернуться домой и включить телевизор, чтобы вновь посмотреть и вновь послушать. Затем площадь пустела — на ветру трепетали огромные красные флаги, а многочисленные репродукторы мужественными голосами пели патриотические песни. Виталий Борисович слушал и думал, что так будет продолжаться вечно. Порой задавал себе несколько странный вопрос, на который, впрочем, сам и отвечал. Каждый год появлялись «новые» ветераны, хотя в принципе так быть не должно. Затем он смотрел фильмы про войну — садился на кушетку и погружался в далекий и страшный мир, где была война, горе и непобедимый дух народа.

Холодный чай, как известно, и вовсе не чай, а вчерашняя заварка и вообще яд для организма. Так, по крайней мере, утверждают те, кто открыл древний напиток для человечества...

Вой пилорамы несколько не изменился, если не стал более пронзительным. Сиваков кивнул, как старому знакомому, и подал знак немного обождать. Сели там же у входа в ангар на приготовленные к отправке оконные блоки.

— Как дела? — поинтересовался для приличия Виталий Борисович, задав дежурный и ни к чему не обязывающий вопрос.

— Уехал куда-то, кризис перепроизводства, — ехидно улыбнулся Николай, — обещал в неоплачиваемый отпуск отправить.

— Капитализм, — согласился оперативник и терпеливо выждал — парень сунул в рот сигаретку.

— Ты говорил, отец Сидорчуку гроб мастерил, не можешь припомнить, как это было?

Николай с удивлением глянул.

— Да как я вспомню, если меня в то время не было.

— А фотография откуда? Он же не балерина или артист, чтобы фотографии дарить?

Николай с ответом не спешил, загонял в себя никотин и поглядывал, как тлеет сигаретка.

— Батя у меня мастер был. А что такое мастер? Специалист своего дела, глянет на человека и скажет его размер.

— Ты думаешь...

— Ну, конечно, — подхватил Николай, — снимок ему принесли, чтобы гроб заказать и в рамку вставить.

— А почему не вставили?

— Чего не знаю, того сказать не могу. Может, передумали, а может, другой портрет сделали, больший по размеру.

— Логично, — согласился Виталий Борисович и тут же спросил, — а как ты решил, что перед тобой покойник?

— Так покойник и был! Я же вам объяснял: глянул он, и мурашки по коже.

— В плаще?

— Ну да, в плаще и бледный, как смерть.

— Ничего не говорил?

Николай поперхнулся.

— Вы чего! Он же покойник! Как он скажет?

— Сказать не может, а взгляд бросить — может? Или ему гроб не понравился?

— Как не понравился?

— Тесноват или по длине не подошел, — заметил Виталий Борисович, нисколько не опасаясь выглядеть законченным идиотом. — Вот он к тебе и явился, так сказать, выразить претензии.

— Да ну вас!

— А если... — мысль показалась абсурдной, и, тем не менее, несла в себе определенный смысл, — а если его в гроб не положили! Гроб есть, и фотография есть, а покойника нет? У нас же подобные казусы случаются довольно часто. Нужно похоронить человека, отдать ему все причитающиеся почести, а его, бедного, нет!

— Думаете, не положили?

— А чего он шастает? Чего ему не лежится? А если положили, и он шастает — уже другая причина. И искать нужно другую причину.

Сиваков закрутил головой.

— Это не ко мне, это к батюшке, в церковь сходите, они объяснят.

— Спасибо тебе, Коля, — Виталий Борисович был уже на ногах, — подсказал ты мне дельную мысль.

Кто — кому подсказал — непонятно, так как еще долго Сиваков пребывал в странном состоянии, глубоко сожалея о том, что поделился за кружкой пива о своей встрече с покойником.

Интуитивно Виталий Борисович чувствовал, что находится на пороге открытия, какого именно — неизвестно. Но то, что это будет еще один шаг вперед, не сомневался. Вот только куда следует сделать этот шаг? В какие двери постучаться и куда войти?

* * *

Клавдия Степановна, о которой товарищ Шумный стал уже забывать, явилась к нему в новом облике — в черной форме, блестящих сапогах и фуражке, из-под которой выбивались светлые кудри.

— Хайль, — сказала гражданка Мухина и ловко ударила по голенищу хлыстом — Виталий Борисович растерялся. Затем приблизилась и коснулась хлыстом уже подбородка — товарищ Шумный хотя и не видел своего подбородка, но почувствовал запах кожи и замер еще более растерянный.

— Du bist очень, очень настырный. Warum? Почему гер полицейский есть настырный?

В школе Виталий Борисович изучал английский, то есть приходил в класс и вместе со всеми что-то кричал вслух на непонятном языке. Память заботливо сохранила и некоторые слова. К примеру, вполне уверенно и, главное, осмысленно он мог в любой момент сказать: *this is a table*, что в определенной степени приобщило его к иной культуре и языку. Однако в замешательство привела не форма, в которую облачилась Клавдия Степановна, а что стояло за этой формой. А за ней проглядывалась женское желание и еще какая-то неизвестная и колдовская сила.

— *Nicht verstehen*, — неожиданно для себя выдал Виталий Борисович, — *ich beer* английский язык в рамках средней школы. Удовлетворительно — *satisfaction*.

Клавдия Степановна высунула розовый язычок и облизнула губы.

— *No, I can get no satisfaction*, — пропела она удивительно милым и хорошо поставленным голосом, после чего тряхнула кудрями и заголосила: *but I try, I try...*

Бедный Виталий Борисович! Откуда ему было знать, что «удовлетворительно» и «удовольствие» — слова близкие, но заключают в себе совершенно противоположный смысл!

— *Du bist oзорник!* Гер полицейский желает канкан?

Дальнейшие события — череда сильных эмоциональных потрясений, вспоминать которые и смех и грех. Во-первых, никто и никогда не танцевал для Виталия Борисовича лично. А тут женщина задирает подол со всеми вытекающими отсюда последствиями, поднимает ноги и машет перед носом! При этом не забывает себя ударять хлыстом! И знаете куда? — Вот именно! Во-вторых, каким может быть канкан в сольном исполнении? Поэтому, чтобы исправить ошибку, либо произвести еще большее впечатление Клавдия Степановна сначала предстала в двух экземплярах, затем в трех... а потом уже перед носом замелькали десятки женских ножек!

Проснулся Виталий Борисович в холодном поту и вместе с тем какой-то разгоряченный. Посмотрел на свои ноги и едва не лишился чувств — ноги были в сапогах!

О какой-либо попытке вновь заснуть не могло быть и речи.

— *Все!* — решительно произнес он, — завтра закрываю дело! К ядерной бабушке! Хочешь как лучше — стараешься, из кожи лезешь вон, а тебе перед носом подол задирают и ногами машут!

Однако после второй чашки горячего чая остыл. Снял сапоги и отнес в прихожую. Задумался — принял позу мыслителя и впал в оцепенение.

А почему Клавдия Степановна явилась мне в столь странном облики — темной форме офицера СС? И почему канкан — любимая пляска господ третьего рейха? Что она хотела этим сказать? Или подсказать, обратить внимание? Но почему в столь разнузданном виде?

— Канкан? — переспросил Алексей Митрофанович, — ничего удивительного, любимый танец второй половины двадцатого века. Пошлый вызов классицизму. Хотя изобрели его женщины много веков назад в угоду пьяной публике. Только танцевали они не все вместе, а отдельно, каждая на своем столе корчмы. Фашистская форма? Третий рейх объявил себя наследником великой римской империи, что так же выразилось в атрибутике. А как следует из исторических хроник, пуританами римляне никогда не были, более того, положили начало страшной вакханалии и разврату. Канкан — детские шалости по сравнению с тем, чем они занимались в перерывах между заседаниями сената.

Алексей Митрофанович хихикнул.

— Увы, но республика предполагает не только развитие демократии, свобода не знает

границ и в половых отношениях. Думаю, ваш очередной сон как-то связан с теми проблемами, над которыми вы ломали голову последнее время. Успехи-то есть?

— В некоторой степени.

— Вы стали осторожными в высказываниях. Нашли дом?

— Боюсь, никогда не найду. Найти его невозможно, слишком много неизвестных — уравнение не решается.

— У меня есть еще одно соображение, так сказать, из личного опыта, — подсказал Горелик.

— Слушаю.

— Результат решаемой задачи часто проявляет себя крайне неожиданным образом, ... постараюсь объяснить, а вы постарайтесь следовать в русле моих мыслей. Если уравнение решено, события принимают иной оборот — либо прекращаются, либо вы их забываете. В сущности, это одно и то же, разная трактовка, но результат один. В вашем конкретном случае вы вернетесь к обычной нормальной жизни, и кошмары исчезнут. К Мухиной вы пришли первым. Пришли, когда ее, бедняжку, все покинули. Вы — единственная связь с этим миром, понимаете?

— Понимаю.

— Что и как она желает сообщить вам — ваша задача. Ваши сны — образы, и говорит она с вами образами, не обычными словами, принятыми среди нас — живых, а другими, более полными, что ли. Когда один и тот же образ несет в себе огромное количество информации, отсюда и кажущаяся на первый взгляд неразбериха. Вы не понимаете, что бедняжка хочет сказать, Мухина не знает, как нужно сказать. И в дополнении, может случиться, что явившаяся вам Клавдия Степановна и вовсе не Клавдия Степановна!

— То есть?

— Кто-то намеренно вводит вас в заблуждение или вы сами себя добровольно обманываете.

У Виталия Борисовича голова пошла кругом — математик его явно запутал. Слушая очередное предложение, он мысленно с ним соглашался, впрочем, как и с тем, что следовало за ним. Однако уже на третьем терял связь и впадал в протрацию.

— Поняли? — подвел некоторый итог Горелик, — не переживайте, если не поняли. Многое из того, что я говорю, непонятно и мне самому.

Это было уже слишком, ... это было уже через край, а край и в самом деле был преодолен — чай, который все время разговор продолжал крутить ложкой оперативник, вылился и образовал огромное пятно на столе.

— This is a table, — произнес Виталий Борисович, — а как это будет по-немецки?

Мой папа — пулеметчик

Картинки прошлого — внешне не связанные, часто непонятные и туманные являются нам в зрелом возрасте. Память — липкая субстанция произвольно вбирает в себя моменты безграничного счастья, радости и блаженства, либо горя и отчаяния. Избавиться от них невозможно — они живут самостоятельной жизнью, много дольше, чем нам кажется. Предел человечества — ограничен. Ученые уже вывели этот предел, определили свой срок Апокалипсису, в очередной раз взвалив на себя не свойственную им задачу.

Возраст. Чем старше становилась Дарья Никитична, тем чаще обращала она взгляд в прошлое. Именно там, в прошлом осталась маленькая девочка Даша, затем молчаливый и замкнутый подросток, и, наконец, юная девушка — не менее странная и пугливая. При этом они были разные, удивительно непохожие друг на друга существа. Порой менялись местами — в юной девушке появлялся ребенок, а в крохотной девочке — почти взрослая женщина. Даша безумно любила родителей и чувствовала себя уютно только тогда, когда кто-то из них находился рядом, что случалось после переезда в город крайне редко. Батюшка где-то пропадал — говорили, устроился на работу. Вставал он и прежде рано, однако время от времени появлялся дома. Голос его — негромкий и уверенный — заполнял каждый уголок. Даша бежала на этот голос и, как щенок, бросалась на отца. Бросалась на колени, хватала за ноги или за руку, прилипала, чувствуя сильное мужское тепло, и радовалась. Радовалась от того, что у нее есть батюшка, радовалась от мысли, что он ей принадлежит — большой и красивый, с шелковой бородой и безгранично добрый. Она видела, как он плавился от ее прикосновения, как сильные руки неожиданно становились мягкими и теплыми, как нежностью наполнялись его глаза... Странно, но ее батюшка остался там — на хуторе, а внешне похожий на отца мужчина без бороды только иногда напоминал ей некогда близкого и любимого человека. Сейчас она понимала — иначе быть не могло, а тогда, забившись в угол испуганный мышонок отказывался принимать суровую правду. Ее бросили! Предали и забыли! Она долго плакала, сначала с некоторым вдохновением, осуждая людей, которым верила и которых любила. Затем уже молча и как-то скучно, скорее по привычке — плакать Даша начинала сразу, как только уходила матушка. Говорили, и она устроилась на работу. Хотя батюшка и возражал, Дмитрий настоял именно на этом решении. Где оба работали и чем занимались — она не знала.

Плакать и страдать, впрочем, скоро надоело, и Даша принялась изучать сначала квартиру, затем подъезд, двор... Дальше каменный норы идти не решилась — слишком пугающими казались ей звуки, что рождались в этом склепе. Тогда она и познакомилась с эхом, живущим в подъезде, тишиной — хозяйкой дома и еще с кем-то — большим и страшным. Познакомилась она и с Дмитрием, который оказался и вовсе другим, нежели при первой встрече.

Он не был злым, скорее каким-то равнодушным, и пахло от него всякий раз по-разному. Вечерами, когда взрослым удавалось собраться вместе — событие неслыханное — Дашенька ходила вокруг стола и нюхала. Нюхала батюшку, затем матушку и Дмитрия. И если от родителей всегда исходил родной и знакомый запах, то от Дмитрия пахло непонятно чем. Иногда — усталостью, иногда — табаком, иногда... разобраться и понять, что означал новый и непонятный запах, долгое время не получалось.

— И чего ты вертишься? — спрашивал отец, — не набегалась, присядь хоть на

минуточку — в глазах рябит.

— Она же, Семен, ребенок, — говорил брат Дмитрий и пытался погладить по головке.

Семен, — мысленно повторяла Дашенька и смотрела на отца. Это для них он Семен, а для нее — батюшка, и тут же лезла на колени.

— Учиться ей надо, — говорил отец, — без дела сидит, мается.

— Будем учить, — соглашалась мать и бросала изучающий взгляд на дочь.

Учение — еще один мир, полный сказочных открытий, когда неожиданно ты сам становишься волшебником. Когда вырастают крылья, позволяющие отправиться в длительный полет, создать лично тобой задуманные замки и воплотить прежде забытую мечту.

Начали с алфавита и арифметики — через день, как решила матушка. Спросить совета или дождаться подсказки от старых друзей — эха и тишины — бесполезно. Только усердие и терпение — новые товарищи, которые оказались непостоянными и не столь преданными, как надеялась Дашенька. И все же она продвигалась вперед, шаг за шагом познавая магию букв и цифр, складывая слова и решая нехитрые задачки. Вытаскивала на стол вещи и предметы, принималась складывать, вычитать, делить и умножать — получалось! И составлять слова, которые выстраивались неровными буквами, доставляло не меньшее счастье. Мир оказался глубже, чем она думала, и много интересней. Время уже не угнетало, тишина не волновала, а некто страшный и большой и вовсе не был полновластным хозяином дома. Затем она училась шить, стирать, мыть полы — выросла, как говорили взрослые. Правда, успехи совсем не радовали батюшку — неизвестно по какой причине он грустил, когда следовало радоваться. Дашенька не понимала, чувствуя грусть в глазах отца, не зная, что совсем другим рисовал себе Семен будущее дочери — не с тряпкой и грязной тарелкой в руке, а в легком платье, красивом и воздушном. Когда-то он ее отчетливо видел — прелестную барышню, говорящую по-французски, далекую от серой и жестокой жизни.

Перемены. Они обязательно придут: либо ворвутся в один прекрасный день вероломно и неожиданно, либо заползут тихо и незаметно — не менее коварные и беспощадные. Дашенька — это уже не та наивная и робкая девочка, десять лет — срок поистине космического размаха, особенно, что касается молодости, которая, кстати говоря, и наступила. Молодость сама по себе означает перемены, часто совсем другие, нежели которые ждут и на которые возлагают надежды.

Произошло все внезапно и неожиданно, когда Даша в очередной раз мыла пол на кухне. Привычное занятие, будничное, от чего и последующие события застали ее врасплох. Сообразить и понять, что происходит, в первые секунды она не могла. Платье оказалось на голове, а сзади кто-то сильно и решительно в нее проник. Кто-то — дядя Дмитрий — она слышала, как хлопнула входная дверь, поэтому и не обратила должного внимания, продолжая ползать на коленках. Она также не видела, как долго на нее смотрели вспыхнувшие дьявольским огоньком глаза, как сжались пересохшие губы и прокатилась удушливая волна искушения.

Она не кричала, не сопротивлялась и не плакала — она ждала. Терпеливо и покорно, понимая, что означал тот таинственный и непонятный запах, который она не могла определить, будучи ребенком.

— Прости, — сказал, наконец, дядя Дмитрий и отпустил ее.

Минуту она над чем-то размышляла, затем поправила платье и продолжила мыть пол.

Преодолеть себя — стать другим, намеренно что-то в себе уничтожив, ложно внушая,

что избавился и забылся. Обман! Великий обман! Преодолеть себя невозможно. Можно умереть — похоронить того, другого, и родиться вновь, не прежним, знакомым тебе, а чужим и посторонним. За кем ты будешь приглядывать и удивляться. Многое он сделает иначе, вопреки тебе — отсюда и удивление.

Дашенька умерла — там, на кухне, и убил ее дядя Дмитрий. Убил помимо своей воли, от чего вскоре и запил горькую — пропал на неделю. И Даша была ему благодарна. Благодарна за то, что родителям не пришлось объяснять свое поведение, появляющуюся агрессию или болезненную меланхолию. И вновь во сне явился Ангел — забытый персонаж детских кошмаров — призрак, верхом на белом коне. Был он суров и молчалив. Пред ним — полчище нелюдей. На голове у каждой твари как бы венец покойника, лица же нелюдей — на лошадей похожие, изо рта огонь и дым исходит, хвосты подобно змеям изгибаются.

— Нет, — кричит девушка, — молчи! Ни слова не говори! Вспомнила я, все вспомнила. Не трогай его, папенька! Христа ради, не трогай! Не бери грех на душу — за ним уже идут.

И они шли — две тьмы с Запада. Одна скользила серой тенью, ползла змеей, облизывая пашни и равнины, а другая — похожая на темное облако саранчи — летела ночным небом... Ангел, как и девушка, все это видел, поправил сбрую — длинные пулеметные ленты и тяжело вздохнул — вылитый батюшка. Утром мрачный голос объявил: началась война.

Мужчин не осталось — еще вчера шумные улицы превратились в бабье царство. Баб неожиданно прибавилось: прежде моложавые женщины, симпатичные девушки и даже девочки — все они в одночасье превратились в баб — угрюмых старух в платках. А вся огромная страна — в армию. Солдаты были кругом и везде, выйти в штатском считалось неприличным. А никто без дела и не выходил, хотя продолжали звенеть пустынные трамваи, летать вороны и всходило солнце. Ему, вероятно, не было абсолютно никакого дела, что творилось внизу. Оно привычно занимало свое место в центре небосвода, изредка заглядывая сквозь перехваченные накрест бумагой слепые глазницы окон.

Колонны уходили молча, одна за другой направлялись на вокзал, где, натужено гудя, их ждали локомотивы — огромные бочки с красной звездой на лбу. И если вначале устраивали митинги, где хотя и недолго, но выступали — произносили короткие речи и приветствия, то вскоре отправляли буднично — рассаживали по вагонам и только.

Дмитрия забрали одним из первых, а уже потом, пару месяцев спустя батюшку.

Была осень, довольно свежо, но не холодно. А может, ей показалось — слишком взволновано они себя чувствовали — Даша и ее матушка — две удивительно похожие друг на друга женщины.

Самое страшное — они не знали, что сказать. Слова куда-то пропали, и девушка вспомнила тишину. Только тишина сейчас выглядела совершенно иначе. Что-то в ней изменилось, то ли она постарела, то ли повзрослела, только стояла она сейчас в стороне и не мешала.

— Напишу, — повторял батюшка. — Как будет okazия, напишу. А вы не волнуйтесь, если письмо скоро не придет. На то и война — неразбериха полная.

Он стоял — какой-то низенький, неуверенный в себе в длинной шинели, постаревший, но все равно любимый батюшка. Даша прижалась и погладила там, где когда-то росла борода. Бороды не было — щетина, белесая поросль жестких волос. Пустила слезинку — крохотную и незаметную, чтобы не волновать. Мужчины не переносят слез. Батюшка ее поцеловал — прикоснулся губами к нежной коже и вздрогнул. Отвернул голову, вроде как смотрит, что там происходит вдали. А вдали смотрят на него, и у всех блестят глаза, даже

слезятся.

— Гарь, — говорит батюшка и вытирает слезинку — не свою, дочери и улыбается. Когда хочется плакать — мужчины улыбаются. Батюшка — мужчина, хотя и кажется нескладным в своей серой шинели.

— Как приедем, напишу, я карандашей с избытком взял — не потеряю. А вы, девочки мои, любите и не обижайте друг друга.

Матушка держится из последних сил. Сил уже нет, держит Даша. Она вдруг понимает, что значит для них отец, и не представляет, как они будут жить дальше.

— Папа! — шепчет она — ты только не умирай! Я тебя очень, очень...

— Уууууууууууу — ревет бочка со звездой на лбу.

— По вагонам! — кричит бравый с вида молодой парень и бежит вдоль толпы. Бежит и почему-то старается к каждому прикоснуться, — то ли подбодрить, то ли подать какой-то знак. Смотрит на Дашеньку и бежит дальше, вновь оборачивается и вновь смотрит.

Влюбился! На бегу влюбился! — понимает девушка и ей становится смешно — хочется и плакать и смеяться одновременно. Батюшка тоже смотрит — то на свою дочь, то на молодого офицера, который явно рискует или упасть или свернуть голову.

— Пулеметчик я, — неожиданно кричит он уже с подножки поезда, — понимаешь, пулеметчик!

Они возвращаются — идут той же дорогой, но уже без батюшки. Наступило новое время, пошел иной отсчет — первые минуты без отца, первый час, вечер, день. Все что она может — только представить, очень смутно, приблизительно, а значит, искаженно.

Дашенька несколько раз приходит на вокзал, уже одна, без матушки. Стоит в сторонке и наблюдает, как прощаются другие. Зачем она это делала? Желала вновь и вновь пережить волнующие моменты? Почувствовать отца? Увидеть молодого офицера, влюбившегося на бегу?

Мой папа — пулеметчик, — повторяет она и бредет обратно. Завтра она вновь придет... или после завтра?

За дровами

Виталий Борисович стоит и многое не понимает — на экране телевизора пляшут полуобнаженные женщины. Задирают ноги и призывно улыбаются. Одеты женщины в темную форму, на голове каждой фуражка с мрачным черепом. Череп скалит беззубый рот — ему нравится.

Виталий Борисович стряхивает со своей фуражки влагу — на улице уже который день идет дождь, берет стул и садится рядом. На него никто не обращает внимания — все смотрят на экран. Смотрят молча и как-то смущенно, но с интересом. Товарищ Шумный глядит на экран явно озабоченный. Глядит и ничего не видит — думает.

— Блондинки, — говорит Сережа Кулебяка. Остальные молчат и продолжают смотреть.

— Гадость, — замечает кто-то и вновь смотрит.

— Дождь? — спрашивают Виталия Борисовича.

— Дождь, — отвечает он и вытирает о штаны мокрые руки.

Наконец экран гаснет и все, кроме трех человек, встают — Виталия Борисовича, Сережи и еще кого-то. Ему за сорок, в темном костюме и галстукe, лицо усталое и равнодушное.

— Ну что? — интересуется Сережа, наблюдая, как зрители покидают помещение, выносят стулья и тихо переговариваются между собой.

Мужчина снимает очки, достает платок и начинает полировать стекла. Вид у него усталый.

— Ничего особенного, — говорит мужчина, — из того, что мне приходилось видеть, не самое противное. Сработано под документальное кино, хотя, как вы могли заметить, ни авторов, ни актеров не указано.

— Голливуд на кухне, — пытаюсь произвести впечатление, говорит Сережа.

— Кому-то нравится, — мужчина водружает очки на место, после чего поворачивается к Виталию Борисовичу.

— Здравствуйте, — говорит ему Виталий Борисович.

— Здравствуйте, — отвечает мужчина, — я могу идти?

— Да, большое спасибо и простите за беспокойство.

Мужчина уходит — закрывает дверь кабинета и пропадает.

— Эксперт, — объясняет Сережа Кулебяка, — думали, порнография, оказалось, эротика. Ты не все видел — целая сумка, набитая этим дерьмом. Паренька задержал — торговал в переходе.

— Я уже видел, — неожиданно говорит Виталий Борисович и понимает, что сморозил глупость.

Сережа закатывает брови, подсказывая, что удивлен.

— Покупают, при мне двое купили, — продолжает он, — внешне порядочные и серьезные.

— А какими они должны быть? — спрашивает товарищ Шумный и вдруг начинает понимать. — У паренька, говоришь, в переходе...

— Да, у паренька, совсем еще мальчишка. Стоял и торговал, кассета — сотня.

Виталий Борисович вновь идет по дождю — шлепает по лужам, которые не замечает... «Образы, и говорят с нами, не обычными словами, принятыми среди живых, а другими,

более полными. Образ несет в себе огромное количество информации, отсюда и кажущаяся на первый взгляд неразбериха. Вы не понимаете, что вам желают сказать, а они не знают, как нужно сказать. И в дополнении, может случиться, что явившаяся вам Клавдия Степановна и вовсе не Клавдия Степановна! Кто-то намеренно вводит вас в заблуждение или вы сами себя добровольно обманываете».

А вот теперь многое проясняется.

Виталий Борисович остановился — замер на секунду, рассматривая небольшую табличку.

Ул. Кашенская, 13 «б».

Запрокинул голову, пытаясь угадать, за которым из многочисленных окон, живет интересующий его объект. Кем он будет? Мужчина или женщина? Определенно можно сказать одно — это будет пожилой человек, тот, кто жил во времена, когда его и на свете не существовало.

У подъезда пришлось обождать — на двери замок. То же неплохо — следует собраться с мыслями и запастись вопросами. И наконец он прибыл — осталось нажать кнопку звонка...

Глаза встревоженные — от милиции никогда не ждут ничего хорошего.

— Здравствуйте, — произнес Виталий Борисович, — вы разрешите пройти? Не волнуйтесь, ничего не произошло.

Сколько раз ему приходилось входить в чужое жилище, вынужденно вторгаться в чужой мир. Сейчас он точно определил, кому принадлежит этот мир — небольшая квартира была со вкусом, хотя и без излишеств, обставлена. Пахнуло чем-то незнакомым. В каждой квартире — свой запах. Снимать башмаки или не снимать? На улице грязно и сыро, хотя милиция в носках — глупо. И все же снял, подумав, до чего сообразительными были прежде люди — носили калоши.

— Дарья Никитична, — раздается мужской голос, — кто там?

Старушку зовут Дарья Никитична.

— Я к вам, — говорит Виталий Борисович и тут же слышит.

— Не беспокойся, Саша, это ко мне.

Идут в комнату, садятся друг напротив друга и ждут. Она — объяснений, он — пока успокоится. Возможно, впервые за много лет товарищ Шумный волновался — не знал с чего начать.

— Вы здесь живете?

— Нет, приехала навестить дочь с мужем.

Совпадение! Она приехала, а он пришел именно сейчас.

— А прежде здесь жили?

— До войны жила вместе с родителями и братом отца... вы что-нибудь знаете?

— Он у вас военным был? — вопросом ответил Виталий Борисович, внимательно изучая старческое лицо.

— Молодой человек, тогда все были военными, кто-то добровольно, кто-то вынужденно. Война призвала всех...

— Отца забрали и отправили на фронт.

Дарья Никитична смотрит и пытается понять, кто он — сидящий напротив человек в форме. Что тут делает и зачем пришел?

— Он вам писал с фронта?

— Да, конечно, только писем у меня с собой нет, дома они.

— О чем?

— Как о чем? О войне.

Уже ближе и ужасно захотелось задать главный вопрос — он его терзал и вертелся на языке, сбивая с мысли. Однако Виталий Борисович понимает, что делать этого ни в коем случае нельзя. Спросить или подсказать должна она — Дарья Никитична.

— А еще о чем он писал? Постарайтесь вспомнить. Я понимаю, это глубоко лично и, тем не менее, очень для меня важно.

— Вы кто? — старушка, хотя и не выглядела взволнованной, но была явно заинтригована.

— Собираю материал, — вдруг соврал оперативник. Сказать, что он проводит расследование, означало напугать человека, оттолкнуть от себя, позволить ему замкнуться и испортить все дело. — Собираю материал, ничего более.

— О моем отце?

— И о вашем отце в том числе. Он где воевал?

— Об этом писать запрещалось, — подсказала старушка, — только между строк. А воевал он на севере, пулеметчиком был.

— Пулеметчиком, — повторил товарищ Шумный.

— Письма очень похожи друг на друга, как правило, в первой части одни вопросы — как у нас дела, все ли живы, здоровы, как питаемся, какая стоит погода. Затем несколько слов о себе, приветы знакомым, вот, по сути, и все.

— Не было ли среди писем какого-либо особого, которое произвело на вас сильное впечатление?

— Вы знаете, все они были особенными. Каждое письмо, слово, хотя постойте...

Дарья Никитична подняла голову, словно желала унести в прошлое, за горизонт тех давних событий. Сухие, высохшие руки принялись теревить кофточку...

* * *

Письма приходили не так часто, как хотелось, а когда все же приходили, они с матерью понимали, что писали их давным-давно. Когда за окном лежал снег и дул сердитый северный ветер, у батюшки была еще осень. Он рассказывал, как много в лесу ягод, какие они сочные и вкусные. Как по небу один и за другим неровным клином летят караваны гусей, как они кричат высоко в небесах — взволнованные и возбужденные. Как свеж и прозрачен воздух, как по утрам на ветвях дрожит паутина.

Даша слушала и не могла поверить, что это действительно правда. Казалось, отец все это придумал — сочинил, чтобы их успокоить, потому что на войне не может быть ягод и гусей в небесах. Там должны быть взрывы, клубы дыма, танки, пушки, но никак не паутина. Откуда ей взяться? Она смотрела на мать и боялась спросить. А чтобы лишний раз убедиться, вновь перечитывала письмо уже самостоятельно, в одиночестве.

Гуси продолжали лететь, а паутина серебриться в лучах осеннего солнца и ни слова о войне. Иногда батюшка рисовал либо смешные рожицы, либо каких-то непонятных существ. Что они делали и чем занимались — загадка. Даша никогда не видела, чтобы прежде отец брал в руки карандаш. Почти все бумаги составляла дома матушка — у нее и почерк лучше и мысль она выражает более точно. А тут если и не произведение, так художество — еще одно

откровение. Иногда отец шутил, а чтобы понять, что это шутка, в скобках писал: ха-ха-ха или хи-хи-хи. Случалось, что в некоторых письмах вообще не было ни слова о себе, только воспоминания о том, как они втроем куда-то ходили или просто сидели дома.

В такие моменты они с матерью принимались вспоминать детали того или иного события. Вспоминали с какой-то необъяснимой тщательностью, словно от этого зависала жизнь отца, а чтение письма превращалось в поездку в прошлое. Даша удивлялась, как много помнит мать — от платья, в котором она была, до погоды за окном. Ответ всегда писали вдвоем — матушка от себя, Даша от себя. Письмо всякий раз начиналось одной и той же фразой: «Дорогой, любимый наш». И хотя возникало желание найти новое слово, чтобы передать чувства, рука автоматически выводила одно и то же...

Часто возникала небольшая путаница — ответы на вопросы выглядели устаревшими и сбивали с толку. Они вспоминали, о чем писали, и понимали, что это другое — ранее посланное письмо, о котором едва не забыли. Поэтому Дашенька принялась составлять копии, к которым и прикрепляла ответы отца.

Несмотря за задержку, письма все же приходили значительно чаще, чем другим, а почтальон стал лучшим другом и приятелем. Хотя любили его так же, как и боялись — письма, как известно, бывали разными.

Послание, что они получили в ноябре месяце, было совсем не похожим на батюшку — лишь почерк подсказывал, кто является автором. Небольшое по содержанию, какое-то торопливое и непонятное. Отец вспоминал какого-то и просил поставить в церкви свечку за упокой души грешной. Принялись думать, кого имел в виду батюшка. Думали, как всегда долго, основательно и не могли вспомнить — имени в письме не было. Спросить или уточнить — невозможно, а просьба поставить свечку сквозила через все письмо. Еще там были слова про Ангела, который согрешил и плюнул в серное озеро.

Матушка в тот день более обычного молчала — стояла у окна и смотрела в темень. Она и прежде иногда стояла — глядела на мужа через леса и поля, однако на этот раз, вероятно, отправилась сама — улетела легкой тенью. Дашенька знала: в такие моменты мать лучше не отвлекать — не трогать и не спрашивать. Летать она еще не научилась, хотя и пыталась. Не выросли крылья — решала она и уходила в комнату трогать вещи батюшки. Они все еще издавали его запах — родной и приятный. Мать тоже иногда молча сидела, уткнувшись лицом в рубашку отца, при этом никогда не плакала. И дочери строго-настрого запретила. Дашенька поняла.

Свечку все же поставили, а в поминальной записке написали: «за упокой души грешной». Мать хотя и молилась, но, как показалось девушке, молилась за батюшку. В храм ходили не часто — раз в неделю. Власти неожиданно пошли на встречу — разрешили проводить службу и привезли дрова. Прежде немногочисленные прихожане приносили по полену, которое оставляли с тыльной стороны церкви, возле ограды.

Город опустел и состарился — пришла зима. Кругом лежал снег — его не убирали. Появились новые тропинки — по ним ходил народ — мрачные, закутанные призраки. Иногда проезжала машина — лезла на брюхе по снежной целине и крутила колесами. Случалось, машина ломалась или застревала. Ее откапывали, толкали. Затем машина куда-то уезжала, а народ расходился по своим делам. Вечерами сидели на кухне — Даша и матушка. Топили печь и смотрели на огонь — было тепло и даже уютно. Спали тут же на кухне, куда перенесли кровать, которую пришлось сначала разобрать, а потом собрать. Читали книжки, жечь — рука не поднималась, кто-то топил и книжками. Жгли все подряд, хотя и жечь было

нечего — стол, да стулья. Водопровод еще работал — тоненькой струйкой бежала вода. Мылись тут же — ни о какой бане не могло быть и речи. Ставили на печь таз и грели воду, потом мылись — бережно и не спеша. Даша вспоминала лето, и как было хорошо. Когда мать поливала из ковша голову, тоже было хорошо, иногда она смеялась — беспричинно и даже глупо, вероятно, стеснялась матушки. Порой забывала, что сейчас война, а за окном снег и ветер — улыбалась. Появилась подружка — маленькая девочка, которая поселилась с отцом этажом ниже. Говорили: беженцы из Владимирской области. Разница в возрасте — не помеха, напротив Даша чувствовала некую ответственность и по возможности оберегала Клавдию. Она следовала за ней по пятам, часто без цели, как неразумный щенок. Светленькая головка, укутанная в платок, перевязанный на поясе какой-то веревочкой. Иногда Даша брала ее за руку, хотя идти вдвоем по узкой тропинке в снегу было непросто. И все равно она шла рядом, с каким-то упорством преодолевая сугробы и отказываясь шагать след в след, как это делали другие.

— Иди впереди или сзади, — говорила Даша, — снега нахватаешь, еще простудишься.

— Не простужусь, — отвечала Клавдия, боясь выпустить руку.

Вечером она вновь была тут как тут — в том же платке и пальтишке — стояла у двери и смотрела снизу вверх.

— Вы уже ужинали? — спрашивала она, — мы ужинали, ели капустный суп без капусты. Очень вкусно. Вы умеете готовить капустный суп? Если не умеете, я вас научу — это очень просто. Клавдия всякий раз что-нибудь с собой приносила — либо чистый лист бумаги, либо карандаш. Садилась за стол и рисовала, комментируя то, что она рисует — получалось забавно. Они же занимались своими делами и не обращали внимания.

— У вас папа на войне? — интересовался ребенок, — у меня папу не взяли, он плохо видит, вообще ничего не видит. Без очков он не видит даже меня — я проверяла. Спрятала очки — он расстроился. Почему одни хорошо видят, а другие плохо? В капусте много витаминов, если ее все время есть, будешь здоровым и сильным. На вопрос, где ее мать, Клавдия отвечала, что она приедет другим поездом — каким, она, к сожалению, не знает. — Сейчас кругом страшная неразбериха и часто поезда идут в другую сторону, вроде как в объезд. Рисовала Клавдия для своего возраста замечательно.

— Ничего удивительного, — серьезным голосом объясняла она, — у меня вдохновение. Без вдохновения ничего не получится, даже капустный суп. Нужно сосредоточиться и подумать — тогда придет вдохновение. Еще я знаю, где можно взять дрова, только нужны санки.

На следующий день отправлялись за дровами — брели через пустые дворы.

— Их, наверно, кто-то спрятал, — говорила Клавдия, — а потом забыл. Со мной подобное случается — я теряю вещи. Папа говорит — это рассеянность, невозможность сосредоточиться на чем-то одном, вероятно, наследственное. У нас в семье все ужасно рассеянные, только я меньше всех.

Дров они не нашли — пустое, вытопанное ногами место. Подобрали даже веточки и кору.

— Вспомнили, — сокрушалась Клавдия, — сначала забыли, а потом вспомнили — увезли.

Брели обратно.

— Ты на меня сердисься? — спрашивала Клавдия и тут же отвечала — знаю, сердисься. Я тоже на себя сержусь. Понимаешь, я все ходила и думала. Если кто-то дрова

спрятал, значит, когда-нибудь должен и забрать. А он все не забирал и не забирал. Я ждала — все же дрова-то чужие. А вдруг...

Она остановилась и серьезными глазами посмотрела на Дашу.

— А вдруг дрова забрал кто-то другой?

— Какая теперь разница.

— Ладно, бог с ними, с дровами. В следующий раз ждать не буду и сразу тебе скажу, а хочешь, пойдём в лес?

Заманчивое предложение, хотя и опасное. Ни дорог, ни тропинок, да и путь не близкий. Сначала нужно подняться в горку — длинный и нудный тягун, а затем перейти речку. Нужен топор или пила, а где их взять?

— Не хочу в лес — опасно, — объяснила Даша. — Только нам и топором махать, не женское это дело.

— Возьмем моего папу. Он же мужчина!

— Мужчина-то мужчина, да ничего не видит. А зимой в очках, что без очков — хлопот еще больше, чем с малым ребенком.

— Я уже не ребенок, — возражала Клавдия.

И все же дрова они нашли — старый, непонятно как оказавший под снегом телеграфный столб возле обочины.

— Сходи за пилой, а я покараулю, — предложила Клавдия. — Или ты покарауль, а я схожу. Даша смотрела и не знала — смеяться ей или сердиться. Да кому в голову придет мысль тащить из-под снега старый столб?

— Какой столб? Телеграфный! Вы что! С ума сошли! — накинулась на них матушка. — Она ребенок, а ты-то! Взрослая девица! Ты что, в самом деле, не понимаешь? Это же диверсия! Столб распилить! Только этого они и ждут!

Перепугались. И от страшного слова, и оттого, что едва не совершили.

— Да пусть он триста раз сгниет! Этот столб! Не надо нам дров! Вы что, мерзнете? От голода пухнете?

Даша поняла: матушка перепугалась еще больше — как когда-то в далеком и забытом детстве...

* * *

Виталий Борисович ждал — терпеливо вглядываясь в старческое лицо, которое отгородилось от него незримой завесой.

— Простите, задумалась, — тихо произнесла Дарья Никитична, — о чем вы говорили?

— Я спрашивал, не было ли среди писем вашего отца какого-то особого, что произвело на вас сильное впечатление?

— Было. Странное и на него не похожее — просил поставить в храме свечку за грешную душу — а кого именно не указал. Вы знаете, в те времена кругом цензура, и в письмах тоже. Много не разрешалось, а многое люди сами боялись — писали с опаской, о вещах малозначимых, как бы ни о чем. Важен был сам факт письма — человек жив и здоров, остальное приходилось домысливать, искать между строк.

— Поставить свечку? Он у вас верующий был?

— Война любого заставит верить. Без веры невозможно — каждый день мог стать и

последним. Где день? Час и тот не каждому позволили прожить.

Виталий Борисович вдруг полез в карман.

— Я понимаю, это маловероятно... и все же посмотрите, не приходилось ли вам встречать этого человека, может быть мимоходом, случайно?

Старушка взяла снимок и долго его рассматривала. Изучала внимательно, словно перебирала в памяти, сверялась с кем-то и вновь смотрела.

— Вроде бы и не знаю, а вроде и знаю. Фото из прошлого, из нашего времени, поэтому и знакомо, а человек незнакомый. Вы и его ищете?

Виталий Борисович тоже глянул — уже в который раз на Ефима Пафнутьевича.

— Не могу сказать утвердительно, но он каким-то образом может быть связан с вами.

— Со мной?

— С вашей судьбой.

— То есть с бабушкой?

— Может, и с бабушкой. Не знаю, каких-либо фактов у меня нет, одни предположения и довольно сомнительные.

— Он кто? — спросила Дарья Никитична.

— Сидорчук. Ефим Пафнутьевич Сидорчук, пропал на фронте, как и ваш отец.

Она еще раз внимательно глянула на снимок, а он терпеливо ждал.

— У бабушки друзей на фронте не было, он бы обязательно написал — такой уж он был человек. Не написал, поэтому ваш Сидорчук ну никак не может быть его товарищем.

Дверь отворилась, вошел мужчина.

— Здравствуйте, — произнес он и нахмурился.

— Это ко мне, — объяснила старушка, — ветеранов ищут, таких как наш Семен.

Мужчина заметно успокоился, хотя и продолжать стоять у двери.

— Виталий Борисович, — представился милиционер и поднялся, — материал собираем, а кто как ни они могут нам помочь.

— Да, да, — сказал мужчина, — я все прекрасно понимаю, благое дело, нужное, а почему милиция?

— Вы, в самом деле, не волнуйтесь, так уж получилось. Возможно, они вместе воевали, как говорится, в одном окопе из одного котелка хлебали, а потом в бой ходили. Музей откроем, чтобы потомки помнили. Война-то прошла, многое забылось. Если наше поколение не помнит, что говорить о молодых?

— Да, да, — повторил мужчина, — я все прекрасно понимаю. Павлик не приходил? Я его сегодня целый день не видел.

Павлик сидел в соседней комнате, дрожал мелкой и противной дрожью — волновался. И ждал вызова на ковер — не дождался. Виталий Борисович поднялся, поблагодарил за прием и отбыл — спустился вниз по лестнице и нырнул в пелену дождя. Там же на лестнице встретил каких-то парней — они волокли наверх могучую железную дверь. Волокли именно туда, где он просидел недолгие полчаса.

Ночью ему приснились две девочки, которые везли на санках дрова. Лиц он не видел — только фигуры, закутанные в какие-то платки. Дрова были березовые — свежеспиленные, они еще пахли древесиной, пьянили, как может пьянить дурманом лес. Сон — непродолжительное видение, которое заняло минуту, он тут же забыл — провалился в темную пропасть, где уже никто его не беспокоил.

Случайная закономерность

В жизни иногда случаются необъяснимые и загадочные события — часто их называют совпадениями. Удивительные по своей природе, они вызывают легкий трепет только в первые минуты, да и то не у всех. Так же быстро и забываются — слишком много хлопот и забот у каждого.

Виталий Борисович шагал по вечернему городу — было сыро и темно. Тоскливо горели фонари, еще более тоскливо шагали люди. Мимо проезжали машины — гораздо в большем количестве, чем люди на тротуарах. Хотя в машинах тоже сидели люди, воспринимались железные колесницы иначе — как живые существа. Прошедшая неделя ничего нового не принесла — случившиеся в городе происшествия не в счет. Это прежде всего работа, о которой стремятся забыть, переступив порог казенного дома. Виталий Борисович именно так и пытался поступить — выбросить посторонние мысли из головы. Получалась не всегда, чаще вообще не получалось — продолжал думать. Сейчас он думал о Горелике. Образ Алексея Митрофановича возник скорее самостоятельно и непонятно по какой причине, а затем — и в этом не меньшее удивление — возник уже во плоти и сам носитель образа.

Напомним, было темно, и все же товарищ Шумный его заметил и, конечно, остановился.

— Удивительно, — сказал математик и улыбнулся.

— Что удивительно? — спросил Виталий Борисович, которому и в самом деле стало как-то не по себе.

— Наша встреча. Что это — случайное совпадение или судьба? Выхожу на улицу, хотя обычно сижу дома, стою, размышляю и вижу вас. Вы идете и ничего вокруг не замечаете. Вдруг поднимаете глаза и видите меня. Честно признаюсь, не собирался к вам подходить — решил провести эксперимент.

Не может без экспериментов, — подумал Виталий Борисович, все еще немного удивленный.

— Обычная, на первый взгляд случайная встреча — ничего более. Я оставил ей совсем крохотный шанс, чтобы она действительно выглядела случайной — не получилось. Вы меня заметили. Скажу более — вы обо мне думали. Вам куда? Туда? — математик мотнул головой, — пойдете, я вас провожу, хотя мне совсем в другую сторону.

— Можно дождаться маршрутки и никуда не ходить, — предложил товарищ Шумный.

— Можно, но стоит ли это делать? — вопросом ответил Алексей Митрофанович. — Вчера точно также встретил своего коллегу, включил телевизор — тысячу лет не включал — и вижу его. Во Франции живет — он всегда мечтал жить во Франции. Знаменитость, складно говорит и, вроде как, безумно счастлив. Притворяется — глаза-то говорят об обратном, лукавит, но передача в высшей степени интересная. Читает курс лекций за границей — коллеги пригласили. Что-что, а говорить он всегда умел — артист в хорошем смысле слова. Постарел, но еще бодрый — спортом увлекается. Гляжу и радуюсь. Как все замечательно у него сложилось. Не сказать, чтобы гений, но и талантом бог не обделил, поэзией увлекается и большой любитель словесности. Страшно любит говорить. Я прекрасно понимаю, есть такая разновидность людей, которые только тогда и живут, когда говорят. Не болтают, а размышляют вслух, я пробовал — не получается. Мне обязательно нужен собеседник — тот, который бы задавал вопросы. Что такое вопрос? Как он рождается,

и что в себе несет? Сколько вопросов вы себе сегодня задали? А на сколько ответили? — Не думали, и никто не думает — не огорчайтесь. Случайность — неизбежная закономерность, где ошибка исключается. Удивительно! Совершенная математическая формула, и результат известен. Его уже вывели — все что осталось, заполнить пустующие ниши неизвестными. Математика оперирует цифрами — точная наука, далекая от каких-либо условностей.

Алексей Митрофанович поправил берет — сдвинул на затылок, словно мешал ему размышлять.

— Получается?

— Что именно? — уточнил оперативник.

— Думать иначе.

— Ах, вы об этом...

— Да, да. Об этом. Знаете, и мне интересно, как вы справитесь с вызовом, который бросили себе. Вы же его бросили, правда?

Виталий Борисович промолчал.

— Бросить вызов самому себе отважится далеко не каждый. Слишком много хлопот, а кому нужны сомнения? Конечно, мы меняемся каждый день, час, но меняемся бессознательно, а вызов, если хотите, как революция — неудержимая стихия. Как думаете, сколько стоит вызов? Он может стоить сотни миллионов человеческих жизней — я имею в виду его конечный результат. А сам вызов — ничего не стоит, копейки. Расходы на математику в целом мире — ничтожно крохотная цифра, и произнести стыдно.

Алексей Митрофанович хихикнул.

— До какой степени наш мир абсурден! Чем больше размышляю, тем больше поражаюсь — предела этому абсурду нет, и в ближайшее время не предвидится. Нам направо? Хорошо, пойдёмте налево — сейчас загорится зелёный.

Перешли дорогу.

— Люди в массе своей и прежде слепо подчинялись правилам меньшинства. Развитие цивилизации — заполнение тех же самых пустующих ниш, как и мысль, всегда находилась в услужении избранных. Многим законам — тысячи лет, а то, что мы видим сейчас — только смена декорации. По сути своей человек не изменился — он не стал добрей, благородней или умней. Весь наш прогресс — накопленный опыт поколений, направленный в русло потребления. Скучно, хотя и выразительно.

— Я нашел дом, — неожиданно заметил Виталий Борисович.

— Тот самый?

— Думаю, тот самый — тринадцать «б».

— И как вам удалось?

— Сначала мне приснилась Клавдия Степановна в форме фашистского офицера, затем задержали парня, который торговал в переходе кассетами сомнительного содержания. По месту проживания встретил пожилую женщину — его бабуку. Вообще-то она живет в другом городе и приехала сюда случайно.

— Случайно! — радостно закивал головой Алексей Митрофанович, — так, так, так, это уже крайне интересно.

— Только на этом интерес и закончился — Дарья Никитична толком ничего сказать не могла.

— Или вы плохо спрашивали, — подсказал неожиданно возбужденный математик.

Остановились — первым встал товарищ Шумный, а уж потом Горелик.

— А что, собственно говоря, я должен был спросить?

— Как что! О Клавдии Степановне!

Дрова — березовые поленья — их везут на санках две девичьи фигуры. Темно и ничего не видно — кругом лежит снег. Дрова пахнут каким-то дурманом — будущим теплом и комфортом...

* * *

В блиндаже и впрямь тепло — горит лампа, и вообще здесь как-то по-домашнему уютно. Пьет кофе — металлическая кружка с угольным подогревом — достаточно чиркнуть спичкой и запалить огонек в днище. Походная печь — наша буржуйка, только бочка другая, более основательная. Топят березой — пламя ровное и не стреляет. На стене противогазы, в углу канистра, патефон, где-то должны быть и пластинки. Как давно он не слушал музыку?

— Еще?

Мотает головой и пьет дальше. Пока он будет пить кофе, его не тронут.

Смотрят с любопытством и совсем без злобы. Для них он пришелец с другой планеты — грязный, оборванный и не страшный зверек.

— Он кто? — спрашивает белесый, по виду, наверно, офицер. Спрашивает по-русски и машет рукой, — тот в лесу, он кто? Большевик?

— Большевик, — говорит Семен, — у нас все большевики.

— Ты — большевик?

— Большевик.

Белесый смеется — показывает удивительно белые зубы и вновь машет рукой.

— Неправда, у тебя документа нет, а у него есть. Кофе — хорошо?

— Хорошо, — отвечает Семен.

— У большевиков кофе нет, ничего у них нет, ты поэтому его убил?

Семен молчит — смотрит на немца и пьет кофе. Он пленный — изменник отечества, который не оказал сопротивления и с понурой головой сдался врагу. Винтовку и ту отдал, а мог бы убить, завалить хотя бы одного — ткнуть штыком. Не завалил, а когда его хлопнули по плечу, и вовсе растерялся, попятился назад и упал в канаву — ту самую.

Шли долго, взбирались на сопки, затем ныряли вниз, обходили небольшие лесные озера — ламбушки. Немцы иногда курили, иногда о чем-то между собой говорили. Шли как-то непонятно — то ли он с ними, то ли каждый по себе. Бежать — глупо, да и некуда бежать. Его даже не обыскали и фуражку одели на голову, правда, чужую — Сидорчука.

Появилась колючка — она лежала почти на земле — крепкая проволока, о которую можно в кровь разодрать ногу. Кто-то крикнул по-немецки, ему ответили. Потянуло дымом, и Семен понял, что они пришли. Появилась техника — неожиданно как оказавшиеся в лесу машины, из-под земли торчали срубы деревьев — блиндажи...

Белесый смотрит документы — его и Ефима, затем разворачивает треугольник — письмо из дома. Читает и, конечно, ничего не понимает, складывает обратно.

Семен уже предатель — брать в бой письма — преступление, враг только этого и ждет.

— Что вы здесь делали? — спрашивает немец.

— Стреляли, — говорит Семен.

— Ты — стрелял?

— Стрелял.

— А еще что делали?

— Искали Anenerbe.

Немец хмурится и бросает озабоченный взгляд на своего коллегу — тот внешне безучастно сидит в углу и молчит.

— Тот, другой, — белесый машет рукой, — тоже искал?

— Все искали, мы теперь точно знаем, где ваша Anenerbe. Только она не ваша, а наша.

Офицер явно не понимает, вновь о чем-то говорит с коллегой.

— Барченко, — спрашивает затем он, — что-нибудь знаешь о нем? Академик Барченко?

Сгинувшего в подвалах НКВД академика Семен не знает — мало кто слышал с странном ученом, посвятившем себя разгадке древних цивилизаций — тайна, на долгие годы упрятанная в пыльные архивы Лубянки. Хотя и не так тщательно, в противном случае откуда о ней узнал офицер СС особой команды «Норд»?

— Не слышал, я человек маленький. Приказали стрелять — я стрелял, больше ничего сказать не могу — устал я.

Немец ему не верит. Вновь берет письмо из дома и вертит в руках.

— Фрау — жена?

— Жена, — кивает головой Семен, — только вам туда не добраться.

— Кто есть Дашенька? Дочь? Мне кажется, они тебя сильно любят. Ты тоже их любишь?

— Люблю.

И вновь разговор на непонятном языке. Семен только изредка слышит уже знакомое слово «Anenerbe». Да что это такое? Чего, спрашивается, они так возбудились? Что скрывается за всем этим, и кто такой Барченко? Допрос, похожий на беседу, где следователь знает большего обвиняемого. Дудки вам! — говорит мысленно Семен и вдруг понимает, почему он застрелил Сидурчука. Кто-то намеренно вложил ему в руки пистолет, а затем спустил курок. Иначе — здесь бы он не сидел, а сидел тот другой, с пулей под лопаткой. Он точно все знал! И что такое «Anenerbe», и кто такой Барченко, и главное, — что они здесь делали! Когда они начнут с ним говорить? По-настоящему, не с кружкой кофе в руке, а на дыбе? Пусть говорят — Семен спокоен — сказать-то ему нечего! О чем можно рассказать, что сообщить врагу, если он ничего не знает!

Ему уже смешно — он понимает, как одно произнесенное слово, смысла которого он не знает, превратило его в «уважаемую» персону. Теперь понятно, откуда здесь горячий кофе и участие в глазах врага. Его еще отправят самолетом в Берлин! Вместо того, чтобы сейчас валяться с дыркой в башке, он их всех будет водить за нос! И керосина они сожгут на свой аэроплан, и охрану усилят — поставят команду головорезов, которые так нужны на фронте.

— Знаю, — говорит Семен, — академика Барченко знаю, встречались один раз.

Немец таращит глаза, а второй уже надевает бушлат — торопится. Сейчас побежит звонить — докладывать!

Идут по лесу — впереди он, сзади двое автоматчиков. Это уже не прежняя прогулка, он слышал, как отдавал приказ белесый. И знать языка, чтобы понять, о чем приказал офицер СС, не обязательно. «Шкуру спущу, если с ним что-нибудь случится!» — именно так понял Семен и был, следует признать, сто раз прав.

Матушка вновь стояла у окна и смотрела в никуда, — некий ритуал, прежде чем отправиться спать. За окном — темнота. Город погружался в сон мгновенно, и даже снег — ослепительно белый днем — выглядел мрачным и серым. Много лет спустя, ей — уже познавшей жизнь пожилой женщине — откроется смысл. Мать действительно никуда не смотрела — она слушала себя, где и находила ответ на один единственный вопрос.

— Пошли, — говорила матушка, и Даша знала — отец жив и здоров. Сегодня с ним ничего не случилось.

Забирались под одеяло и согревали друг друга.

В то утро она проснулась беспричинно рано. Открыла глаза и поняла: не спит. Она также поняла, что не спит и мать, хотя и лежала матушка без движения, а дыхание — никакого дыхания.

Шум нарастал медленно — сначала решила — показалось, затем, что ослышалась, и только когда задрожали стекла, догадалась, в чем дело.

— Самолет, — сказала Даша.

— Откуда ему взяться? — ответила матушка.

Гул тем временем наполнил комнату, залез в уши, а затем забрался в голову. И Дашеньки вдруг привиделось, что они и есть самолет — огромная металлическая птица, хищно раскинувшая огромные крылья. Самолет летел высоко, очень высоко, так высоко, что ничего не было видно — даже облаков.

— Мне страшно, — прошептала девушка и прижалась к матери, которая не произнесла ни слова. И тут же выскочила из кровати, стремительно подбежала к окну и замерла...

Самолета близко он никогда не видел — только в небе. Казалось, самолет стоит на месте и натужено гудит. И сейчас он гудел еще громче и противней и никуда не летел — дрожал обшивкой. Горел фонарь, пугаясь собственной тени, и тоже дрожал. Дрожали все — какие-то мешки, ящики, руки на коленках, уши и даже нос. Минут через пятнадцать, дрожь перешла в обыкновенный гул, впрочем, не менее утомительный.

Сколько они прошли? Десять километров или больше? Пастушный не знает, но устал он основательно. Кругом один и тот же лес — какой-то серый, невзрачный и грязный. Деревья, покрытые серым мхом, — невысокие и кривые. Много сгнивших и поваленных — они валяются всюду, и присесть на них невозможно — тотчас ломаются. Гурий молчит, вероятно, и он устал, хотя держится молодцом — шагает и шагает.

— Три года назад, — неожиданно говорит он и оборачивается, — самолет нашли немецкий. В болото упал. Небольшой одномоторный. Нашли-то его давно, а вытащили три года назад. Энтузиаст объявился из новых русских, из города приехал. И что ты думаешь? Вытащил! Сначала водолазов привез — неделю в болоте плавали, жили у моего знакомого. Исследовали там все, говорят: точно, немецкий планер. Мужик этот куда-то уехал, а потом вновь, но уже с техникой. Все по уму сделал и, главное, — успел. Лето-то у нас короткое, а тут болото. Упертый, одним словом, и вытащил. Проход ему наши мужики соорудили, чтобы

трактор подогнуть — едва не утопили. Это же самолет! Как ты его со дна поднимешь?

Гурий улыбается.

— Наши спрашивают: и зачем тебе это надо? Лежит себе и лежит, тем более, что он немецкий. Кабы наш, тогда еще какой-то смысл, а тут вражеский — крест метр на метр. Вытащил, а в нем трупы, даже форма сохранилась. Тина болотная облепила — вот и сохранились. Один, по всей видимости, летчик, а остальные — непонятно кто, но в форме СС, офицеры скорей всего. Тут как тут корреспонденты, налетели, облепили и сразу в газету — уникальная находка, эхо войны. Мужик героем ходит, а тут уже другие приехали и говорят: где нашли? В болоте? Самолет? Неплохо сохранился? А знаете ли вы, что все это принадлежит государству? — Как государству? Немецкий самолет принадлежит государству?

Гурий смеется.

— А он уже деньги заплатил! Ты представляешь? И деньги немалые. Оказывается, лежать и гнить в болоте — пожалуйста, никаких проблем, а как ты его вытащил — тебе тут: извините, большое спасибо за проявленный героизм, но вещь принадлежит государству. Мужик в суд правду искать, неужели не слышал? Громкая история получилась, забавная. А пока разбирались — двигатель пропал, спер кто-то! А кто — понятно. Бодался он долго, говорили, что-то отсудил. Однако интерес вызвал другой факт, на который никто толком и внимания не обратил.

Следопыт сплюнул.

— Самолет, конечно, хорошо, и что вытащили его, неплохо. И стоит он немалых денег, думаешь, здесь один голый энтузиазм? Вот только к пассажирам, что в нем оказались, никто интереса не проявил. Одно слово — покойники. Чего с них взять? А среди покойников, говорили, был один с православным крестом. Спрашивается, откуда он взялся? Фрицы на шее жетоны носили, размером со старый пятак. Офицеры СС — наколку особого образца. Другой факт заключался в том, что на этой территории активных боевых действий не велось. Постреливали друг в друга — либо наши к ним в гости, либо они к нам. А воздушных боев — никаких, если только кто с дуру залетит. Наши точно сюда нос не показывали, и зениток у фрицев не было — ни к чему.

Володя Пастушный уже привык к своему провожатому — вернее к его манере говорить и поэтому ждет продолжения.

— Получается, самолет летел, да не долетел. И сбивать его никто не собирался. Возникает логичный вопрос: а что ему в болоте понадобилось, и что за непонятный немец с православным крестом вместо привычного жетона на шее?

— Пленный?

— Вот и я тоже подумал, — с одобрением кивает Гурий, — в самолете же ужасно холодно, как зимой. Вот и дали ему согреться — набросили ватничек с чужого плеча и носочки вязанные, чтобы не простудился по дороге. Беспokoились, получается, берегли. Однако, почему упал самолет? Понятно, что решили лететь наиболее безопасным маршрутом, может, и связь на всякий случай отключили. Вроде, все сделали правильно, все предусмотрели, и все равно упали? Техника подвела? Двигатель сломался? А к чему потом сломанный двигатель воровать?

Гурий вновь улыбается и смотрит на Володю, как учитель на школьника, которому многое впервые.

— Что изучали фрицы? Что исследовали в наших болотах? — Аномалию! С чем

боролись, на то и напоролись! Проглотила их аномалия и пленного, что берегли и везли в строжайшей тайне. Как тебе?

— На войне всякое может произойти, — как-то неопределенно говорит Пастушный.

— Не прав ты, парень. Это для нас — война, а для аномалии никакой войны нет. Она просто правит своим царством и никому не позволяет совать нос не в свое хозяйство. И покойников — тех, кто бросил вызов, отдает неохотно. Кого только в наших краях не было — и староверы коммуной жили, и народ беглый попадался, фрицы германские со своей «Апенгербе» — никто не прижился, более того, сгинули. Гулять позволено только местным и то не всем. Мужик, что самолет достал, у него дед, сказывали, из наших краев. Ну что? Передохнул?

Гурий поднялся и поправил рюкзак.

— Немного осталось, не больше, чем прошли.

Двинулись. Гурий, как положено, впереди, он — следом.

Бездонная яма прошлого

Что может сблизить случайно оказавшихся вместе людей? Чаще — горе, реже — радость. Работника библиотеки Савушкину и сторожа Кирилла Гавриловича сблизило странное происшествие, о котором никто из посторонних не знал. Каждый раз заступая на дежурство, Маргарина Петровна подходила к старику и задавала на первый взгляд какой-нибудь несущественный вопрос. Что-то вроде, как дела, как себя чувствуете. Конечно, спросить она желала совершенно о другом — о чем точно — знал Кирилл Гаврилович. Он морщили и без того морщинистый лоб, отводил глаза в сторону и отвечал.

— Нормально идут дела, как обычно, и чувствую себя значительно лучше.

В свою очередь вечером он также подходил к женщине и задавал схожие вопросы.

— Как прошел день? — спрашивал сторож, — нормально? Ничего не пропало? Ну и ладно, если что — вы мне обязательно подскажите.

— Непременно подскажу, — обещала Маргарита Петровна и еще раз проводила ревизию — пробегала взглядом ряды книг на полках.

Странный посетитель не появлялся, казалось, потеряв всякий интерес к исторической литературе. Так, по крайней мере, решили оба, продолжая друг друга приветствовать, позволяя иногда говорить о вещах второстепенных, к делу не относящихся. Кирилл Гаврилович, к примеру, узнал, что Савушкина почти всю свою жизнь проработала в библиотеке. Узнал и искренне удивился — пожалел женщину, которая, по существу, ничего кроме книг не видела. Конечно, он понимал, какая она начитанная, образованная и оттого вдвойне несчастная. Знания, как не покажется, могут принести куда больше несчастий, чем их полное отсутствие. Просидеть всю жизнь за книгами, познавая жизнь глазами других! Разве это не трагедия? Поэтому Кирилл Гаврилович жалел Савушкину и старался лишней раз оказать ей знаки внимания — либо предупредить, что в буфет привезли что-нибудь вкусное и недорогое, либо подсказать, что ожидается непогода, и если она вдруг забудет зонт, он ей даст. У него, сообщил сторож по секрету, целых три зонта — один мужской и два женских. Оставили посетители. Зонты исправные, он их иногда выдает сотрудникам, потому как ночью уж точно никто не придет и не будет требовать их вернуть. Маргарита Петровна также проявляла симпатию к пожилому мужчине, который был вынужден спать, бог знает, на чем или вообще не спать — бродить темными коридорами и проверять порядок.

Однажды они встретились — Кирилл Гаврилович пришел раньше обычного и, следуя своей привычке, двинулся по маршруту. Шел, пока не оказался там, где сидела Савушкина.

— Добрый день, — сказал он и присел — опустился на стул.

— Здравствуйте, — ответила Маргарита Петровна и принялась думать, о чем еще спросить сторожа.

— Следователь не приходил?

— Нет, не приходил, а что, обещал?

— Значит, не приходил, а вопросы-то остались.

— И у меня остались, — признался Кирилл Гаврилович, — а вы что думаете?

Она и в самом деле думала — долго размышляла о странном посетителе. Что он был — никаких сомнений, сомнения в другом — с какой целью пожаловал и что искал.

— Мне кажется, его интересовал период войны. Когда что-то читаешь, часто возвращаешься обратно и пытаешься найти свой ответ на вопрос. Не тот, что тебе

предлагают, а свой. Это вроде ребуса — разбросанные внешне, не связанные фрагменты, которые можно соединить в целое, только получив полную информацию. Он что-то искал, насколько успешно, я не знаю. Если судить по книгам, они были открыты на одной и той же странице.

— Какой?

— Сейчас я вам покажу.

Маргарита Петровна поднялась и прошла к стеллажам, где молчаливо стояли книги — красиво оформленные издания уже наших дней.

— Вот смотрите, сначала я не обратила внимания — волновалась, наверно. А затем принялась разглядывать более тщательно.

Черно-белый архивный снимок, любезно предоставленный издательству. Вне всяких сомнений, история снимка не менее любопытна, чем и то, что на нем изображено, так как автор, никто иной, как немецкий фотограф. Все застыли — обратили взгляды куда-то в сторону. Группа немецких офицеров. На заднем плане проглядывается лес, слева леса нет, там вообще ничего нет. Они чего-то или кого-то ждут — напряженно смотрят.

— Вы что-нибудь видите? — спросила Савушкина.

— А что я должен увидеть? — глупо ответил Кирилл Гаврилович и неожиданно для себя увидел. Или ему показалось? Или он ошибся?

Теперь они уже оба глядели на снимок, только не в сторону, как это делали заставшие на века офицеры вермахта, а вниз, где, казалось, ничего не было.

— Я не ошиблась?

Нет, она не ошиблась — по земле скользила тень самолета. И смотрели немые свидетели на самолет, который либо взмыл в воздух, либо собирался приземлиться.

— Самолет, — наконец, произнес сторож, — не знаю, как вы, но я вижу тень от самолета.

— И я вижу, — обрадовалась Савушкина, — как вы думаете, он видел? Чтобы увидеть тень, нужно включить лампу. Как вы заметили самолет — просто невероятно.

— Вы полагаете, он включил лампу только с этой целью — увидеть самолет? А как он узнал, что там должен быть самолет?

— Не знаю, — призналась женщина, — это только мое предположение, однако почему фотографу запретили снимать самолет? Куда эффективней сфотографировать взлет или посадку?

— А кто они? — Кирилл Гаврилович принялся рассматривать офицеров, — и что тут делают? Встречают или провожают высокого гостя, что пожаловал с инспекцией? И почему призрака интересовал самолет?

* * *

Ефим не умер. Ни когда в него вошел горячий и обжигающий тело свинец, ни когда он провалился в темную канаву, заполненную болотной водой. Он наблюдал со стороны, как вздулась пузыряем на спине гимнастерка и летит пистолет, плюхается рядом и медленно идет ко дну. Как из леса вышли фашисты — все это время они за ним наблюдали, как заставили мужичка достать из воды его тело и обыскать — вывернуть карманы и бросить обратно. Он скользил невидимой тенью, сопровождал небольшую группу, которая отправилась куда-то в

глубь леса, где еще недавно шел бой. Он летел, сгораемый только одним желанием — узнать имя того, кто превратил его в призрак, лишив привычного тела, разума и возможности выполнить приказ. Чем дальше они углублялись в лес, тем выше он возносился, пока не потерялся для себя — куда-то сгинул и пропал.

Время прекратило существование, прошлое обернулось настоящим, настоящее — прошлым. Иногда он возвращался, призванный какой-то сверхъестественной силой — неумолимой и неконтролируемой. Эта сила бросала его либо в незнакомый дом, где стояли свежеструганные гробы, и лежала его фотография, либо в кабину грузовика, летящем в ночи. Он пытался и не мог вспомнить, кто он, что делает и почему ему так хочется взять в руки наган. Иногда видел парнишку — удивительно похожего на него в детстве мальчика, а иногда девочек — двух подружек, одна из которых все время рисовала самолет, а вторая ей подсказывала, как его следует рисовать. Затем кто-то произносил заклинание — страшное слово, смысл которого всегда оставался тайной, и он вновь отправлялся к незнакомым людям, скользил мрачной тенью, пытаясь постигнуть непостижимое и разгадать тайну, частью которой он сам стал помимо желания и воли. Появился математик, пытающийся своими безрассудными действиями ограничить и без того ограниченное пространство, где нет возможности чувствовать себя свободно. Его постоянно куда-то хотели поместить, запереть и запретить думать. Затем начались вызовы, где от него что-то требовали — кричали и били ногами, ставили на край ямы и стреляли в затылок. Тут же жали руку, вручали орден и заставляли петь песню. Потом вновь кричали, били ногами и стреляли в затылок. Иногда — кололи штыком в живот совсем не больно, но как-то противно — живота-то у него не было!

В подъезд он залетел случайно через чердак, где вспугнул голубей, заметавшихся вместе с ним, а, вылетев, понял, что за ним кто-то следует с пронзительным и визгливым криком. Крик был сначала мужским, а уж потом превратился в женский. Мужчину Ефим вспомнил — тот сам когда-то упал в пролет, его даже не толкнули, хотя желание было. Что касается женщины — она, дура, так и не научилась рисовать самолеты, она вообще ничему не научилась в жизни — бестолковое существо, занимающее место в пространстве.

С книгами тоже все вышло случайно — нелепая встреча, когда вдруг проснулась память. Лес он узнал сразу — даже почувствовал сырой прохладный воздух и себя увидел — полусгнившие останки в темной низине. И мужиков, что бродили по болоту и лазили по блиндажам, видел — они были ему неинтересны. Старый дед его вспугнул — хватило легкого скрипа половиц, чтобы отправиться в поднебесную. Он пропал, как и мысль, прожившая совсем недолго. Затем вновь на него кричали, били ногами и стреляли в затылок. Сбрасывали в яму, из которой быстро поднимали и вновь били, стреляли и бросали... Вдруг появляется чье-то лицо, знакомое. Он вспоминает и не может вспомнить.

— Ты чего на меня уставился? — спрашивает лицо, — устал? Мы все, Ефим, устали — время такое. Вот ты помоложе меня будешь, и тоже устал. Две ночи не спал? Понимаю. Я не спал две недели — некогда спать, собирайся.

Куда-то идут — скрипят сапогами. Рядом еще кто-то — лица мрачные и угрюмые. Выходят на улицу, курят.

— Где его черти носят?

— За керосином, Никита Назарович, отправился, — раздается голос, и Ефим понимает с кем он только что говорил. Никита Назарович Сименюк — его командир.

Подъезжает автомобиль — большая темная машина выплывает из темноты и дрожит.

Хлопают дверцы — внутри тепло, хотя и темно. И снаружи тоже темно — кругом ночь. Едут — летят в темноте. В свете фар уворачиваются сонные дома, пугливо озираются и пропадают.

— Аккуратно, — говорит Никита Назарович, — с этим колдуном велели аккуратно.

— А он и в самом деле колдун? — спрашивает кто-то.

— Говорят, колдун. Когда человек много знает — он уже колдун, а этот знает столько, что никто не знает, сколько он знает, — объясняет Никита Назарович.

— А что же он знает, чего другие не знают? — раздается вновь вопрос.

— Дурак ты, Савченко, и дураком умрешь, — шутит командир. Товарищи смеются.

— А какая разница, кем умереть — дураком или умным? — звучит другой вопрос.

Товарищи уже не смеются.

— Хороший вопрос, — соглашается командир, — актуальный, только запоздалый. И задать его нужно было не мне, а попу, которого мы на прошлой неделе допрашивали. Мы же с ним в настоящий диспут пустились, только у бедняги аргументов не нашлось. А у нас один аргумент — железный, всегда на боку весит.

Колдуном оказался низенький старикашка с козлиной бороденкой — многие товарищи тут же разочаровались. Савченко — тот даже потрогал колдуна, несильно ткнул своим наганом. И ничего не произошло — колдун как стоял на месте, моргая глазами, так и остался стоять, лишь качнулся и поправил очки.

— Ну, ну, — говорит Никита Назарович, бросая неодобрительный взгляд на своего подчиненного, — мы о чем с тобой битый час беседовали? Затем обращаясь к колдуну:

— Товарищ академик, простите за несвоевременный визит, однако, как вы понимаете, меры предосторожности не помешают.

— Какие меры? — не понимает старикашка.

— Предосторожности, враг — хитер и коварен. Пальтишко набросьте и шарфик, у вас есть шарфик?

— Какой шарфик? Вы кто?

— Простите, товарищ академик, — извиняется Никита Назарович, — люди обычно нам на слово верят, если только уж крайне сомневающиеся, а документ имеется, как нам без документа, мы же не бандиты какие-нибудь. Вот он — документ.

Достает и протягивает бумагу.

— И шапочку какую-нибудь, чтобы от ангины. Савченко, погляди там у них в прихожей шапочку.

— Эта пойдет? — минуту спустя кричит Савченко и протягивает предмет явно из дамского гардероба.

— Савченко! — Никита Назарович сердится, — какую-нибудь — не значит женскую! Они же мужчина, как они в дамской шляпке на прием пойдут? Нет, Савченко, ты у нас все же дурак.

Товарищи улыбаются.

— Прочитали? А тут и читать нечего — печать, подпись — все законно. Вы, товарищ академик, не волнуйтесь — доставим в лучшем виде. Внизу таксомотор дожидается, и галстучек набросьте или в карман суньте — потом повяжете, как вам хочется. А вы, — Никита Назарович повернулся к родственникам, — не переживайте. Ложитесь на здоровье и продолжайте спать. Ничего с ними не произойдет, как отвезем, так и привезем. Поговорят они с кем надо, может, и чая предложат.

Едут обратно — трясутся на ухабах и молчат.

Ефим сидит рядом с колдуном и чувствует, как тот дрожит. Волнуется старикашка, это хорошо — все волнуются, даже когда обходительно и с уважением. Волнения еще больше, потому как уважение заслужить нужно, черт знает, чем обладать, чтобы вот так, чтобы серьезные люди, чтобы на машине... и культурно. И вдруг Ефиму нравится быть обходительным, просто так — для разнообразия, для смены обстановки — он же умеет и слово доброе сказать и взгляд поощрительный бросить.

— Все будет хорошо, — негромко говорит он колдуну и понимает: сегодня сделал доброе дело — никого не убил.

Знакомый дом — все окна горят, светятся в ночи, полыхают, подсказывая, что здесь никто и никогда не спит.

Дверь, лестница — идут уже троем: Ефим, Никита Назарович и колдун. Поднимаются и останавливаются. Изучающий взгляд сверху вниз.

— Башмаки, — говорит Никита Назарович и Ефим убегает. Возвращается с тряпкой, быстро вытирает колдуну ботинки — объяснять и ждать нет времени.

— Хорошо, — Никита Назарович поправляет свою фуражку и стучится в дверь.

Через минуту выбегает, слегка взволнованный.

— Проходите, — подсказывает он и бросает Ефиму, — быстро в машину!

Бегут вниз, ныряют в автомобиль и вновь мчатся.

— Дурак! — говорит Никита Назарович, — какой я дурак! Затем Ефиму: а ты куда смотрел?

Тот же дом, подъезд — летят вверх. Быстро — через две ступеньки, прыгают, а вместе с ними и сердечко тоже прыгает, колотится, готовое выскочить наружу.

— Портфель, — кричит Никита Назарович, врываясь в квартиру, — какой портфель? А мне откуда знать! Его портфель с бумагами! Быстро!

Ищут портфель — бегают по комнатам и переворачивают все вверх дном. Ефим тоже бежит — гремит сапогами и ругается. Несутся вниз и вновь через две ступени. На душе уже легко: и потому что вниз, и потому что с ними портфель.

— Расслабился, — вытирая пот, говорит Никита Назарович, — первый раз в жизни расслабился. Тысячу раз прав! Товарищ Ягода тысячу раз прав: нельзя нам расслабляться. Расслабление — смерти подобно. Ты чего ему на ухо шептал?

— Я? — удивляется Ефим, — ничего, честное слово, ничего.

— Будем считать, мне показалось. Это у нас Савченко идиот, а ты, Ефим, не идиот. Понимаешь? Кто-то должен мозгами шевелить?

— Шевелю, — отвечает Сидорчук.

— Плохо шевелишь, — укоризненно качая головой, говорит Никита Назарович, — документы забыли! На кой нам нужен этот колдун — сказки слушать? Я и сам могу сказки, и ты — можешь, любой идиот может, Савченко, и тот можешь. А документ есть факт! От документа не отвертишься. Написал — будь любезен ответить. За каждое слово, букву, точку поставил — будь любезен объяснить, а почему ты ее поставил? Почему здесь, а не в другом месте? Понял?

— Понял, Никита Назарович, — соглашается Ефим.

Сименюк смеется — скалит в темноте зубы.

— Он понял, а я — нет! Выходит, Савченко прав, не один он дурак. Колдун! Да какой он колдун — старый дед плешивый! И взять с него нечего — дома шаром покати, ни одной

вазочки, а вместо люстры — лампочка весит. Что же он все эти годы делал? Академик, я тебе скажу, это как генерал. А у генерала жалование, ординарец и экипаж у парадной. А у этого? Калош и тех нет! Портфель?

Никита Назарович тряхнул потрепанной сумкой.

— Разве это портфель? Позор это, а не портфель!

— А если он все в голове держит?

— В голове? — смеется Никита Назарович, — голова ему уже давно не принадлежит, если только шапку надеть. Глаза у него видел? Вот это глаза! Он же этот, как его — телепат! Я всю дорогу на затылке его глаза чувствовал, а ты — что чувствовал?

— Ничего.

— Так уж ничего?

— Дрожал он — волновался, видно.

— Чего!

Никита Назарович обернулся.

— Дурень! Это ты дрожал! Ты и сейчас дрожишь.

Ефим сглотнул неожиданно образовавшийся в горле комок страха.

— С ним с глазу на глаз говорить нельзя — сила в нем неземная и знания. Бьюсь об заклад, он сейчас фокусы свои демонстрирует, а писарь, что вызван, все фиксирует — в документ заносит, чтобы потом не отвертеться.

— Что же это получается, — подал голос Ефим, — он и в самом деле колдун?

— Колдун! Еще какой колдун!

— А как же наука? — возразил Сидорчук, — бога же нет!

— Бога, может, и нет, — согласился Никита Назарович, — а дьявол существует! Думал отсидеться, думал, о нем забыли. Не прав! Категорически не прав. Если у тебя знания имеются государственной важности — расскажи, поделись с товарищами. Мысли читаешь? И нас научи, чтобы и мы могли врага за версту распознать. Чтобы глянули и определили: этот враг, а этот наш — пролетарский, преданный делу товарищ.

— Как вы сказали? Телепат?

— Цыганка по руке колдует, а он по глазам. Посмотрит и скажет, что было, а что впереди тебя ждет.

— Дьявол?

— Никакой он не дьявол — ученый он. Что-то сам открыл, что-то подсказали, книги — это не только романы для барышень. Книги — знания человеческие. А знания бывают поверхностными, а бывают секретными — не всякому дано их знать. Потому как это уже сила, позволяющая вершить судьбы.

— По виду не скажешь, — вспомнив старика, заметил Ефим.

— Внешний вид — всегда обман, — поучал Никита Назарович, — галифе и маузер, конечно, сила, но куда большая сила в голове, хотя и тут вопросы возникают. Возьми нашего Савченко — не голова, а жбан настоящий. Ну и что? А много ли в его голове науки или иных полезных знаний? Спрашивает, к чему? Зачем ему такая большая голова? Что он с ней делать должен? А этот Барченко? Маленький, шупленький — глянуть не на что, того и смотри — промахнешься! Вопрос — где вся его сила находится?

— Где? — уточнил на всякий случай Ефим.

— А, черт знает, где. Только не в голове. Я так думаю, что берет он эту силу извне, из окружающего пространства. Общается с ней, как мы сейчас друг с другом общаемся. Только

язык у них особый — секретный. А если секретный, — Никита Назарович усмехнулся, — это уже по нашей части.

* * *

Самолета близко он никогда не видел — только в небе. Казалось, самолет стоит на месте и натужено гудит. И сейчас он гудел еще громче и противней и никуда не летел — дрожал обшивкой. Горел фонарь, пугаясь собственной тени, и тоже дрожал. Дрожали все — какие-то мешки, ящики, руки на коленках, уши и даже нос. Минут через пятнадцать, дрожь перешла в обыкновенный гул, впрочем, не менее утомительный.

Ефим сидит и смотрит в окно — ничего не видно. Переводит взгляд вправо на пассажира. Похоже, тому не страшно — Барченко никуда не смотрит.

— Первый раз? — кричит Сидорчук и тут же отвечает, — я первый раз! Чтобы на аэроплане и так высоко — дух захватывает! Немного страшно. Вам тоже страшно?

Барченко вскидывает голову — вроде как проснулся.

— Что?

— Я говорю: немного страшно, первый раз.

— Да, — говорит пассажир, — страшно.

— И в Москве я никогда не бывал, — признается Ефим, — только в кино видел. Мы в Москву летим — повезло нам. Профессор, можно вопрос?

Профессор — новое слово в словаре. Ефим узнал его совсем недавно. Оказывается, дел не только академик, но и какой-то там профессор. Прежде он полагал, что профессор — это врач или лекарь, достигший профессиональных высот и всеобщего признания. Барченко — не врач, а ученый и вместе с тем профессор.

— Вопрос у меня такой, — кричит Ефим, — простенький, что называется, для расширения кругозора. Скажите, когда победит мировая пролетарская революция?

Барченко молчит.

— Ну хотя бы приблизительно — через пять лет, десять?

— Зачем это вам?

— Как зачем? Интересно! Профессор, я никому не скажу, честное слово или, может, вы не знаете?

Ефим хитрит, как ему кажется, ловко и незаметно, бросает вызов загадочному пассажиру, о котором уже многое знает. Только все знания — великая тайна, и он уже поставил подпись на бумаге — внушительном секретном документе.

— Почему, — говорит профессор, — знаю.

— Через десять?

— Никогда.

— Как это никогда? Вы ничего не путаете?

Профессор не понял вопроса — в самолете шумно и говорить непросто, всякий раз приходится срываться на крик.

— Я говорю, когда победит пролетарская революция? — повторяет вопрос Ефим и двигается ближе, чтобы не пропустить ни слова, — через пять?

— Через пять лет нас не будет. Ни меня, ни вас — будет война, страшная кровавая, весь мир захлебнется в крови. Погибнут миллионы ни в чем неповинных людей.

— Нас убьют? — Ефим разочарован и немного напуган. — Враги убьют? Профессор, вы уже об этом сообщили? А кто победит?

Барченко молчит, но говорит Сидорчук.

— В любой войне должен быть победитель, нас победить невозможно. Даже если они нас победят, победы все равно не будет — мы все умрем. Умрем как один — какая же это победа?

— Победы, как ее обычно понимают, — медленно произносит Барченко, — не будет. Проиграют все — и победители, и побежденные. Победа — миф, важно сражение.

— А кто враг? Германия?

— И Германия тоже, — неохотно соглашается профессор.

— Это очень важно. Вы обязательно должны сообщить нашему руководству.

— Уже.

— Как! Они знают?

— И вы тоже, — как-то холодно говорит Барченко и, кажется, смеется. Смеются глаза — они испускают энергию и проникают куда-то вглубь, от чего Ефим чувствует, как по телу пробегает электрический заряд.

Никита Назарович прав. Дьявол! Настоящий дьявол, а что полагается делать с Дьяволом? Осиновым колом, и сверху цементом, и чтобы ни одна живая душа не знала, а тех, кто знает, за ним в ту же яму и снова цементом, цементом, цементом...

— Было уже это все, — словно разочаровавшись, произносит профессор, — и на кострах жгли, и головы рубили, а еще в кипящей смоле топили — не помогло. Мысль убить невозможно, рубильником только щелкнуть, нарушить контакт, так она в другом месте даст о себе знать, новый проводник найдет. Я же — проводник, обыкновенный проводок, по которому она бежит.

— А почему у меня не бежит? Почему у вас? Вы что, особенный?

Самолет стоит на месте и натужено гудит, дрожит каждой заклепкой, каждым болтиком. И фонарь, пугаясь собственной тени, тоже дрожит, и Ефим.

— Спину свою береги, через спину к тебе придут. А девочку не трогай, в ней ничего нет.

— Какая еще девочка?

— Тебе лучше знать — какая. Вообще ее не трогай, ни до, ни после — забудь о ней. Как увидишь, тут и забудь.

Ефим забыл — вычеркнул из памяти весь разговор и профессора больше никогда не видел — сдал каким-то мрачным типам на аэродроме. И Москвы не увидел — его тем же вечером отправили обратно — вместе с какими-то коробками, ящиками и мешками.

Все что он запомнил — пять лет. Много это или мало? И много и мало.

* * *

Пять лет — именно столько длилась война, так, по крайней мере, принято считать в исторических хрониках. Хотя длилась она гораздо дольше, для некоторых — всю жизнь. Семен пропал, как сообщало письмо, что пришло в конце зимы. Не убили, не ранили, а пропал — испарился в неизвестность. Кроме неопределенности, которой и прежде хватало, новое чувство и еще большая уверенность — нужно ждать.

Вместо матушки у окна теперь стоит Даша — переняла пост, как впрочем, и заботы. Сейчас она ходит за дровами, отоваривает карточки и меняет на продукты все, что можно поменять. Мать заболела неожиданно — с вечера легла здоровой, а проснулась разбитой. Не выдержала, — поняла Даша, — или перестала верить. А еще Даша поняла, что матушка не собирается поправляться. Приговор прочитала по глазам — тусклым, пустым и равнодушным. Схватила письмо и принялась кричать — громко, надрывно, почти в истерике.

— Пропал без вести, — кричит она, — не убили, а без вести! Если он вернется, что я ему скажу? Как объясню? Смотри! — и тыкает пальцем в текст, — без вести!

Клавдия — тут же, забила в угол. Стоит, даже когда на нее диким голосом кричит Даша.

— Уходи! Мне и без тебя тошно, чего ты ко мне прилипла? Иди к своему отцу, и бумаги у нас нет, и карандашей.

— У меня мама тоже без вести пропала — ее в поезде убили, — говорит ребенок.

— У-у-у-у-у-у-у — кричит Даша, — дура! Ее не могли убить — она пропала! Понимаешь, про-па-ла! Повтори!

— Про-па-ла, — повторяет Клавдия и гладит подругу по спине. Гладить по головке она боялась — слишком страшно кричала Даша. Иногда и она плакала — убегала во двор, пряталась и начинала плакать. Вместе плакать нельзя, вместе плачут на похоронах...

Она плачет — сидит на каких-то кирпичках и тихонько скулит.

— Потерялась?

Голос незнакомый и дяденька незнакомый — прежде Клавдия его не видела. Дяденька стоит и оглядывается по сторонам.

— Пойдем, — говорит он и протягивает руку.

Идут, но почему-то совсем в другую сторону.

— Не волнуйся — улыбается дяденька, — твоя мама у нас. Она как сказала, что ты потерялась, я сразу вспомнил. И говорю ей — твоей маме: маленькая такая девочка? В пальтишке и платочке сереньком? Как же, видел. Иду и думаю: а чего она одна делает? А тут твоя мама — понимаешь?

Дяденька держит за руку крепко, даже очень крепко — не вырваться.

— Понимаю, — отвечает Клавдия, — мама на рынок пошла, а я заблудилась.

— Точно, на рынок — так твоя мама и сказала: пошла на рынок, а дочурка моя пропала! Ничего, сейчас увидишь свою маму.

Дяденька чихает, скидывает к лицу руку — достаточно, чтобы броситься бежать. И она бежит — проваливается в снег, несется, что есть сил.

— Стой, — кричит дяденька, — ты куда, сучка?

Здесь она прежде ходила и гуляла — ковыряла палкой, пытаюсь найти случайно оказавшееся под снегом полено. Осталось метров двадцать, однако оглядываться нельзя — дяденька, не спеша, следует за ней, посматривая по сторонам. Еще десять метров, пять — Клавдия ныряет и ползет, ползет вперед... ползет пока не оказывается зажатой в узкой дыре каменной расщелины.

— Дура! — слышит она злобный голос, — ты же там сдохнешь! Тебя никто не найдет! И мать твоя не найдет!

— Нет у меня мамы, ее в поезде убили.

Она лежит и медленно умирает, зажатой со всех сторон каменными плитами, а чтобы

умирать не было скучно, начинает рисовать в своем воображение, хотя и без того, кто-то рисует за нее — искусный и талантливый художник. Красок много и все они радостные и безумно светлые, хочется петь.

Есть в мире уголок, — поет Клавдия,

Ты и любовь и счастье мог —
Редчайший дар — в нем обрести
На жизненном своем пути.

То сердце матери. Оно
Всегдашней верности полно,
Оно и в радости с тобой,
И в дни, объятые тоской.

Когда людей коварство, ложь
Во всех делах ты их прочтешь,
Узнаешь ненависть к себе,
Презрение к твоей судьбе —

Лишь сердце матери тебя
Поймет, печалясь и скорбя,
И на груди ее родной
Ты сердце облегчишь слезой.

Мать является нарядная в белом платье. Она что-то шепчет и улыбается, улыбается, улыбается.

Друзей, что потеряла я,
Вернуть мне может жизнь моя.
Но сердце матери одно —
Его вернуть не суждено... [\[1\]](#)

Клавдию куда-то заботливо несут. Кто-то плачет — голос знакомый и родной. Она пытается вспомнить и не может — не получается.

— Дуреха, — говорит голос.

— Я умерла? — спрашивает Клавдия и открывает глаза.

* * *

Они бегут друг за другом — решительные, разгоряченные. Хлипкая преграда на пути

отлетает в сторону — дверь падает, словно ее никогда тут и не было.

— На пол, подонки! — гремит выстрел, затем еще и еще.

Затравленные и перепуганные лица людей, или все же зверей — они их бьют, кто ногами, кто руками. Бьют, пока есть силы, затем садятся и тяжело дышат, хотя дышать еще сложнее. Со звоном разлетается оконное стекло, и морозный воздух приходит на помощь. Так уже легче, сейчас, еще немного, они наберутся сил и будут вновь пинать и бить этих нелюдей.

— Хватит, — говорит старший — молодой парень лет двадцати трех, — выводи по одному.

— Кучеряво, по одному, — возражает кто-то, — давай их тут всех разом, каждому в штаны гранату или из окна выбросим? Точно! Выбросим из окна!

— Я сказал: по одному!

— Стрелять тоже по одному?

— Идите сюда!

Заходят — таращат глаза и принимаются вновь бить лежащих ногами. Никто не кричит.

— Хватит, прекратить! — говорит старший и неожиданно ломается пополам, склоняется над неподвижными изуродованными телами и начинает блевать — долго муторно и противно.

— По одному, — говорит он и вытирается рукавом.

— Зачитывать?

— Обязательно.

— Каждому?

— Каждому.

Волокит, пиная и матерясь, выталкивают из парадной и переводят дыхание — морозный воздух бодрит. От желающих стрельнуть — нет отбоя, каждый желает.

— Читай, — командует старший.

Из-за рта валит пар, читает выступающий плохо — без должного напряжения в голосе. К тому же он постоянно шмыгает носом.

— Ты чего, — спрашивает его старший, — простыл?

— Ага, есть малехо, ноги зябнут.

— Ноги — это плохо, — сочувствует еще кто-то, — лучше пускай руки зябнут, чем ноги.

Руки можно в карманы спрятать, а куда спрячешь ноги?

Смеются, однако тут же вспоминает, с какой целью все вышли на воздух.

Звучит выстрел, первый падает. Кто-то подсказывает стрелку.

— Ты когда, Востриков, стреляешь, бери левее, понимаешь?

— Я левей и беру, — отвечает Востриков.

— Как левей, если у тебя пули по центру ложатся? Я же видел.

Выводят второго и вдруг видят, что это всего лишь пацан — молодой парень, которому и шестнадцати нет. Командир озабочен.

— Сколько? — спрашивает он.

— Пятнадцать, — отвечает парень.

— Пятнадцать пойдет, — успокоился командир, — и четырнадцать пойдет, нельзя только тринадцатилетних, если я не ошибаюсь. Читай.

— А может, того, без зачтения? — предлагает Востриков, — какая ему разница?

— Читай! — настаивает командир, и все слушают, затем стреляют.

Волокуч женщину, которая отказывается стоять и постоянно падает.

— Чего делать-то будем? — спрашивает один из бойцов, — не стоит, ведьма, как ее заставишь?

— Вижу.

Командир озадачен, в поиске решения чешет голову. Остальные закуривают.

— Потом покурите!

— Табак нынче дорогой, — подсказывают ему и принимаются обсуждать, как лучше расстрелять женщину.

— Я так думаю, — говорит один, — Востриков ее подержит, а мы пальнем.

— Ну уж дудки! И почему Востриков?

— Да потому, что ты не знаешь, куда стреляешь. Знаешь, ты как стреляешь? Ружье выставишь вперед и глаза закроешь! Какая после этого кучность?

— Не ври! Нормально я стреляю, а может, ее того — штыком?

— В приказе сказано — мародеров и людоедов расстреливать на месте, — напоминает командир, — какие еще могут быть обсуждения?

Подъезжает фургон с красным крестом, из которого вылезают двое мужиков в грязных белых халатах. Подходят к командиру, здороваются — по очереди жмут руку.

— Закончили?

— Еще одна осталась, — объясняет командир.

— А чего она валяется?

— Так уже получилось, сопротивление оказала при задержании, а сейчас не хочет вставать.

Мужчина в белом халате нагибается, внимательно изучает тетку, после чего сообщает.

— Вроде, мертвая.

— Как мертвая? Не может быть! Минуту назад была живая и уже мертвая.

Подходит, смотрит и вдруг понимает, что женщина не только умерла, но и обмочилась.

— Тьфу! — ругается командир, — у меня же приказ! Расстреливать на месте, а как я ее расстреляю, если она умерла?

Мужчина в белом халате вытаскивает из кармана рукавицы.

— Давай, принимай решение, у нас еще один вызов. Леня, иди — помоги.

Вдвоем они берут парнишку и тащат к машине — проваливаются в неглубокий снег. Остальные смотрят и курят.

— А ты машину ближе подгони, — вдруг советует один из бойцов, — мужик-то тяжелей будет.

— И то верно, — соглашается второй санитар и лезет в кабину, — дверцу, ребята, прикройте, а то ненароком зацеплю.

Машина, дергаясь, медленно ползет назад.

— Хорош! — кричит один, второй помогает — громко и пронзительно свистит.

— Приказ, — говорит командир и стреляет в женщину — она не слышит, продолжает равнодушно смотреть стеклянными глазами на происходящее.

Машина вскоре отъезжает, кто-то сапогом замечает кровавые следы, втоптывает в снег стреляные гильзы. Молчат.

— Пацан соврал, — говорит кто-то, — нет ему пятнадцати.

— Как нет! — начинает волноваться командир, — вы же все слышали, сам сказал — мне пятнадцать.

— Ну и что? Он мог сказать, что ему тридцать! Думаю, со страха сказал — перепуталось у него все в голове. Если на твоих глазах отца шлепнут — еще не то скажешь.

— Подожди, подожди, ты чего несешь? Может, еще скажешь, что он тут и вовсе ни при чем? Ты на кухне был? Таз видел? А знаешь, что они в тазу готовили? А ну-ка,...

Командир тащит за шиворот бойца в парадную, затем вверх по лестнице. Слышится отборный мат и ругательства.

— Пожалел! — раздаётся через разбитое окно, — ты кого пожалел? Они же нелюди! Они хуже волков! Те убьют и тут же съедят, а эти на плиту... Востриков, они же детей, понимаешь, маленьких девочек...

* * *

Дарья Никитична сидит и смотрит в окно. Чай уже давно остыл — не дождался. И она не дождалась, и уже никогда больше не дождетя — времени осталось катастрофически мало. Его вообще не осталось. Свое время она отжила, а сейчас доживает, что когда-то не дожил ее батюшка, поэтому чувства долга ни перед кем нет. Должны ей — за то, что рано повзрослела, увидела смерть, горе, что не могла вновь почувствовать себя молодой и счастливой, не смогла полюбить свою дочь — искренне и от всего сердца. Полюбить, как любила чужую и незнакомую Клавдию.

Крошки со стола рукой смахнуть нельзя — не будет достатка в доме. Дарья Никитична знала и не могла удержаться — эти крошки, что появляются неизвестно откуда, самое дорогое и любимое лакомство, как и прокисший залежалый хлеб. Она специально оставляла небольшой кусочек и позволяла ему превратиться в черствую корку, которую затем сосала, улетая в бездонную яму прошлого.

По дому ходит Александр Николаевич. Он уже почти поправился — выглядит замечательно и что-то напевает себе под нос. А прежде никогда не пел — тоже неплохой знак, вселяющий оптимизм. Подойдет к новой двери, в глазок посмотрит, ручку дернет, проверит и опять тихонько поет. Затем приходит на кухню, смотрит и говорит.

— А что, — говорит Александр Николаевич, — давайте-ка мы вам, Дарья Никитична новый забор поставим. Хороший, капитальный забор, а потом покрасим. А желаете ворота — сделаем ворота, как прежде ставили, чтобы всякий мимо проходящий бросил взгляд и задумался.

— О чем — спрашивает Дарья Никитична, — он должен задуматься?

— Как о чем? Задуматься прохожий должен о том, что здесь он никому не нужен. Если он — прохожий, вот пускай и ступает дальше по своим делам, а здесь он не нужен. Без ворот нынче ну никак нельзя, ворота — это не только дверь, ворота сейчас — знак, символ, ... видели, какую нам дверь поставили? И что самое интересное, мне совершенно не жалко денег. А деньги немалые. Пока ставили, признаюсь, были некоторые сомнения, а как она на место встала, тут я и понял — хорошо получилось. Замок там секретный и не один, гарантия небольшая, но гарантия. Поэтому думайте, время еще есть, хотите забор или ворота.

Александр Николаевич поднялся и замурлыкал песенку, однако тут же опустил на стул.

— Может, вы еще чего желаете? У каждого должна быть мечта.

— Или надежда, — подсказала старушка.

— Надежда — это когда скромно, без фантазии, без вдохновения, а мечта — нечто большее, о чем хочется подумать, а ты боишься. Поверить в мечту, верить в себя. Я же прежде не мечтал, вздор, думаю, к чему себя напрасно тешить и обманывать? И скучный какой-то стал, не радуется мне жизнь, не приносит удовольствия. Работа, дом, работа, футбол посмотрю, с сыном поговорю — так и должно быть. Так и все остальные живут, только обманывают, делают вид — вот как у них замечательно! И я делаю вид — таков житейский закон — всех обманывать. В результате получается, что дома мы живем одной жизнью, а на работе, в обществе — другой. Вывел я этот закон, и что вы думаете? Расстроился или огорчился? Нисколько! Привык, он даже стал мне нравиться, только чего-то всякий раз не хватало. Я и футболом увлекся — никогда прежде спорт меня не привлекал. С любимой командой определился, принялся болеть — все не то! Не хватает чего-то! А потом понял — мечты не хватает! Сел, с мыслями собрался, предался размышлению — если мечтать, думаю, так мечтать по-крупному! И фантазии не хватает, ей богу, чтобы на полную катушку. Лезут какие-то мыслишки недостойные, мелкие и почти все бытового характера. Хорошо бы, думаю, купить домик в деревне — аккуратный, из бруса, чтобы печь настоящая, сени вместительные, во дворе пес бегающий — злющий, зараза, но меня любит и уважает. А что я там делать буду? В этом доме? — Жить, воздухом дышать, в огороде копать, встречать зарю и провожать солнце. Машина нужна, чтобы в город съездить, а лучше две — навоз или дрова в багажник не засунешь. Получается уже два желания, а там третье, четвертое... глупости, говорю себе. Никогда в деревне не жил, и чего тебя вдруг под старость туда потянуло? Гляжу в телевизор — репортаж показывают из деревни. Такая меня тоска охватила! Невозможно нынче жить в деревне, хотя вижу — живут. И песни поют, и блины пекут, и радуются. Понимаю — не самый удачный вариант выбрал, деревня — явно не мое. Городской я человек, цивилизацией избалован, чтобы кран повернул, а там вода, хочешь — горячая, хочешь — холодная. Дрова? Так их расколоть нужно, а в нашем возрасте топориком махать — через пять минут умаешься. Не годится, плохая мечта — обременительная, и хлопот с ней еще больше. Продолжаю размышлять — выходит, отсутствие мечты не так и плохо? Не нужен тебе домик в деревне, и барбос не нужен — куда проще и спокойнее лежать на диване. И домик тебе никто не спалит, и злые люди в огород не залезут. А все однако чего-то хочется, вроде как пошалить, позволить мысли разбежаться. Не хочет! Дальше домика в деревне никуда не хочет бежать! На дорогу вышел. У меня в мыслях рядом с домиком дорога, чтобы удобно было. Соседей, конечно, никаких, вроде хуторка, но дорога обязательно. Стою и не знаю, куда идти — то ли направо, то ли налево...

— Саша, а к чему мне забор, если я в городской квартире живу?

Александр Николаевич минуту ничего не понимает — действительно, к чему бабке забор?

— Тьфу, — говорит он, — совсем того, запутался. Я же все время о домике мечтал, а какой домик без забора?

— А куда пошел, — спрашивает Дарья Никитична — налево или направо?

— Еще не решил, — честно признается Александр Николаевич, — говорю же, мысль дальше домика бежать отказывается...

Дорога начиналась и кончалась у дома. Если предстояло отправиться в город, дорога начиналась, а если возвращаться из города, заканчивалась у больших и крепких ворот, дальше пути не было. Получалось, что в одной точке сходились и начало и конец. И хотя дом уже давно прекратил свое существование, дорога осталась, вызывая удивление путника,

случайно избравшего себе данный маршрут в качестве обыкновенной пешей прогулки. Дарья Никитична никогда об этом не задумывалась, а тут вдруг вспомнила и дом отца увидела — добротнo сколоченную трехэтажную избу, с террасой по всему периметру.

— Забор, — неожиданно для себя, произнесла она, — можно и не ставить, а вот ворота обязательно. Мы их закрыли, когда уезжали, а чтобы открыть, следует заново отстроить, иначе не получится, иначе они навсегда останутся запертыми.

Александр Николаевич хмурится и начинает медленно соображать.

— А что, — говорит он, — если нам всем съездить? Отправиться вчетвером? Купить билеты, гостиницу заказать. Должны же у них быть хоть какие-то гостиницы?

— Постоялый двор, — подсказывает старушка, — прежде были постоялые дворы, там и лошадей овсом накормят, и обогреют, и щей предложат. Щи из капусты! Саша, ты любишь щи?

— А как же! И щи и борщ.

Возможно, впервые в своей жизни Виталий Борисович устал — ощутил на себе давление в семьсот шестьдесят миллиметров ртутного столба. Кроме того, что столб оказался чудовищных размеров, он был еще и влажным. Хлестало месяц, превратив город в одну большую лужу. Вспомнилась древняя сказка о старике Ное, и пришло опасение, что это и вовсе не сказка, а если осадки не прекратятся в ближайшее время, действительно наступит конец света. Однако, похоже, никто не замечал приближающейся трагедии и не собирался разделять опасения Виталия Борисовича — жили как прежде: ходили на работу, в магазин, а по вечерам смотрели телевизор. И он смотрел — пялился в экран, смутно отдавая себе отчет, что там происходит.

— Хандра, — говорил он, — обыкновенная осенняя хандра, смена времени года и ничего более. Как только прекратится этот ужасный ливень и выглянет солнце, все образумится. Существуют люди, зависимые от погоды, и те, для которых нет никакой разницы. Они настолько совершенны, настолько бесчувственны и холодны, что происходящие вокруг их изменения — не более чем смена верхней одежды. Пошел дождь — взял зонт, выглянуло солнце — плащ снял. Вот и все! Все остальное — вымысел и глубочайшее заблуждение тех, кто действительно в нем нуждается. Скучно им, или книжек начитались.

Поднялся, прошел на кухню и глянул в окно. Льет, сволочь! Решил всех нас утопить, а может, как раз наоборот...

Он где-то читал или слышал или это еще одна бредовая идея? Ерунда, обыкновенные атмосферные осадки, последствия климата, в котором приходится жить. А идея, пусть она и глупа, все же интересна. Сколько нас? Много, и за каждым небольшой грех — совсем крохотный, несущественный, а если сложить вместе — уже кое-что, а если вспомнить, о чем забыли, и туда же — в общую кучу? Нужен душ, а тут ливень, который идет уже третью неделю!

Ливень и вовсе не ливень, баня это небесная, где видней и понятней, сколько и кому причитается. А они спрятались! Укрылись в своих норках и ничего не замечают — башмаки и сапоги сушат — воды-то и по колено не будет.

Как он устал! А вроде ничего и не делал — на службу ходит, чего-то там сделает, бумагу напишет или наоборот бумагу уничтожит. Вверх по лестнице поднимется, вниз спустится, поговорит или помолчит — день прошел. Сводку почитает, начальника послушает, в город съездит, регистрирует происшествие, в окно посмотрит, в сейф заглянет — еще один день. За ним другой, третий, неделя проскочила, и устал. А они не устали — воровать, обманывать, грешить и убивать. И дождь им всем нипочем, дождь им помощник и товарищ! Прошел и никаких следов. Так все же, лечит он или калечит? И лечит — смывает наши грехи, и калечит — покрывает мраком содеянное.

Улыбнулась ведущая, то ли в попытке взбодрить зрителя, что прилип к экрану телевизора, то ли от собственной значимости и доступности каждому. А может, и то и другое и третье — слишком мрачно и тревожно кругом.

Виталий Борисович глянул в книгу и понял: ничего и никогда он не узнает и не поймет. Прошлое — еще большая тайна, непостижимая и бездонная, и сколько в эту яму не кричи, как глубоко не опускайся, пределы ее безграничны, а темнота — вечная.

История — красивое слово, сродни сказке, где все персонажи надуманы, а действия вымышлены. Для каждого история своя, личная, как и огорчения, как счастье, как люди — близкие и дорогие сердцу, кого невозможно забыть и похоронить, кто является нам и говорит на непонятном языке. Является без приглашения, в день и час ему известный и понятный. К перемене погоды, говорят старики, хотя и без гостей знают, пойдет дождь или взойдет солнце.

Пришла ночь, и небо расчистилось. Высыпали звезды — места хватило всем. Он спал — лежал на кушетке — еще не старый мужчина, задающий себе слишком много вопросов, на которые не существует ответов. Он спал и не знал, кто пожалует к нему в гости на этот раз — уже знакомая Клавдия Степановна, либо Ефим Пафнутьевич — заблудившийся перед входом в преисподнюю. Спали и другие — Сережа Кулебяка, мечтающий получить новую квартиру, Алексей Митрофанович Горелик — этот сумасшедший математик, Володя Пастушный, наконец, добравшийся до деревни, Дарья Никитична — постаревшая Дашенька, дочь Зоя с неожиданно разбогатевшим мужем Сашей и нашкодившим сыном Павликом. Из всей компании бодрствовал только сторож — Кирилл Гаврилович сидел за столом в одном из залов библиотеки и внимательно разглядывал снимки времен Великой Отечественной войны — там они все еще были живые, стояли у развернутого боевого знамени и смотрели в будущее — на нас смотрели.

— *Конец-*

Больше книг на сайте - Knigoed.net

notes

[\[1\]](#) Лидия Койдула «Сердце сатери» 1865 год пер. Роберта Рождественского